

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

№ 2 2025

**CULTURE AND ANTHROPOLOGY
RESEARCH JOURNAL**

Редакционная коллегия

Тихомирова Е. Е. – главный редактор, канд. культурологии, доц., заведующий кафедрой теории, истории культуры и музеологии (Новосибирск, Россия);

Чапля Т. В. – зам. главного редактора, д-р культурологии, доц., канд. социол. наук (Новосибирск, Россия);

Донских О. А. – д-р филос. наук, проф. (Новосибирск, Россия);

Ивонин Ю. П. – д-р филос. наук, проф. (Новосибирск, Россия);

Лойко О. Т. – д-р социол. наук, проф. (Томск, Россия);

Паршукова Г. Б. – д-р культурологии, проф., ведущий научный сотрудник ГПНТБ СО РАН (Новосибирск, Россия);

Подалко П. Э. – д-р лингвокультурологии, проф. (Токио, Япония);

Полякова Е. А. – д-р ист. наук, канд. культурологии, доц., проректор Алтайского государственного института культуры, Президент клуба ЮНЕСКО «Культурное наследие Алтая», член Императорского православного Палестинского общества (Барнаул, Россия);

Видеркер В. В. – канд. культурологии, доц. (Новосибирск, Россия);

Сторожева С. П. – канд. культурологии, доц. (Новосибирск, Россия);

Харламов А. В. – канд. филос. наук, доц. (Новосибирск, Россия);

Ма Сюлин – доц., заведующий кафедрой вторых иностранных языков, Институт иностранных языков Биньчжоуского университета (Биньчжоу, Китай)

Editorial Board

E. E. Tikhomirova – Chief Editor, Candidate of Culturology, Associate Professor, Head of the Department of Theory, History of Culture and Museology (Novosibirsk, Russia);

T. V. Chaplya – Assistant of Editor-in-Chief, Doctor of Culturology, Candidate of Sociological Sciences (Novosibirsk, Russia);

O. A. Donskikh – Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Novosibirsk, Russia);

Yu. P. Ivonin – Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Novosibirsk, Russia);

O. T. Loiko – Doctor of Sociological Sciences, Professor (Tomsk, Russia);

G. B. Parshukova – Doctor of Culturology, Professor, Leading Researcher of the State Public Scientific Technical Library of the SB RAS (Novosibirsk, Russia);

P. E. Podalko – Doctor of Cultural Linguistics, Professor (Tokyo, Japan);

Учредитель:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский государственный педагогический университет»

Журнал «Культурно-антропологические исследования» / Culture and Anthropology Research Journal зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций ПИ № ФС 77-83177 от 12 мая 2022 г.

E. A. Polyakova – Doctor of Historical Sciences, Candidate of Culturology, Associate Professor, vice-rector of the Altai State Institute of Culture, President of the UNESCO Club “Cultural Heritage of Altai”, member of the Imperial Orthodox Palestinian Society (Barnaul, Russia);

V. V. Viderker – Candidate of Culturology, Associate Professor (Novosibirsk, Russia);

S. P. Storozheva – Candidate of Culturology, Associate Professor (Novosibirsk, Russia);

A. V. Kharlamov – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor (Novosibirsk, Russia);

Ma Xiuling – Associate Professor, Head of the Department of Second Foreign Languages, Institute of Foreign Languages of Binzhou University (Binzhou, China)

The founders of the journal:

Federal state budgetary educational institution of higher education Novosibirsk State Pedagogical University

© Novosibirsk State Pedagogical University, 2025
All rights reserved

The journal “Culture and Anthropology Research Journal” is registered by Federal service on supervision in sphere of communication, information technologies and mass communications PI № FC 77-83177 from May, 12th, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО РЕДАКЦИИ

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

Бородовский А. П. Татьяна Николаевна Троицкая и начало моего пути в археологию.....	10
--	----

РАЗДЕЛ II. ПРИКЛАДНАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Головченко Н. Н. Т. Н. Троицкая и вопросы интерпретации мужских погребений Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа с «нестандартной» комплектацией сопроводительного инвентаря	31
Чистякова А. Н. Музей Аньяна глазами археолога.....	51
Ибрагимов Р. Р. Современное археологическое образование в КНР	58

РАЗДЕЛ III. СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Михайлов Д. А., Леонова А. В. Карлтон Д. Х. Хейс и его эссе «Национализм как религия».....	68
---	----

РАЗДЕЛ IV. ЮБИЛЕИ

Чёрная М. П., Плетнева Л. М., Чиндина Л. А. Томские коллеги – археологи, педагогу, другу Т. Н. Троицкой.....	93
---	----

РАЗДЕЛ V. AD MEMORIAM

Михайлов Г. М. Мама Сибирской Археологии, о доме, в котором не закрывались двери, и ленте времени в истории.....	105
Широв А. С., Негодяева О. А. Армянская культура в воспоминаниях Т. Н. Троицкой.....	113
Тихомирова Е. Е. «Дом ведь ничтожен, коль нет в нем множества лишних предметов...»: к истории вещного мира Т. Н. Троицкой.....	119

Журнал основан в 2009 г.
Периодичность: 4 раза в год
Редактор О. А. Разумова
Электронная верстка А. Л. Заковряшин
Адрес редакции: 630126, г. Новосибирск,
ул. Вилуйская, 28, к. 319, т. (383) 244-19-92
Адрес издательства и типографии:
630126, г. Новосибирск, ул. Вилуйская, 28,
т. (383) 244-06-62

Печать цифровая. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 10,9. Уч.-изд. л. 8,6.
Тираж 500 экз. Заказ № 49.
Формат 70×100/16.
Цена свободная
Дата выхода в свет 04.07.2025
Отпечатано в Издательстве НГПУ

CONTENTS

FROM THE EDITORIAL BOARD

PART I. CULTURAL HISTORY

Borodovsky A. P. Tatyana Nikolaevna Troitskaya and the beginning of my journey into archaeology	10
--	----

PART II. APPLIED CULTURAL STUDIES

Golovchenko N. N. T. N. Troitskaya and the questions of interpretation of male burial with nonstandard complex of accompanying stock in Upper Ob River territory of Early Iron Age.....	31
Chistyakova A. N. The Anyang Museum through the eyes of an archaeologist	51
Ibragimova R. R. Modern archaeological education in the People's Republic of China.....	58

PART III. SOCIOLOGY OF CULTURE

Mikhailov D. A., Leonova A. V. Carlton J. H. Hayes and his essay "Nationalism as a Religion"	68
---	----

PART IV. ANNIVERSARY

Chernaya M. P., Pletneva L. M., Chindina L. A. Tomsk colleagues – to the archaeologist, teacher, friend T. N. Troitskaya	93
---	----

PART V. AD MEMORIAM

Mikhailov G. M. The mother of Siberian Archaeology, about the house in which the doors did not close and the tape of time in history.....	105
Shirov A. S., Negodyaeva O. A. Armenian culture in the memoirs of T. N. Troitskaya.....	113
Tikhomirova E. E. "A house is nothing if it does not have a lot of unnecessary objects...": to the history of the world of things by T. N. Troitskaya.....	119

The journal is based in 2009
Periodicity: 4 times a year
Editor O. A. Razumova
Electronic make-up operator A. L. Zakovryashin
Editors address: 630126, Novosibirsk,
Vilyuiskaya, 28, r. 319, t. (383) 244-19-92
Editors publisher and printing house:
630126, Novosibirsk, Vilyuiskaya, 28,
t. (383) 244-06-62

Printing digital. Offset paper
Printer's sheets: 10,9. Publisher's sheets: 8,6.
Circulation 500 issues
Order № 49.
Format 70×100/16
Release date 04.07.2025
Printed by Publishing House of the NSPU

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО РЕДАКЦИИ

Текущий номер журнала «Культурно-антропологические исследования» посвящен 100-летию со дня рождения выдающегося ученого и педагога, доктора исторических наук, профессора Татьяны Николаевны Троицкой. В него вошли материалы, представленные на Всероссийской научно-практической конференции «Талант наивысшей пробы...», которая прошла 13–14 мая 2025 г. в Новосибирском государственном педагогическом университете.

Татьяна Николаевна Троицкая, доктор исторических наук, профессор – основатель археологической школы Сибири, из которой вышли академик В. И. Молодин, 4 доктора исторических наук (В. И. Соболев, В. А. Зах, А. В. Матвеев, А. П. Бородовский) и 20 кандидатов исторических наук. Она расширила возможности археологии, открывая новые археологические памятники на территории Сибири, и рассмотрела их как культурные тексты, которые являются источниками для реконструкции образа жизни древнего человека, его духовного мира и ментальных характеристик. Заслуги Татьяны Николаевны перед высшей школой и гуманитарной наукой отмечены медалью ордена за заслуги перед Отечеством II степени, знаком «За отличные успехи в работе», званиями «Отличник просвещения СССР» и «Заслуженный работник высшей школы РФ».

Данный номер журнала является материализацией памяти о ней и памятованием.

Журнал «Культурно-антропологические исследования» основан в 2009 году как научное периодическое издание. Журнал выступает открытой и независимой трибуной для отражения современных интегративных тенденций в гуманитарных науках. Этот вектор развития гуманитаристики особенно востребован и значим в современный период как необходимость поиска стратегических ориентиров жизни человеческого общества. Сквозной для данной тенденции является культурно-антропологическая тематика, посвященная человеку в его культурной ипостаси: человек как культурное существо. Культура здесь выступает специфически человеческим, т. е. связанным со смыслообразованием, инструментом выживания человека и человечества. Этот предмет имеет ряд граней – от философской постановки вопроса до конкретных и практических исследований современных гуманитарных наук: культурологии, истории, археологии, филологии, музеологии. В нашем журнале как раз предлагается вариант такого обобщенного видения. Для его получения целесообразно увязать между собой многочисленные, более частные, представления, которые бы взаимно корректировали друг друга. А с этой целью важно привлечь знание не только культурологическое. Следует посмотреть на культуру также извне. С одной стороны, это будет подход с позиции философии (и философии как таковой, и отдельных философских наук, в частности, философской антропологии и натурфилософии). С другой стороны, это будет подход с позиции естественно-научной.

Нашими партнерами являются российские авторы, что способствует активному обмену достижениями в сфере гуманитарных наук, а также – поддержанию и развитию единого научного пространства России и стран СНГ, консолидации усилий ученых и специалистов для решения актуальных научно-практических и образовательных проблем, представляемых исследователями Сибирского федерального округа, а также представителями других регионов России и международного сообщества.

Журнал адресован исследователям, преподавателям высших учебных заведений, аспирантам, специалистам в сфере философии, культурологии, истории, которые интересуются новейшими результатами фундаментальных и прикладных исследований. Приглашая к сотрудничеству, редакционная коллегия журнала «Культурно-антропологические исследования» рассчитывает на то, что авторы журнала будут стремиться к постижению современных глубинных и противоречивых основ процессов в области культуры.

Мы ждем ваши статьи, раскрывающие, обобщающие результаты исследований по смежным гуманитарным проблемам.

Редакционная политика журнала основывается на традиционных этических принципах российской научной периодики, поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций (Москва, Россия).

Приглашаем вас к участию в работе нашего журнала.

FROM THE EDITORIAL BOARD

The current issue of the journal "Culture and anthropology research journal" is dedicated to the 100th anniversary of the birth of the outstanding scientist and educator, Doctor of Historical Sciences, Professor Tatiana Nikolaevna Troitskaya. It includes materials presented at the All-Russian Scientific and Practical Conference "Talent of the highest test..." which was held on May 13–14, 2025 at the Novosibirsk State Pedagogical University.

Tatiana Nikolaevna Troitskaya, Doctor of Historical Sciences, Professor is the founder of the archaeological school of Siberia, from which came Academician V. I. Molodin, 4 Doctors of Historical Sciences (V. I. Sobolev, V. A. Zakh, A. V. Matveev, A. P. Borodovsky) and 20 Candidates of Historical Sciences. She expanded the possibilities of archaeology by discovering new archaeological monuments on the territory of Siberia and considered them as cultural texts, which are sources for reconstruction of the way of life of ancient man of his spiritual world and mental characteristics. Tatyana Nikolaevna's services to the Higher School and humanitarian science are marked by the medal of the Order for Merit to the Fatherland II degree, the sign "For Excellent Achievements in Work", the titles "Excellent Educator of the USSR" and "Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation".

This issue of the journal is a materialization of her memory and commemoration.

The "Culture and anthropology research journal" was founded in 2009 as a scientific periodical. The journal acts as an open and independent tribune to reflect modern integrative trends in the humanities. This vector of humanities development is especially demanded and significant in the modern period as the need to find strategic guidelines for the life of human society. Cross-cutting for this trend is the cultural-anthropological theme devoted to man in his cultural hypostasis, man as a cultural being. Culture here acts as a specifically human, i.e. related to meaning-making, instrument of survival of man and mankind. This subject has a number of facets – from philosophical formulation of the question to concrete and practical studies of modern humanities: culturology, history, archaeology, philology, museology. Our journal offers a variant of such a generalized vision. In order to obtain it, it is advisable to link the numerous, more particular views, which would mutually correct each other. To this end, it is important to attract knowledge that is not only cultural. It is necessary to look at culture from the outside as well. On the one hand, this will be an approach from the position of philosophy (both philosophy as such and individual philosophical sciences, in particular, philosophical anthropology and natural philosophy). On the other hand, it will be an approach from the position of natural sciences.

Our partners are Russian authors, which contributes to the active exchange of achievements in the field of humanities, as well as to the maintenance and development of a common scientific space of Russia and CIS countries, consolidation of efforts of scientists and specialists to solve urgent scientific, practical and educational

problems, represented by researchers of the Siberian Federal District, as well as representatives of other regions of Russia and the international community.

The journal is addressed to researchers, teachers of higher educational institutions, graduate students, specialists in philosophy, cultural studies, history, who are interested in the latest results of fundamental and applied research. Inviting to co-operation, the editorial board of the "Culture and anthropology research journal" counts on the fact that the authors of the journal will strive to comprehend the modern deep and contradictory foundations of processes in the field of culture.

We are waiting for your articles revealing, generalizing the results of research on related humanitarian problems.

The editorial policy of the journal is based on traditional ethical principles of Russian scientific periodicals and supports the Code of Ethics of Scientific Publications formulated by the Committee on Ethics of Scientific Publications (Moscow, Russia).

We invite you to participate in the work of our journal.

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

PART I. CULTURAL HISTORY

Культурно-антропологические исследования. 2025. № 2

Culture and anthropology research journal. 2025. № 2

Научная статья

УДК 378(092)Троицкая Т.Н.+902(571)

**Татьяна Николаевна Троицкая
и начало моего пути в археологию**

Бородовский Андрей Павлович^{1,2}

¹Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

²Новосибирский государственный педагогический университет Министерства образования и науки РФ, Новосибирск, Россия

Аннотация. Статья посвящена авторской оценке роли Татьяны Николаевны Троицкой в рамках подготовки к профессиональной археологической деятельности студентов Новосибирского государственного педагогического института в последней трети прошлого столетия. На обширном документальном материале раскрываются подходы и результаты Татьяны Николаевны Троицкой в формировании новосибирской археологической школы. Конкретные примеры работы со студентами в полевых и камеральных условиях поэтапно отражают процесс подготовки в ходе обучения в вузе. Проведение студенческих археологических экспедиций на территории Новосибирского Приобья и Крыма, музейных стажировок в Эрмитаже позволяло получить хорошую профессиональную подготовку и широкий кругозор, который не ограничивался только сибирской археологией.

В этой связи следует отметить, что, будучи выдающимся педагогом, Татьяна Николаевна Троицкая являлась фактически первым и единственным для г. Новосибирска ученым-антиковедом. Такая специализация позволяла ей в полном объеме передавать своим студентам знания по классической археологии. Широта исследовательских интересов Татьяны Николаевны безусловно была для студентов, окружавших ее, мощным стимулом для расширения своей эрудированности и самостоятельных поисков в научной сфере.

Не менее значимым было умение Татьяны Николаевны создавать и поддерживать студенческие исследовательские коллективы. Именно из них в конечном итоге вышла целая когорта известных в настоящее время сибирских археологов. Другим важным фактором научной деятельности Татьяны Николаевны Троицкой является определение целого ряда направлений археологии эпохи раннего железа и раннего средневековья Верхнего Приобья. В настоящее время они получили дальнейшее развитие в полевых исследованиях и публикациях ее многочисленными учениками.

Ключевые слова: Татьяна Николаевна Троицкая; НГПУ; Западная Сибирь; археология; путь в науку

Для цитирования: **Бородовский А. П.** Татьяна Николаевна Троицкая и начало моего пути в археологию // Культурно-антропологические исследования. – 2025. – № 2. – С. 10–30.

Scientific article

**Tatyana Nikolaevna Troitskaya
and the Beginning of my Journey into Archaeology**

Andrew P. Borodovsky^{1,2}

¹Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

²Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

Abstract. The article is devoted to the author's assessment of the role of Tatyana Nikolaevna Troitskaya in the preparation for professional archaeological activity of students of the Novosibirsk State Pedagogical Institute in the last third of the last century. The extensive documentary material reveals the approaches and results of Tatyana Nikolaevna Troitskaya in the formation of the Novosibirsk archaeological school. Specific examples of working with students in the field and in-house conditions gradually reflect the preparation process during their studies at the University. Conducting student archaeological expeditions on the territory of the Novosibirsk region and the Crimea, museum internships at the Hermitage allowed to receive not only good professional training, but also a broad outlook, which was not limited only to Siberian archaeology.

In this regard, it should be noted that in addition to the outstanding pedagogical achievements of Tatyana Nikolaevna Troitskaya, she was actually the first and only scholar of antiquities for Novosibirsk. This specialization allowed her to fully transfer her knowledge of classical archaeology to her students. The breadth of Tatiana Nikolaevna's research interests was certainly a powerful incentive for the students surrounding her to expand their erudition and independent research in the scientific field. No less significant was Tatyana Nikolaevna's ability to create and support student research teams.

No less significant was Tatyana Nikolaevna's ability to create and support student research teams. It was from them that a whole cohort of currently famous Siberian archaeologists eventually emerged. Another important factor in the scientific activity of Tatyana Nikolaevna Troitskaya is the definition of a number of areas of archaeology of the Early Iron Age and the Early Middle Ages of the Upper Ob region. Currently, they have been further developed in field research and publications by her numerous students.

Keywords: Tatyana Nikolaevna Troitskaya; NSPU; Western Siberia; archeology; the way to science

For citation: Borodovsky A. P. Tatyana Nikolaevna Troitskaya and the beginning of my journey into archaeology. *Culture and anthropology research journal*, 2025, no. 2, pp. 10–30.

Введение. Научное взаимодействие следует оценивать исключительно через призму объективности. Этот подход соответствует не только сути и цели научной деятельности, но и в значительной степени жизненной оптимальности, когда время и приобретенная мудрость позволяют отбросить все эмоции, субъективное восприятие отношений и четко увидеть «сухой остаток».

Именно в таком контексте мне хотелось бы рассказать о роли Татьяны Николаевны Троицкой в моем становлении как профессионального ученого. Мое взаимодействие с Татьяной Николаевной в рамках научной сферы состоялось в Новосибирском государственном педагогическом институте в далеком 1977 г. Следует сразу же сказать, что при достаточно тесном взаимодействии со студентами Татьяна Николаевна как преподаватель вуза относилась достаточно тщательно к отбору кандидатур для занятия научной деятельностью. У нее существовал комплекс критериев, главным из которых, на мой взгляд, был интеллектуальный потенциал и определенная индивидуальность, которая могла проявляться в самых различных качествах. В моем случае это, вероятно, было умение неплохо рисовать (что было тогда очень важно для археолога) и явная нестандартность подходов. По мнению тогдашнего декана исторического факультета Михаила Петровича Ененко (с которым Татьяна Николаевна по роду служебных отношений не всегда ладила...), я был «пестрым мальчиком». Тогда я до конца не понимал, что это точно значило, но догадывался, что от меня можно было ожидать чего угодно, а непредсказуемость, как известно, не самое комфортное качество для окружающих. Тем не менее эта характеристика меня деканом, очевидно, не смущала Татьяну Николаевну. Она, правда, сама в отношении меня сформулировала такую характеристику: «Бородавский – такой человек, который если найдет какую-то „дырку“, то обрежет от себя все лишнее, чтобы в ней оказаться». Мне трудно сказать, какой точный смысл вкладывала в отношении меня Татьяна Николаевна в эту фразу. Но как мне казалось, это было связано с моей целеустремленностью и определенной педантичностью в подходе к различным вопросам. В известном смысле эти качества достаточно типичны для настоящих археологов. Можно даже привести такой пример. Однажды известный археолог Виталий Елифанович Ларичев (с которым мне посчастливилось работать в одном кабинете) рассказал мне поучительную историю. По его словам, во время представления прорисовки одного из древних изваяний с изображениями во время своего научного доклада в отделе археологии ЛОИА Михаил Петрович Грязнов строго заметил: «на вашей прорисовке артефакта – дырка отсутствует!» [1]. Так, что «дырка» как атрибут скрупулезности вполне приемлемая метафора для научного подхода.

Материалы. Наконец, пройдя предварительный отбор у Татьяны Николаевны, я был допущен до настоящих полевых археологических исследований. В июне 1977 г. я досрочно сдал свою первую сессию (как впрочем и все последующие) и Татьяна Николаевна рекомендовала меня одному из своих любимых учеников Александру Матвееву («Сане», «Матвейчику») в качестве напарника в его археологическую разведку по Колыванскому району Новосибирской области. В это предприятие мы должны были с Сашей пойти вдвоем, используя подручные транспортные средства по маршруту с Соколово через северо-восточную оконечность Кудряшовского бора до с. Пристань – Почта на берегу р. Обь. Такое задание было вполне серьезным, поскольку впоследствии материалы этой разведки легли в основу одной из моих первых книг – Свода археологических памятников по Колыванскому району [2].

Следующим заданием Татьяны Николаевны было предложение заняться украшениями и предметами одежды населения кулайской культуры из недавно раскопанного курганного могильника Каменный Мыс в Колыванском районе. Знакомство с этими материалами позволило мне начать подготовку одной из первых моих научных статей по кулайским наконечникам [3; 4], высоко оцененной в рукописи Татьяной Николаевной (рис. 1).

Именно с этим материалом я поехал в качестве студента на серьезную научную археологическую конференцию по скифо-сибирской археологии в Кемерово в 1979 г. [5]. Выступить там с докладом мне Татьяна Николаевна не советовала, но зато позволила познакомиться с легендарным Михаилом Петровичем Грязновым как одним из основных «столпов» отечественной скифологии. Кроме того, на этой знаковой конференции я увидел весь фактический цвет сибирской археологии, как говорится, в одном месте и в самом активном научном возрасте.

По прошествии длительного времени именно эта конференция, на которую я попал благодаря Татьяне Николаевне, стала для меня определенным камертоном для сверки значимости научного мероприятия, а также персонализации многих исследователей через их книги, к которым я обращаюсь до сих пор. Это касается публикаций Михаила Петровича Грязнова, Якова Абрамовича Шера, Марианны Арташировны Девлет, Людмилы Александровны Чиндиной, Эльги Борисовны Вадецкой, Марка Лазаревича Подольского, Николая Анатольевича Боковенко, Владимира Феофановича Капелько, Александра Николаевича Марьяшева, многих из которых уже нет с нами.

Обсуждение. Татьяне Николаевне Троицкой я еще очень благодарен за то, что осенью 1978 г. она организовала мне вместе со своим сыном Николаем Пейновичем поездку в Крым (рис. 2).

Начало этой истории было не однозначным: мы с Николаем серьезно проштрафились на летних хозяйственных работах на обустройстве будущей базы отдыха в НГПУ¹. По итогам такого происшествия нам нужно было срочно куда-нибудь «исчезнуть», чтобы не поднимать дальше «волну раздражения» институтского начальства. Поэтому было решено срочно ехать в археологическую экспедицию в Крым. Там нам удалось какое-то время поработать не только на античном и средневековом Херсонесе, но и в римском Хараксе. Этот комплекс располагается на самой южной оконечности Крымского полуострова, где во втором веке нашей эры на развалинах тавро-скифского мегалитического городища заложил свой лагерь XI Клавдиев легион Римской империи. По сути, мы с Колей

¹ Суть происшествия заключалась в том, что после окончания рабочего дня на базе НГПУ у с. Бурмистрова мы с Николаем без разрешения отлучились, чтобы сходить на археологические раскопки к А. В. Матвееву на поселение ирменской культуры (Быстровка-4) в окрестностях одноименного села. Так как расстояние в одну сторону составляло более 15 км, то вернуться обратно к общей побудке мы естественно вовремя на следующий день не успели, что было квалифицировано как самовольная отлучка и «нарушение дисциплины в студенческом трудовом лагере». На этой формулировке особенно настаивал декан исторического факультета, который направлял студентов на эти хозяйственно-строительные работы перед началом нового учебного года.

оказались на крымской археологической родине Татьяны Николаевны. Здесь, кроме знакомства с давно интересовавшей меня античной археологией, благодаря Татьяне Николаевне удалось познакомиться с ее давним крымским соратником О. И. Домбровским (руководителем раскопок на Херсонесе и Хараксе), но даже и увидеть классика советской археологии В. Ф. Генинга.

Рис. 1. Реконструкция накосников кулайской культуры по материалам раскопок Т. Н. Троицкой могильника Каменный Мыс-1 (Колыванский район)

Рис. 2. Херсонес Таврический, Крым

Еще одним ключевым и определяющим для меня из научных мероприятий было участие в 1977, 1978, 1979, 1980, 1981 гг. в археологических экспедициях под руководством Татьяны Николаевны (рис. 3, 4, 5).

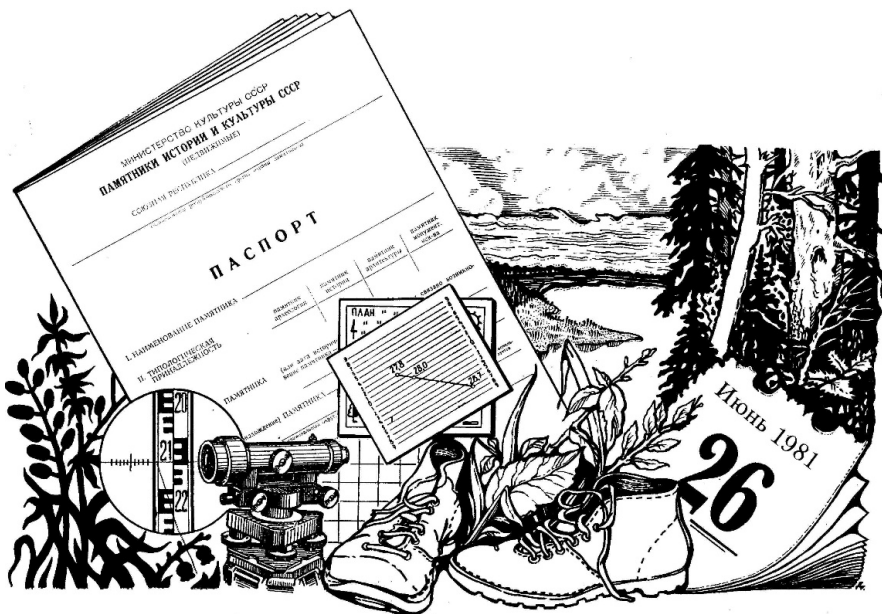

Рис. 3. Коллаж по археологическим работам НГПИ на территории Новосибирской области в конце 70-х – начале 80-х гг. XX в.

Рис. 4. Участники студенческой археологической экспедиции НГПИ на р. Керженец (курганы Соколово-Колывань-1) в Колыванском районе НСО, 1978 г. Слева направо в верхнем ряду: канд. ист. наук, доц. Т. Н. Троицкая, студенты археологического кружка истфака: А. Адамов, Н. Горбатовская, Н. Мальнева, Е. Карпеева, Ю. Хандусенко, Г. Макась; в нижнем ряду слева направо: Г. Галямина, Г. Орехова, Л. Петрова, Т. Ключкова, А. Бородовский

Это были курганный группа Соколово-Колывань-5, городища Черный Мыс-2; Ивановка-4, курганные группы Каменный Мыс, Быстровка-1, Черное Озеро-1. Впоследствии обработка материалов из этих памятников под руководством Татьяны Николаевны стала для меня полноценной научной школой для подготовки еще целой серии моих статей в студенчестве.

О двух сюжетах мне хотелось бы рассказать особо. Один из них – это результаты изучения керамических сосудов с орнаментом в виде различных швов из Быстровки-1 и Нового Шарапа-1 (рис. 6), которые были опубликованы мной в научном сборнике НГПУ [6] и даже в Советской археологии [7].

Последнее издание было достаточно престижным не только для студента, но и для профессиональных археологов того времени. Вообще публикации тогда были не просто «призом», а очень важным этапом в развитии каждого из начинающих исследователей. Поскольку тогда «печатное слово» ценилось еще очень значимо, практически по формуле Александра Сергеевича Пушкина – «это же напечатано!».

Рис. 5. В археологической экспедиции на курганной группе Черное Озеро-1 (Колыванский район НСО) 1982 г. Справа налево: Т. Н. Троицкая, Е. А. Сидоров, А. П. Бородовский²

Следует особо отметить, что Татьяна Николаевна всегда очень щедро делилась со своими студентами не только своими массовыми находками, но и уникальными предметами. В моем случае это еще была история по Бурбинскому кладу [9], который впоследствии стал ключом к изучению Июсского клада вместе с Виталием Епифановичем Ларичевым [10].

Отдельно еще следует сказать о том, как Татьяна Николаевна прививала интерес и формировала отношение своих студентов к музеефикации добытых ей археологических материалов. Музей при кабинете археологии в НГПИ был не только центром, где накапливались такие находки, но и постоянно ротируемой экспозиционной площадкой. На моей памяти к 1979 г. это была уже третья реэкспозиция музея, в которой мне удалось поучаствовать. Несмотря на ограниченность средств и материалов в то советское время и ограниченность оформительских технических возможностей, моя обновленная экспозиция получила от Татьяны Николаевны высокую оценку. Она называла ее «душевной», что вполне соответствовало тем усилиям, которые я вложил в авторское оформление музейной учебной экспозиции. Однако это далеко не вся история. Перед тем как доверить мне оформление археологической экспозиции в музее, зимой 1977 г. Татьяна Николаевна организовала мою поездку для музейной стажировки в только что созданной скифской экспозиции Государственного

² Во время отпуска за успехи военно-политической подготовки на службе в рядах Советской армии.

Эрмитажа в Ленинград. В ней мне особенно запомнилась крылатая богиня из Александропольского кургана (рис. 9), чем-то напоминающая находку кулайской металлопластики Татьяны Николаевны из Каменного Мыса-1 (рис. 10).

Рис. 6. Керамический сосуд эпохи раннего железа с имитацией швов из Быстрянки (Алтайский край)

Рис. 7. Импортное зеркало с гравировками различных фаз прыжка тигра из курганный группы Быстровка-1, курган 1, погребение 1 (одна из лучших находок Т. Н. Троицкой)

Рис. 8. Тигр в прыжке

Рис. 9. «Кибела» из Александропольского кургана
(Украина, Государственный Эрмитаж).

Рис. 10. Кулайская металлопластика из Каменного Мыса
(Колыванский район НСО, раскопки Т. Н. Троицкой)

Сама же поездка была не просто очень интересной и полезной для профессионального роста, но и возможностью встречи с его величеством Эрмитажем (рис. 11), детальное знакомство с его сибирскими археологическими коллекциями, а также с замечательными хранителями этих коллекций – Марией Петровной Завитухиной и Людмилой Леонидовной Барковой, которые с Татьяной Николаевной поддерживали самые теплые отношения. Именно после знакомства с ними у меня появилось ощущение, что я «свой» в Эрмитаже и это тот «дом», в который всегда можно прийти за новыми знаниями и поддержкой.

Не менее важной для меня при посещении Ленинграда стала возможность посещения учителя Татьяны Николаевны Троицкой – Павла Николаевича Шульца. Это была важная встреча не только с замечательным человеком – фронтовиком, но и с одним из удачливых крымских археологов. Теперь, по прошествии многих десятилетий, мне стало особенно отчетливо ясно, что реальное наследие любой науки передается из рук в руки. Такой процесс без излишнего пафоса всегда будет точно описываться такой фразой – «мы все стоим на плечах титанов».

Рис. 11. Античный зал государственного Эрмитажа – лучшее место для прохождения музейно-археологической практики

Совершенно особой историей является история моего взаимодействия с Татьяной Николаевной в археологических исследованиях курганной группы Быстровка-1 в Искитимском районе Новосибирской области. Для меня тогда

этот кусочек северной лесостепи на берегу Обского моря был настоящей территорией обских «скифов». Именно здесь Татьяна Николаевна научила меня самостоятельно принимать решения как полевому исследователю и позволила определиться как специалисту в раннем железном веке юга Западной Сибири. Итогом этих многолетних полевых исследований стала наша совместная монография по археологии скифского времени в Новосибирском Приобье [11] (рис. 12), а впоследствии продолжение исследований этой тематики (рис. 13).

Следует также сказать, что очень многие векторы, заданные в свое время Татьяной Николаевной Троицкой, мне удастся продолжать и развивать в своей самостоятельной научной деятельности. Назову только некоторые из них – это не только продолжение изучения археологии раннего железного века в Новосибирском Приобье [12–25], исследование археологических микрорайонов [26–29], но и выявление элитных детских захоронений на этой территории [30; 31], интерес к античным артефактам (рис. 14) на сибирской земле [32], а также интерпретация «загадочных» артефактов (рис. 15, 16) из раскопок Татьяны Николаевны Троицкой [33].

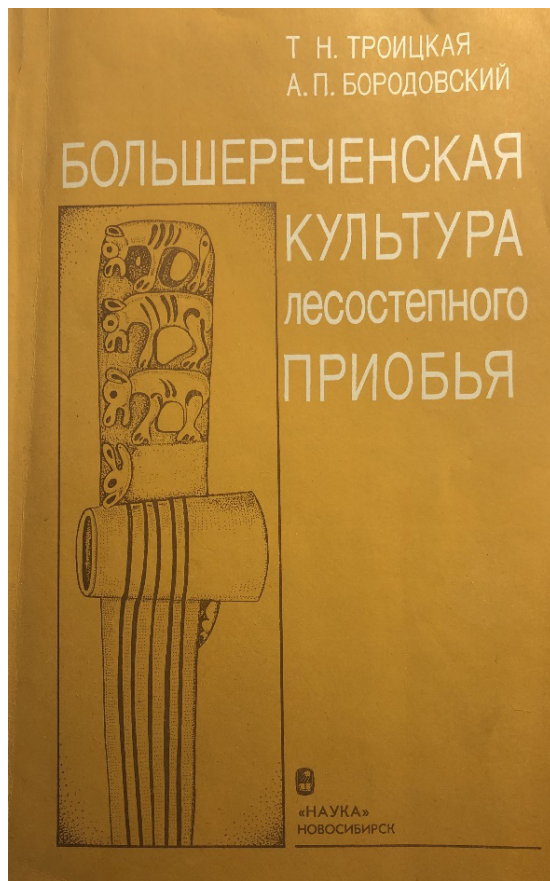

Рис. 12. Совместная монография с Т. Н. Троицкой

Рис. 13. Продолжение исследования Быстровского некрополя эпохи раннего железа, (раскопки А. П. Бородавского), курган 5 Быстровка 2 (Искитимский район НСО)

Рис. 14. Антропоморфная фигурка эпохи эллинизма с древней переправы через р. Обь на территории Новосибирска (район села Старо-Кривощёкова)

Рис. 15. «Двузубая шпилька» из кулайского городища Дубровинский Борок-3, Мошковский район НСО (раскопки Т. Н. Троицкой 1977 г.)

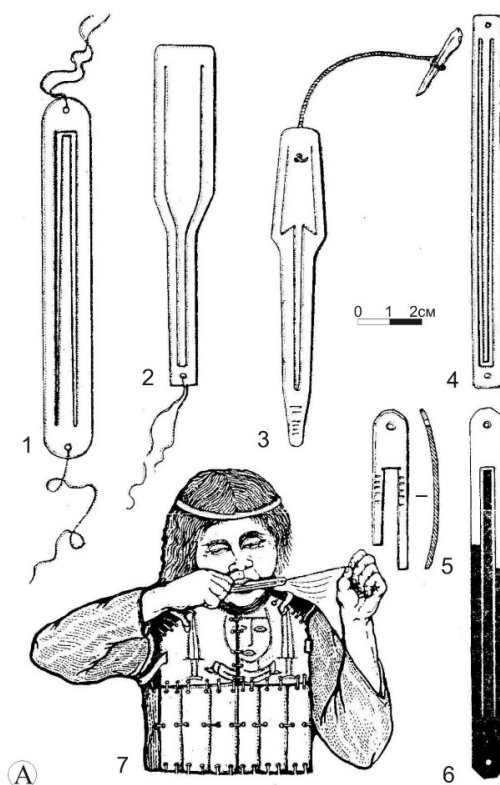

Рис. 16. Этнографические и археологические варганы Сибири; 1 – Колузун-комыс (Тува); 2 – пондывкоун (тунгусы); 3 – варган (селькупы); 4 – роговой варган из археологических сборов Е.С. Анненского (Средний Енисей); 5 – Дубровинский Борок-3, Новосибирское Приобье (раскопки Т. Н. Троицкой); 6, 7 – авторская реконструкция рогового варгана из Дубровинского Борка-3 и игры на нем

Так что можно констатировать, что дело, начатое Татьяной Николаевной Троицкой, продолжается уже в моих публикациях. Это лучшее подтверждение результативности научного сотрудничества и преемственности исследований (рис. 17).

Заключение. Хотелось бы еще отметить, что Татьяна Николаевна Троицкая была безусловно выдающимся педагогом, воспитавшим тысячи студентов НГПИ–НГПУ во второй половине XX – начале XXI века. Однако не менее значительный вклад Татьяна Николаевна внесла в подготовку научных специалистов высшей квалификации для вузовских и академических структур. Достаточно сказать, что среди сотрудников ИАЭТ СО РАН всех возрастов и научных степеней представлена значительная когорта выпускников НГПИ–НГПУ, которые двигают современную сибирскую и мировую археологию. Все эти ученые в той или иной мере взаимодействовали именно с Татьяной Николаевной Троицкой, которая очень многим, включая автора настоящей статьи, как говорится, дала «путевку» в большую науку.

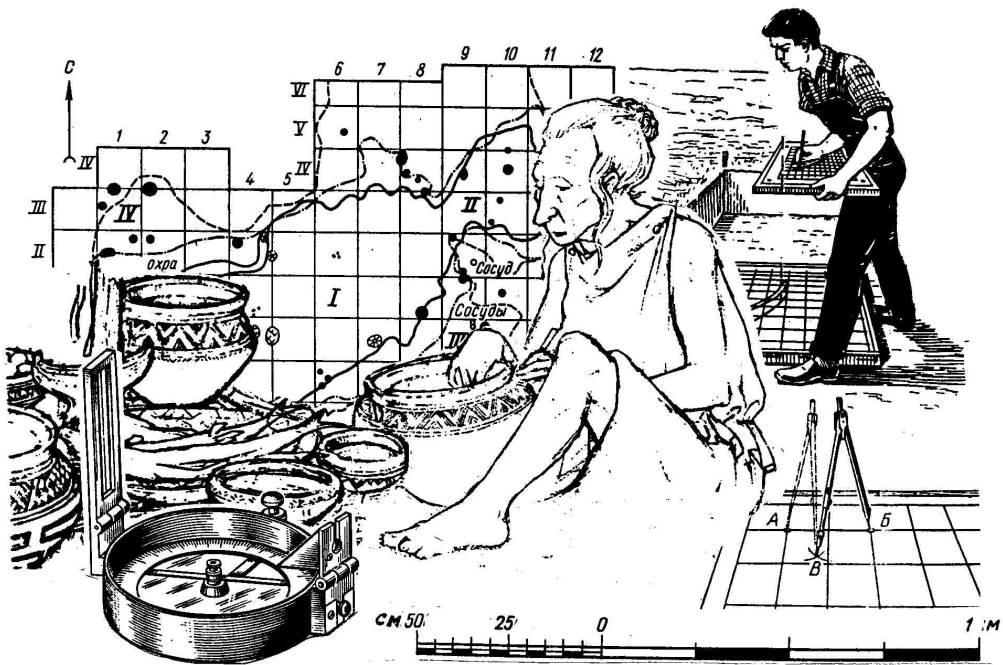

Рис. 17. Коллаж – организация и преемственность археологических раскопок

Не менее важно и то, что Татьяна Николаевна Троицкая фактически задала траекторию развития целого ряда направлений археологических исследований. Среди них: сохранение и изучение археологического наследия Новосибирской области; изучение археологии эпохи бронзы, раннего железа, средневековья и Раннего Нового времени Новосибирского Приобья; интеграции археологии и педагогики в образовании. Важно еще помнить, что, по сути, Татьяна Николаевна Троицкая были первым и единственным в нашем городе специалистом по античной и скифской археологии, своим предшествующим опытом во многом обогатившая сибирскую археологию в процессе постижения ее региональной специфики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Бородовский А. П.** Встречи с мастером (памяти В. Е. Ларичева) // *Universum Humanitarium*. – № 1 (4). – 2017. – С. 8–17.
2. **Молодин В. И., Бородовский А. П., Троицкая Т. Н.** Археологические памятники Колыванского района Новосибирской области. Материалы «Свода памятников истории и культуры народов России». – Вып. 2. – Новосибирск, Наука, 1996. – 192 с.
3. **Бородовский А. П.** К интерпретации обойм-накосников // *Скифо-Сибирский мир: тезисы докладов второй археологической конференции*. – Кемерово, 1984. – С. 93–95.
4. **Бородовский А. П.** Интерпретация обойм-накосников и некоторые вопросы ритуального значения волос в раннем железном веке (по материалам Новосибирского Приобья) // *Скифо-Сибирский мир*. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 87–93.
5. **Китова Л. Ю., Ганенко В. Ю., Исмаилов Э. Р.** Археологические конференции как эффективная форма научной коммуникации (сравнительный анализ двух периодических форумов) // *Вестник Томского государственного университета. История*. – 2020. – № 68 – С. 5–14.
6. **Бородовский А. П.** К вопросу о керамике, имитирующей швы кожаной посуды // *Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири*. – Новосибирск, 1984. – С. 51–56.
7. **Бородовский А. П.** Об имитации швов кожаной посуды на керамике по материалам курганной группы Быстровка-1 // *Советская археология*. – 1984. – № 2. – С. 231–234.
8. **Бородовский А. П.** Культурно-хронологические связи изображений на бронзовом зеркале из курганной группы Быстровка-1 // *Скифская эпоха Алтая (тезисы докладов конференции)*. – Барнаул, 1986. – С. 54–56.
9. **Бородовский А. П., Троицкая Т. Н.** Бурбинские находки // *Известия СО РАН. История, филология и философия*. – 1992. – № 3. – С. 57–62.
10. **Бородовский А. П., Ларичев В. Е.** Июсский клад (каталог коллекции). – Новосибирск, 2013. – 120 с.
11. **Троицкая Т. Н., Бородовский А. П.** Большереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 183 с.
12. **Бородовский А. П., Орлова Л. А.** Радиоуглеродные датировки быстровского некрополя эпохи раннего железа из Новосибирского Приобья // *Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории*. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2001. – С. 287–289.
13. **Бородовский А. П.** Археологические памятники Искитимского района Новосибирской области. Материалы «Свода памятников истории и культуры народов России». – Вып. 6. – Новосибирск, 2002. – 207 с.
14. **Бородовский А. П., Слюсаренко И. Ю., Кузьмин Я. В., Орлова Л. А., Кристен Дж. А., Гаркуша Ю. Н., Бурр Дж. С., Джал Э. Дж. Т.** Хронология погребальных комплексов раннего железного века в Верхнем Приобье по данным древестно-кольцевого и радиоуглеродного методов (на примере курганной группы Быстровка-2) // *Археология, этнография и антропология Евразии*. – 2003. – № 3 (15). – С. 79–92.
15. **Бородовский А. П.** Хронологические парадоксы вещевого комплекса Быстровского некрополя эпохи раннего железа // *Евразия. Культурное наследие древних цивилизаций*. – Вып. 3. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. ун-та, 2004. – С. 98–101.
16. **Бородовский А. П.** Датировка погребений курганной группы Быстровка-2 // *Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее*. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. пед. ун-та, 2010. – С. 132–142.
17. **Бородовский А. П.** Датирование многомогильных курганов эпохи раннего железа Верхнего Приобья естественнонаучными и традиционными методами (по материалам Быстровского некрополя) // *Методы наук о земле и человеке в археологических исследованиях*. – Новосибирск, 2012. – С. 344–392.
18. **Бородовский А. П.** Вопросы реконструкции культурно-исторических процессов и их хронологии в лесостепном Приобье эпохи раннего железа (по материалам датирования Быстровского некрополя) // *Археология, антропология и этнография Евразии*. – 2015. – Т. 43, № 2. – С. 87–96.

19. **Бородовский А. П.** Поликультурность эпохи раннего железа в лесостепном Приобье по материалам Быстровского некрополя // Томский журнал антропологии и лингвистики. – 2016. – № 3 (13). – С. 94–103.
20. **Бородовский А. П.** Погребальное пространство в контексте поликультурности (по материалам Быстровского некрополя эпохи раннего железа на Верхней Оби) // Археологические вести. – 2017. – № 23. – С. 229–240.
21. **Бородовский А. П.** Погребальное пространство в контексте политкультурности (по материалам Быстровского некрополя эпохи раннего железа на Верхней Оби) // Древние некрополи – погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей. Труды ИИМК РАН. Т. 47. – СПб.: ИИМК РАН, Гос. Эрмитаж, 2018. – С. 123–132.
22. **Бородовский А. П.** Культурная идентификация населения Верхней Оби эпохи раннего железа по материалам археологии и антропологии (Быстровский некрополь) // Поволжская Археология. – 2024. – № 4. – С. 56–64. DOI: 10.24852/pa2024.4.50.56.64
23. **Бородовский А. П.** Дискурс термина «археологическая культура» в антропологических исследованиях эпохи раннего железа на Верхней Оби // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. – 2024. – № 1 (58). – С. 90–95. DOI 10.37386/2413-4481-2024-1-90-95
24. **Бородовский А. П.** Культурная идентификация населения Верхней Оби эпохи раннего железа по материалам археологии и антропологии (Быстровский некрополь) // Культурно-антропологические исследования. – 2024. – № 2. – С. 8–26.
25. **Бородовский А. П., Волков П. В.** Манипуляции с головой погребенных в Быстровском некрополе (эпоха раннего железа Верхнее Приобье) // Поволжская археология. – 2023. – № 3. – С. 87–102.
26. **Троицкая Т. Н., Бородовский А. П.** Структура микрорайонирования археологических памятников на р. Уень в Новосибирском Приобье // Археологические микрорайоны Западной Сибири. – Омск, 1994. – С. 92–96.
27. **Троицкая Т. Н., Бородовский А. П.** Система и структура микрорайонирования археологических памятников на р. Уени (Новосибирское Приобье) // Археологические микрорайоны Западной Сибири. – Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 1997. – С. 115–131.
28. **Бородовский А. П.** Ирменские памятники в истоках р. Чаус // Страницы истории Новосибирской области. Люди, события, культура. Первая областная научно-практическая конференция краеведов. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 1995. – С. 106–108.
29. **Бородовский А. П.** Корреляция расположения участка старого Московского тракта в верховьях р. Чаус с локализацией археологических микрорайонов // Археологические микрорайоны Западной Сибири: Материалы конференции. – Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 1998. – С. 10–14.
30. **Троицкая Т. Н., Бородовский А. П.** Погребения младенцев в курганах VII в. н.э. в Новосибирском Приобье (к вопросу об этнокультурных контактах и идеологии) // Мировоззрение финно-угорских народов. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 149–162.
31. **Бородовский А. П.** Элитарные детские погребения эпохи раннего Средневековья на верхней Оби и транскультурный предметный комплекс в эпоху раннего Средневековья на обширных пространствах Западной Сибири // Мультидисциплинарные аспекты изучения древней и средневековой истории: К 70-летию акад. В. И. Молодина. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – С. 230–243.
32. **Бородовский А. П.** Предмет восточной торефтики из окрестностей г. Новосибирска // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2021. – Т. 20, № 5: Археология и этнография. – С. 82–90. DOI: 10.25205/1818-7919-2021-20-5-82-90.
33. **Бородовский А. П.** Изобразительные и вещественные свидетельства древней музыкальной культуры Верхней Оби // Традиции и инновации в истории культуры. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. пед. ун-та, 1995. – С. 33–43.

REFERENCES

1. Borodovskiy A. P. Meetings with the master (in memory of V. E. Larichev). *Universum Humanitarium*, 2017, no. 1(4), pp. 8–17. (In Russian)
2. Molodin V. I., Borodovskiy A. P., Troitskaya T. N. Archaeological sites of the Kolyvan district of the Novosibirsk region. Materials of the "Collection of historical and cultural monuments of the peoples of Russia". Issue 2. Novosibirsk: Nauka Publ., 1996, 192 p. (In Russian)
3. Borodovskiy A. P. On the interpretation of clips. *The Scythian-Siberian world. Abstracts of the second archaeological Conference*. Kemerovo, 1984, pp. 93–95. (In Russian)
4. Borodovskiy A. P. Interpretation of the clips and some questions of the ritual significance of hair in the Early Iron Age (based on the materials of the Novosibirsk Ob region). *Scythian-Siberian world*. Novosibirsk: Nauka Publ., 1987, pp. 87–93. (In Russian)
5. Kitova L. Yu., Ganenok V. Yu., Ismayilova E. R. Archaeological conferences as an effective form of scientific communication (comparative analysis of two periodic forums). *Bulletin of Tomsk State University. History*. 2020, no. 68, pp. 5–14. (In Russian)
6. Borodovskiy A. P. On the issue of ceramics imitating the seams of leather tableware. *Archaeological sites of the forest-steppe zone of Western Siberia*. Novosibirsk, 1984, pp. 51–56. (In Russian)
7. Borodovskiy A. P. On imitation of seams of leather tableware on ceramics based on materials of the kurgan group Bystrovka-1. *Soviet archeology*, 1984, no. 2, pp. 231–234. (In Russian)
8. Borodovskiy A. P. Cultural and chronological connections of images on a bronze mirror from the Bystrovka-1 kurgan group. *Scythian epoch of Altai (abstracts of the conference reports)*. Barnaul, 1986, pp. 54–56. (In Russian)
9. Borodovsky A. P., Troitskaya T. N. Burbinsky finds. *Izvestiya SB RAS. History, philology and philosophy*. 1992, no. 3, pp. 57–62. (In Russian)
10. Borodovskiy A. P., Larichev V. E. The July treasure (collection catalog). Novosibirsk, 2013, 120 p. (In Russian)
11. Troitskaya T. N., Borodovskiy A. P. Bolsherechenskaya culture of the forest-steppe Ob region. Novosibirsk: Nauka Publ., 1994, 183 p. (In Russian)
12. Borodovskiy A. P., Orlova L. A. Radiocarbon dating of the Bystrov necropolis of the Early Iron age from the Novosibirsk Ob region. *Space of culture in the archaeological and ethnographic dimension. Western Siberia and adjacent territories*. Tomsk: Publishing House of the Tomsk State University, 2001, pp. 287–289. (In Russian)
13. Borodovskiy A. P. Archaeological sites of the Iskitimsky district of the Novosibirsk region. *Materials of the "Collection of historical and cultural monuments of the peoples of Russia"*. Issue 6. Novosibirsk, 2002, 207 p. (In Russian)
14. Borodovskiy A. P., Slyusarenko I. Yu., Kuzmin Ya. V., Orlova L. A., Kristen J. A., Garkusha Yu. N., Burr J. S., Jal E. J. T. Chronology of burial complexes of the Early Iron Age in the Upper Ob region according to the data of the drevestno-ring and radiocarbon methods (for example kurgan group Bystrovka-2). *Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, 2003, no. 3 (15), pp. 79–92. (In Russian)
15. Borodovskiy A. P. Chronological paradoxes of the clothing complex of the Bystrov necropolis of the Early Iron Age. *Eurasia. The cultural heritage of ancient civilizations*. Issue 3, Novosibirsk: Publishing house of the Novosibirsk State University, 2004, pp. 98–101. (In Russian)
16. Borodovskiy A. P. Dating of burials of the Bystrovka-2 kurgan group. *Archaeological research in Western Siberia: past, present, future*. Novosibirsk: Publishing House of the Novosibirsk State Pedagogical University, 2010, pp. 132–142. (In Russian)
17. Borodovskiy A. P. Dating of the Early Iron age burial mounds of the Upper Ob region by natural science and traditional methods (based on the materials of the Bystrovsky necropolis). *Methods of earth and human sciences in archaeological research*. Novosibirsk, 2012, pp. 344–392. (In Russian)
18. Borodovskiy A. P. Issues of reconstruction of cultural and historical processes and their chronology in the forest-steppe Ob region of the Early Iron Age (based on the dating materials of the Bystrov necropolis). *Archeology, anthropology and ethnography of Eurasia*, 2015, vol. 43, no. 2, pp. 87–96. (In Russian)

19. Borodovskiy A. P. Multiculturalism of the Early Iron Age in the forest-steppe Ob region based on the materials of the Bystrovsky necropolis. *Tomsk Journal of Anthropology and Linguistics*, 2016, no. 3 (13), pp. 94–103. (In Russian)
20. Borodovskiy A. P. Funerary space in the context of multiculturalism (based on the materials of the Bystrov necropolis of the Early Iron Age on the Upper Ob). *Archaeological News*, 2017, no. 23, pp. 229–240. (In Russian)
21. Borodovskiy A. P. Funeral space in the context of political culture (based on the materials of the Bystrov necropolis of the Early Iron Age on the Upper Ob). *Ancient necropolises – funeral and memorial rites, funerary architecture and layout of necropolises. Proceedings of the IIMK RAS*, Vol. 47. St. Petersburg: IIMK RAS, State Hermitage, 2018, pp. 123–132. (In Russian)
22. Borodovskiy A. P. Cultural identification of the Upper Ob population of the Early Iron Age based on materials of archeology and anthropology (Bystrovsky necropolis). *Volga Archeology*, 2024, no. 4, pp. 56–64. DOI 10.24852/ra2024.4.50.56.64. (In Russian)
23. Borodovskiy A. P. The discourse of the term “archaeological culture” in anthropological studies of the Early Iron Age on the Upper Ob. *Bulletin of the Altai State Pedagogical University*, 2024, no. 1 (58), pp. 90–95. DOI: 10.37386/2413-4481-2024-1-90-95. (In Russian)
24. Borodovskiy A. P. Cultural identification of the population of the Upper Ob of the Early Iron Age based on the materials of archeology and anthropology (Bystrovsky necropolis). *Culture and anthropology research journal*, 2024, no. 2, pp. 8–26. (In Russian)
25. Borodovsky A. P., Volkov P. V. Manipulations with the head of those buried in the Bystrovsky necropolis (the era of early iron Upper Ob region). *Volga Archeology*, 2023, no. 3, pp. 87–102. (In Russian)
26. Troitskaya T. N., Borodovskiy A. P. The structure of microdistricting of archaeological sites on the Uen river in the Novosibirsk Ob region. *Archaeological microdistricts of Western Siberia*. Omsk, 1994, pp. 92–96. (In Russian)
27. Troitskaya T. N., Borodovskiy A. P. The system and structure of microdistricting of archaeological sites on the Ueni River (Novosibirsk Ob region). *Archaeological microdistricts of Western Siberia*. Omsk: Publishing House of the Omsk State University, 1997, pp. 115–131. (In Russian)
28. Borodovskiy A. P. Irmen monuments in the sources of the Chaus river. Pages of the history of the Novosibirsk region. *People, events, culture. The first regional scientific and practical conference of local historians*. Moscow: RIC ISPI RAS, 1995, pp. 106–108. (In Russian)
29. Borodovskiy A. P. Correlation of the location of the site of the old Moscow tract in the upper reaches of the Chaus River with the localization of archaeological microdistricts. *Archaeological microdistricts of Western Siberia. Conference materials*. Omsk: Publishing House of the Omsk State University, 1998, pp. 10–14. (In Russian)
30. Troitskaya T. N., Borodovskiy A. P. Burials of infants in burial mounds of the VII century A.D. in the Novosibirsk Ob region (on the issue of ethnocultural contacts and ideology). *The worldview of the Finno-Ugric peoples*. Novosibirsk: Nauka Publ., 1990, pp. 149–162. (In Russian)
31. Borodovskiy A. P. Elite children's burials of the Early Middle Ages on the Upper Ob and the trans-cultural subject complex. in the era of the Early Middle Ages in the vast expanses of Western Siberia. *Multidisciplinary aspects of the study of ancient and medieval history: To the 70th anniversary of Academician V. I. Molodin*. Novosibirsk: Publishing House of IAET SB RAS, 2018, pp. 230–243. (In Russian)
32. Borodovskiy A. P. The subject of oriental torefaction from the vicinity of Novosibirsk. *Bulletin of the NSU. Series: History, philology*, 2021, vol. 20, no. 5: Archeology and Ethnography, pp. 82–90. DOI: 10.25205/1818-7919-2021-20-5-82-90. (In Russian)
33. Borodovskiy A. P. Visual and material evidence of the ancient musical culture of the Upper Ob. *Traditions and innovations in the history of culture*. Novosibirsk: Publishing House of the Novosibirsk State Pedagogical University, 1995, pp. 33–43. (In Russian)

Информация об авторе

А. П. Бородовский, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, профессор, Новосибирский государственный педагогический университет, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, altaicenter2011@gmail.com

Information about the author

Andrew P. Borodovsky, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory, History of Culture and Museology, Novosibirsk State Pedagogical University, Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, altaicenter2011@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 12.12.2024

Одобрена после рецензирования: 12.02.2025

Принята к публикации: 24.02.2025

The article was submitted: 12.12.2024

Approved after reviewing: 12.02.2025

Accepted for publication: 24.02.2025

РАЗДЕЛ II. ПРИКЛАДНАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

PART II. APPLIED CULTURAL STUDIES

Культурно-антропологические исследования. 2025. № 2

Culture and anthropology research journal. 2025. № 2

Научная статья

УДК 902(571)+378(092) Троицкая Т.Н.

Т. Н. Троицкая и вопросы интерпретации мужских погребений Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа с «нестандартной» комплектацией сопроводительного инвентаря

Головченко Николай Николаевич¹

¹Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу проблем интерпретации мужских погребений Верхнего Приобья эпохи раннего с «нестандартной» («женской») комплектацией сопроводительного инвентаря в свете трудов известного сибирского археолога Татьяны Николаевны Троицкой. Источниковой базой для написания работы послужили четыре погребения из курганного могильника Камень-2 (Алтайский край). На их примере рассмотрены вопросы верификации и корреляции археологического и антропологического материала эпохи раннего железа. Документально освещена путаница, возникшая среди данного собрания. Археолого-антропологическая интерпретация представленного материала осуществлена в контексте культурологических, гендерных и социально-экономических наблюдений. В ходе исследования установлено, что поднятая 40 лет назад Т. Н. Троицкой проблема интерпретации мужских погребальных комплексов с «нестандартным» сопроводительным инвентарем до сих пор остается далекой от разрешения.

Ключевые слова: Верхнее Приобье; эпоха раннего железа; Т. Н. Троицкая; антропология; археологическая интерпретация

Для цитирования: Головченко Н. Н. Т. Н. Троицкая и вопросы интерпретации мужских погребений Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа с «нестандартной» комплектацией сопроводительного инвентаря // Культурно-антропологические исследования. – 2025. – № 2. – С. 31–50.

Scientific article

T. N. Troitskaya and the Questions of Interpretation of Male Burial with Nonstandard Complex of Accompanying Stock in Upper Ob River Territory of Early Iron Age

Nikolai N. Golovchenko¹

¹Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. The article is devoted to the analysis of the questions of interpretation of male burial with nonstandard complex of accompanying stock in Upper Ob River terri-

tory of Early Iron Age considering works by the famous Siberian archeologist – Tatyana Nikolaevna Troitskaya. The source for writing the work is four burials from the burial mound Kamen-2, Altay Region. By way of this example the questions of the verification and correlation of archeological and antropological material of Early Iron Age are examined. The confusion appeared in these collected works is documentally elucidated. Archeological and antropological interpretation of the given material is realized in the context of culturological, gender and socio-economic observation. As part of the study it was ascertained that the problem of the interpretation of male burial with nonstandard complex of accompanying stock raised by T. N. Troitskaya 40 years ago is still far from solution.

Keywords: Upper Ob River territory; Early Iron Age; T. N. Troitskaya; antropology; archeological interpretation

For citation: Golovchenko N. N. T. N. Troitskaya and the questions of interpretation of male burial with nonstandard complex of accompanying stock in Upper Ob River territory of Early Iron Age. *Culture and anthropology research journal*, 2025, no. 2, pp. 31–50.

Введение. Мое знакомство с Татьяной Николаевной Троицкой состоялось осенью 2018 года по инициативе главы кафедры теории, истории культуры и музеологии Новосибирского государственного педагогического университета (далее НГПУ) Людмилы Ивановны Дрёмовой.

Для меня эта встреча стала полной неожиданностью. В один из очередных приездов в НГПУ (а мне приходилось постоянно курсировать по маршруту Барнаул – Новосибирск) Людмила Ивановна сказала, что мне как аспиранту неплохо было бы сходить к Татьяне Николаевне, а заодно поставить ее подпись на какой-то очередной важной по учебе бумаге. Так, не тратя времени даром, забежав в ближайший цветочный киоск на улице Вилюйской, я помчался на встречу с легендой сибирской археологии.

Татьяна Николаевна приняла меня у себя в квартире и усадила в уютно обставленной комнате около персонального компьютера. Мое внимание сразу привлекла клавиатура. На ее кнопки были наклеены маленькие листочки бумаги с большими буквами, написанными синей шариковой ручкой. Хозяйка, видимо, заметив мой случайно задержавшийся на этом предмете интерьера взгляд, посетовала, что зрение у нее совсем ослабло и что теперь она уже ничего не печатает.

Представившись, я кратко рассказал Татьяне Николаевне о себе и о цели своего визита. Тема моего диссертационного исследования (Предметный комплекс одежды населения Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа) вызвала у мэтра сибирской археологии живой интерес, хотя она и удивилась, что, работая с «барнаульскими» материалами А. П. Уманского, я не использую применительно к своей основной источниковой базе термина «каменная культура». Я ответил, что работаю под руководством А. П. Бородавского и насчет культурной атрибуции данного круга памятников у нас есть свои наработки. Должно быть, такая дерзость вызвала у Татьяны Николаевны некоторый интерес к моей персоне, и она подробно расспросила меня о моем научном пути, об

учебе в Барнауле, в Новосибирске и о работе в составе Центрально-Алтайского отряда ИА ЭТ СО РАН.

Узнав, что учебу в аспирантуре я совмещаю с работой в Алтайском государственном педагогическом университете (далее АлтГПУ), Татьяна Николаевна особо отметила потенциал использования археологических реконструкций, связанных с тематикой моего исследования в учебном процессе. Добавив при этом, что, к сожалению, много выпускников педагогических университетов, активно занимающихся археологией, придают этой сфере недостаточно должного внимания.

На вопрос о том, насколько хорошо я рисую, к своему стыду, я вынужден был ответить, что недостаточно хорошо. Тут Татьяна Николаевна посоветовала мне не отчаиваться, потому что, во-первых, это дело наживное («никогда не поздно научиться»), а во-вторых, есть и другие способы представления материала (отсюда и родилась идея создания фотонатурных реконструкций, которую мне удалось полноценно реализовать в 2021 году в ходе работ, предпринятых в рамках гранта Президента РФ «Наука в школу»).

Татьяна Николаевна заметила, что тематика, которую мы выбрали для диссертации, весьма непроста и таит в себе много любопытных для разрешения загадок. Завершая нашу недолгую беседу, она пожелала нам с Андреем Павловичем удачи. Когда же я уже стоял в дверях, как будто что-то припоминая, Татьяна Николаевна спросила, а бываю ли я в Алтайском государственном университете. Я сказал, что, конечно, бываю. И она попросила передать от нее привет Александру Борисовичу Шамшину. Этот привет, я так, увы, и не передал. Александр Борисович умер 12 декабря 2018 года.

Должно быть в жизни каждого человека бывают такие судьбоносные и наполненные глубоким символизмом встречи, значение которых осознается не сразу, а порой спустя годы. Свою встречу с Татьяной Николаевной Троицкой я отношу к одной из них.

Что же касается загадок, которые ставит перед нами изучение предметного комплекса одежды, то одной из них посвящена настоящая статья, а именно вопросу интерпретации мужских погребений Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа с «нестандартной» комплектацией сопроводительного инвентаря. Знаменательно, что в научном поле вопрос об интерпретации ряда, по определениям антропологов, мужских погребений с женским сопроводительным инвентарем в сибирской археологии впервые поставила именно Т. Н. Троицкая, работая с материалами Быстровского некрополя [1; 2 с. 64–65].

Материалы и методы. Источниковую базу предпринимаемого исследования составляют материалы мужских погребений эпохи раннего железа Верхнеобского бассейна. Со времени написания статей Т. Н. Троицкой (1984, 1987 гг.) она существенно расширилась как за счет проведения полевых изысканий, так и за счет обработки ранее обнаруженного материала. Всего в нашу выборку попало 12 погребений, в которых захороненных мужчин сопровождал

ассоциируемый с женским бытом сопроводительный инвентарь¹ (см. табл. 1): Рогозиха-1 курган 2 могила 1 [3, с. 98], курган 19 могила 7 [3, с. 117], Масляха-1 курган 1 могила 3 [4]; Новый Шарап-1 курган 6 могила 1 [5, с. 116], Камень-2 курган 2 могила 6, курган 3 могила 1, курган 20 могила 5, курган 25 могила 2 [6], Быстровка-1 курган 1 могила 1, курган 6 могила 1 и Милованово-2 курган 1 могила 5 [5, с. 120–121, 123] (разумеется данный перечень не является исчерпывающим, по массе выявленных и опубликованных погребений еще не сделаны официальные антропологические наблюдения²). Большая часть данных комплексов опубликована и достаточно хорошо известна научному сообществу.

Таблица 1

**«Женский» инвентарь в мужских погребениях
второй половины I тыс. до н. э. Верхнеобского бассейна**

№	Памятник	Курган	Могила	Возраст / лет	Инвентарь
1	Рогозиха-1	19	7	18–20 лет	пронизы, золотые пластинки, бляхи, бусины
2	Масляха-1	1	3	20–40 лет	пряслице, поясной крюк
3	Новый Шарап-1	6	1	20–40 лет	глазчатая бусина, прямоугольная бляха
4	Камень-2	20	5	30–35 лет	бусины, алтарик
5	Камень-2	25	2	30–35 лет	заколочка, гривна, пронизь, алтарик
6	Быстровка-1	6	1	30–40 лет	заколочка
7	Камень-2	2	6	45–50 лет	заколочка, алтарик, пряслице
8	Рогозиха-1	2	1	40–50 лет	пряжка, поясной крюк, уздечка, алтарик
9	Новый Шарап-1	10	1	40–60 лет	бусины
10	Камень-2	3	1	50 лет	алтарик
11	Быстровка-1	1	1	50 лет	браслет, пронизы, пряслице, зеркало, алтарик
12	Милованово-2	1	5	50–60 лет	серьги, заколочки, гривна

Материалы, полученные в ходе экспедиций Т. Н. Троицкой, как уже отмечалось ранее, были проанализированы [1; 2]. Мы же остановим внимание прежде всего на четырех погребениях, исследованных на могильнике Камень-2 в силу

¹ Традиционно к сфере женского быта относятся такие предметы (и их сочетания), как алтарики, пряслица, зеркала, заколочки и бусины, пронизы.

² В частности данный список можно расширить погребением мужчины с алтариком без украшений костюма из могилы 1 кургана 6 Рогозихи-1 и погребением человека с неопределенным полом из могилы 1 кургана 3 Ключей-3, которого сопровождала фольга от головного убора и заколочка.

того, что такая концентрация «нестандартных» погребений явно требует особого рассмотрения (там выявлено 4 из 12 анализируемых комплексов, 33,33 %).

Материалы могильника Камень-2, к сожалению, не были вовремя полноценно введены в научный оборот. Памятник исследовался В. А. Могильниковым и А. П. Уманским в 1974–1975 гг. (курганы 1–12 – Южная группа), В. А. Могильниковым и А. В. Куйбышевым в 1976 г. (курганы 13–26 – Северная группа). Изданными в достаточно усеченном варианте оказались только материалы 1976 г. [6]. Материалы 1974–1975 гг. были обработаны и подготовлены к публикации П. И. Шульгой и Н. Н. Головченко только в 2024 г., через 50 лет с момента их обнаружения. Вследствие отмеченного обстоятельства уместно привести развернутое описание данных комплексов.

Курган 2 могильника Камень-2 имел сильно распаханную насыпь, не затронутую на ней оставалась лишь центральная часть диаметром около 6 м, где находился тригонометрический пункт. Могила 6 располагалась в центральной части кургана (рис. 1, 1). Размеры ее в верхней части составляли 2,45×1,2 м, ориентация – почти широтная, глубина – 1,45 м. Перекрытие состояло из четырех накатов продольно уложенных бревен. Концы бревен нижнего наката касались поперечных горбылей рамы-обкладки, собранной в два венца из расколотых пополам толстых брёвен (плах), скрепленных в углах «зарубками в четверть». Продольные плахи рамы дополнительно крепились с внутренней стороны колыями (длина около 60 см, толщина 5–6 см), вбитыми в дно могилы (рис. 1, 2). Колыя вдоль северной и южной стенок рамы располагались почти симметрично. В северной половине погребальной камеры расчищен плохо сохранившийся скелет мужчины 45–50 лет, погребенного на спине, вытянуто, головой на запад. Правая рука несколько откинута в сторону. Скелет плохой сохранности. Череп раздавлен, плохо сохранились кости рук. В ходе раскопок было сделано предположение, что умерший был мужчиной, а обнаруженное за черепом железное изделие с золотым покрытием являлось фрагментом гривны с расширением на конце. Крупный фрагмент стержня «гривны» находился под черепом. Однако после очистки от коррозии изделие оказалось заколкой для волос с покрытым золотым листком навершием, украшенным спиралевидным орнаментом (рис. 1, 5). У южной стенки могилы, напротив плечевой кости правой руки находились кости ног мелкого рогатого скота и почти половина разбитого каменного алтарика размерами 10×7×3 см (рис. 1, 4). У южной стенки, напротив берцовых костей, лежало глиняное пряслице без орнамента диаметром 4,2 см (рис. 1, 3), а у стопы левой ноги – мелкие кости животного и необработанный плоский камень размерами 7×4×2 см.

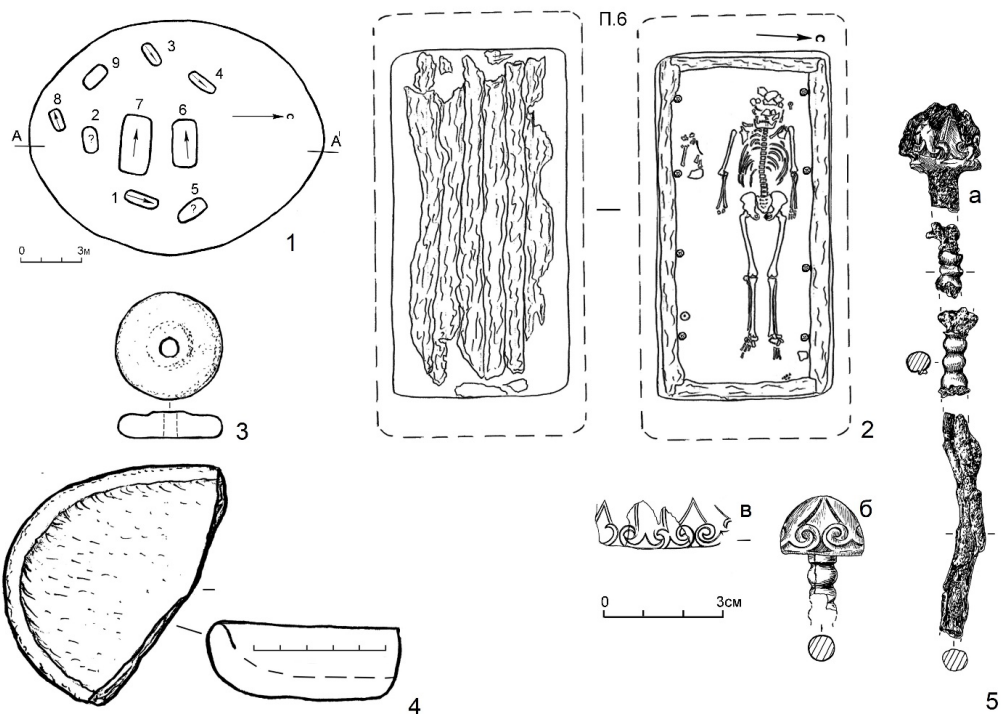

Рис. 1. Курганный могильник Камень-2. План кургана 2 (1) и могилы 6 (2), сопроводительный инвентарь: пряслице (3), алтарик (4), заколка (5)

Курган 3 могильника Камень-2 раскапывался в рамках двух сезонов – в 1974 и 1975 гг. Насыпь кургана распаивалась и сильно пострадала от воздействия грабителей, ее реконструируемый на основе полевой документации диаметр приближается к 13 м, а зафиксированная к началу работ высота 0,2 м (рис. 2, 1). Могила 1 имела размеры 2,4×1,1 м, ориентацию – по линии северо-запад – юго-восток, глубину – 0,9 м (рис. 2, 2). В ее заполнении встречались остатки продольного перекрытия из березовых бревен. На дне расчищен плохо сохранившийся костяк мужчины возрастом около 50 лет, погребенного на спине, вытянуто, головой на северо-запад. В головах к северу от левого плеча находился алтарик подпрямоугольной формы из серого крупнозернистого гранита размерами 12,5×9,5×3,5 см (рис. 2, 3) и керамический сосуд высотой 13 см с уплощенным дном (реконструирован) и зауженным горлом (рис. 2, 5). Развал второго более крупного плоскодонного сосуда высотой 16 см обнаружен у стопы левой ноги (рис. 2, 4).

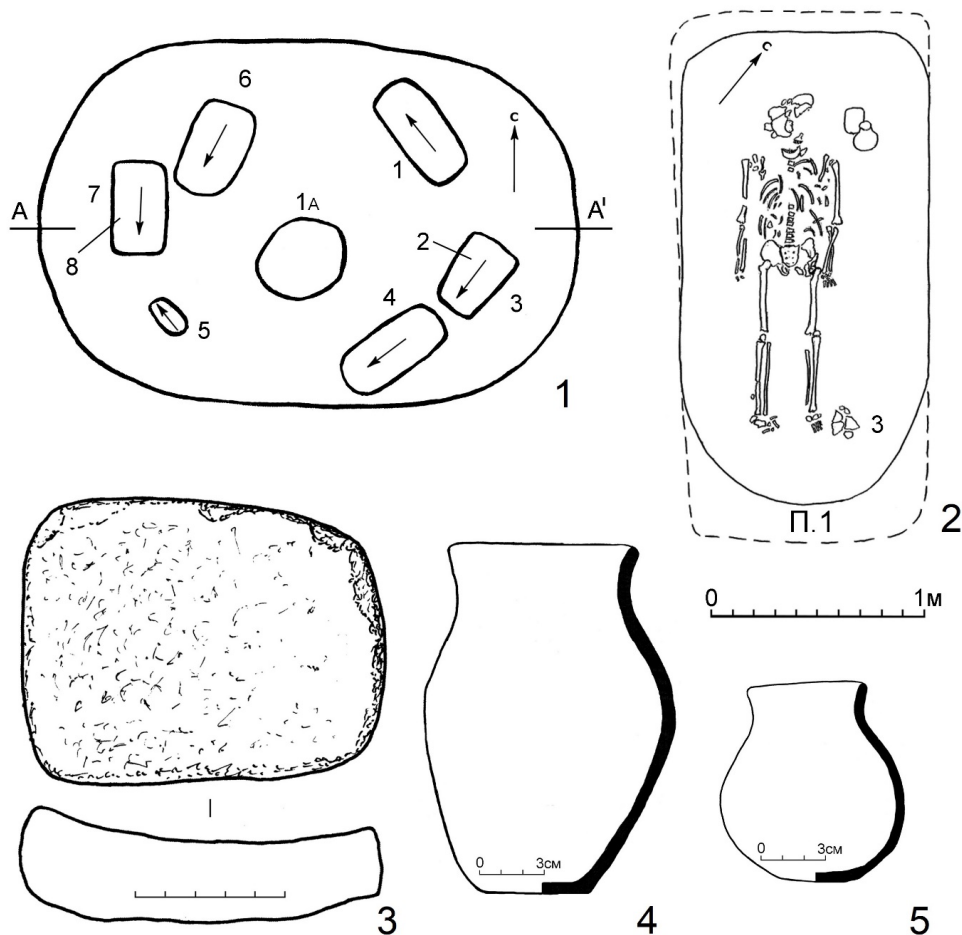

Рис. 2. Курганный могильник Камень-2. План кургана 3 (1) и могилы 1 (2), сопроводительный инвентарь: алтарик (3), керамические сосуды (4, 5)

Курган 20 могильника Камень-2 имел диаметр насыпи около 20 м, высоту 0,3 м (рис. 3, 1). По периметру кургана имелся углубленный в материк ровик шириной около 0,7 м, глубиной 0,55 м, трапециевидный в сечении. Ровик ограничивал площадку диаметром около 16,5 м. В западной и восточной сторонах ровика зафиксированы разрывы шириной соответственно 0,75 и 1,15 м. В ровиках найдены обломок крупного глиняного предмета, позвонок и остатки черепа животного. В насыпи были обнаружены миниатюрный баночный сосуд высотой 5 см, кости лошади и кувшиновидный сосуд высотой 13,5 см. Могила 5 была центральной, ее размеры 2,6×1,2 м, глубина 1,8 м от уровня древнего горизонта, ориентирована в широтном направлении (рис. 3, 2). В заполнении ямы встречены кости ноги барана – обломки трубчатой, таранной и астрагал, лежавшие на первом штыке заполнения, считая от уровня материка. Поверх него находился накат из уложенных продольно березовых бревен. На дне ямы

находилась рама-обкладка из тесаных горбылей шириной около 30 см. Дно ямы было посыпано мелкими угольками. В камере расчищен костяк мужчины 30–35 лет, погребенного на спине вытянуто, головой на запад. У черепа слева лежал каменный алтарик овальной формы размерами 11,2×9,2×3,5 см (рис. 3, 3), а в области чуть выше таза – распавшаяся на части круглая белая пастовая бусина с коричневатыми полосами и разводами.

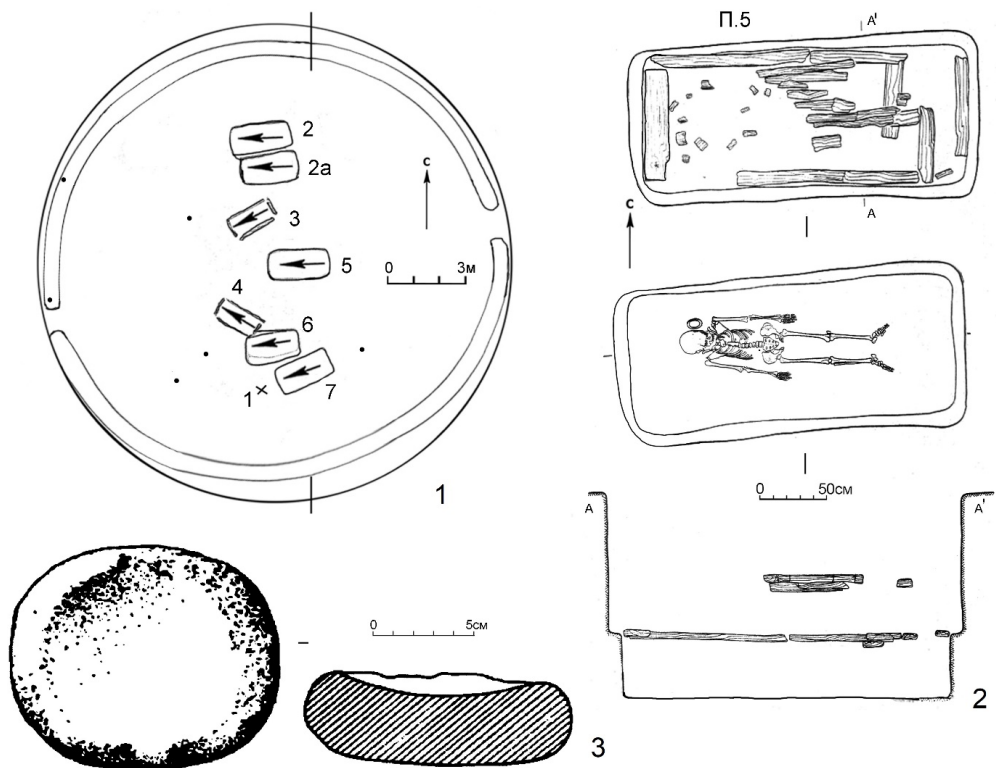

Рис. 3. Курганный могильник Камень-2. План кургана 20 (1), планы и разрез могилы 5 (2), сопроводительный инвентарь: алтарик (3)

Курган 25 могильника Камень-2 имел диаметр насыпи 12 м, при фиксируемой на момент раскопок высоте 0,3 м (рис. 4, 1). Могила 2 была центральной, ее размеры 2,2×1,55 м, глубина около 1,65 м от уровня древнего горизонта, ориентирована по линии запад-восток (рис. 4, 2). На высоте около 30 см от дна ямы сохранились остатки продольного перекрытия из массивных сосновых горбылей шириной около 40 см. Снизу перекрытие поддерживали столбы. В восточной части ямы обнаружены остатки двух столбов и в западной части – одного. На дне расчищен костяк мужчины 30–35 лет, погребенного на спине вытянуто, головой на запад. Ноги находились под небольшим углом к оси позвоночника, отклоняясь к северу. Слева от стопы левой ноги лежала круглая керамическая курильница диаметром около 8 см (рис. 4, 6). На шейных позвонках обнаружена бронзовая гривна диаметром около 17 см из двух связанных по-

ловинок круглого дрота с расплюснутыми концами (рис. 4, 5). К югу от гривны лежал фрагмент железной булавки (заколки) с шаровидной бронзовой головкой (рис. 4, 4). В левой глазнице находился неопределенный фрагмент железного предмета, затащенный туда, вероятно, грызунами. К югу от правого колена, на 3–5 см выше дна ямы лежал роговой набалдашник от нагайки (рис. 4, 3). Рядом с набалдашником (судя по плану могилы) находилась трубчатая «пронизка». В заполнении могильной ямы выше перекрытия, на глубине около 0,8 м от уровня древнего горизонта, найдена кость животного, а в придонной части заполнения, над курильницей, в 0,2 м выше дна ямы, встречено ребро лошади.

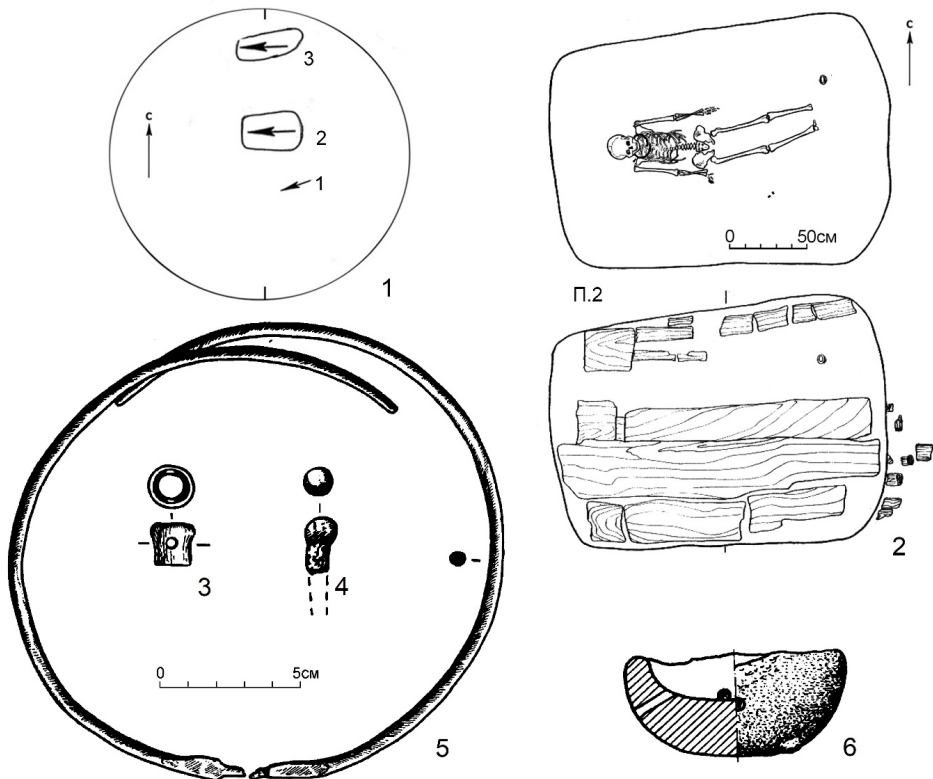

Рис. 4. Курганный могильник Камень-2. План кургана 25 (1), планы могилы 2 (2), сопроводительный инвентарь: элемент нагайки (3), навершие заковки (4), гривна (5), курильница (6)

Представляется, что с методической точки зрения основной подход к изучению данной источниковой базы должен базироваться на системном междисциплинарном анализе, предполагающем помимо всего прочего надежную верификацию исходного археологического и антропологического материала. Археолого-антропологическая интерпретация в таком случае может осуществляться в контексте культурологических, гендерных или социально-экономических наблюдений.

Обсуждение. Первая попытка объяснения материалов «нестандартных» погребений с позиции ритуального «травестизма», предпринятая Т. Н. Троицкой [1; 2], вызвала в среде научного сообщества неоднозначную реакцию. В частности, вопрос об обоснованности этой интерпретации, учитывая фактор возможной «среднестатистической» антропологической ошибки, поднимал Д. И. Ражев [7, с. 46–48].

Антропологические материалы курганного могильника Камень-2 впервые анализировались сразу после раскопок – в 1975 г. В. А. Дрёмовым в Томске. Материалы переписки (как и результаты определений) В. А. Дрёмова и А. П. Уманского хранятся в архиве учебной научно-исследовательской лаборатории «Историческое краеведение» АлтГПУ.

В числе документов данного собрания для проблематики нашего исследования особый интерес представляет письмо В. А. Дрёмова к А. П. Уманскому от 30 января 1975 года (рис. 5), в котором известный сибирский антрополог сообщает о путанице среди полученных от барнаульских коллег материалов. Кроме отмеченных в письме причин (отсутствие в посылке скелетов, обозначенных в описи, наличие для ряда могил нескольких скелетов, хотя в описи значится один) возникших расхождений, можно указать и на поспешность отправки костных останков на их изучение. Вероятно, антропологические материалы отправлялись в Томск сразу в «полевой» упаковке, т. е. в Барнаульском государственном педагогическом институте А. П. Уманским, В. А. Могильниковым и их сотрудниками свертки с находками не перепроверялись и с полевой документацией не сверялись. В связи с этим расхождения между археологическими данными и антропологическими определениями для могильника Камень-2 вполне возможны.

Надо, конечно, иметь в виду, что случай с материалами Камня-2 не уникальный, он маркирует общую тенденцию той эпохи. На середину 1970-х гг. Камень-2 являлся самым крупным исследованным памятником эпохи раннего железа Верхнеобского бассейна (23 кургана с 117 захоронениями), что дало основание В. А. Могильникову и А. П. Уманскому сделать его эпонимным для так называемой «каменской» культуры. Его антропологические материалы анализировались томскими учеными синхронно с массой других памятников VI–II вв. до н. э. Верхнего Приобья, в том числе исследованных Т. Н. Троицкой.

К сожалению, разрешилась ли обозначенная путаница с материалами Камня-2, достоверно нам неизвестно. Скорее всего нет, так как в письме от 15 октября 1977 года В. А. Дрёмов пишет А. П. Уманскому о том, что в полученных материалах выявлено два ящика «совсем неразобранных», в которых лежали кости и череп (а с ними в придачу и кости животных) из Камня-2 1976 г. (рис. 6).

После В. А. Дрёмова с антропологической коллекцией Камня-2 работало множество специалистов, но наибольший вклад в ее осмысление был внесен М. П. Рыкун. Результаты ее верификации интересующих нас индивидов таковы: курган 2 могила 6 – мужчина (maturus); курган 3 могила 1 – мужчина (maturus); курган 20 могила 5 – мужчина (adultus); курган 25 могила 2 – мужчина (maturus) [8, с. 161–163]. Т. е. они идентичны определениям В. А. Дрёмова.

30.1.75. Тосна.

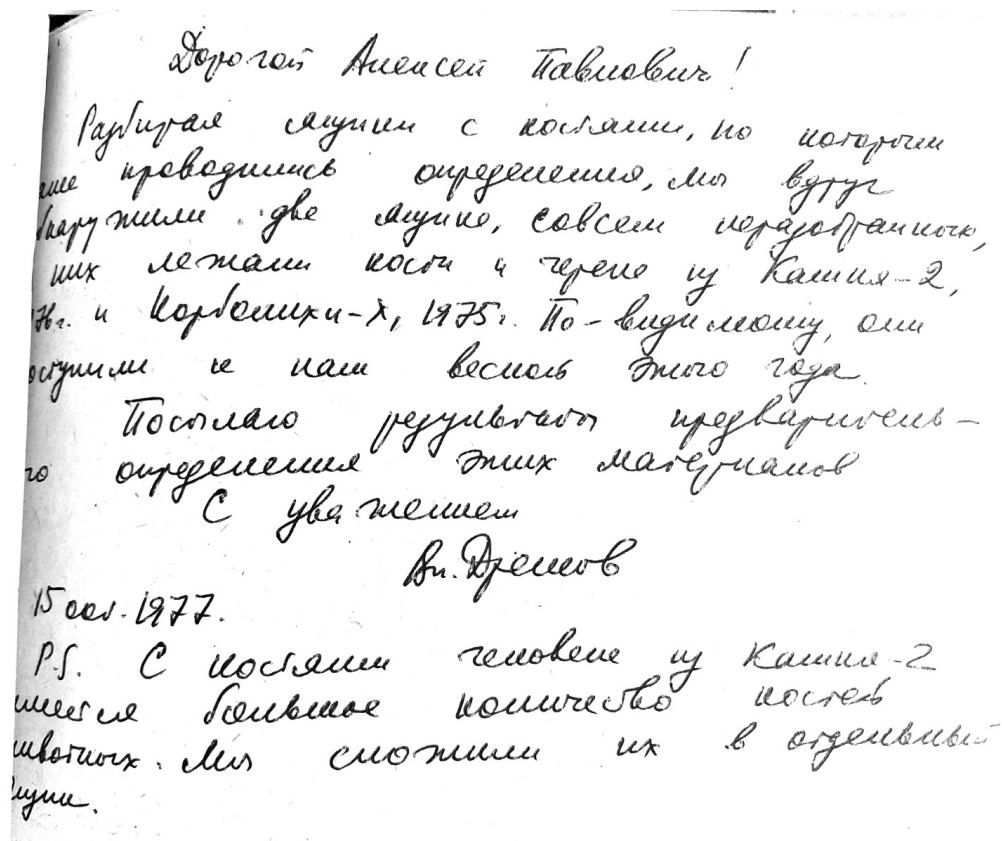
Дорогой Алексей Павлович!

Посылаю Вам результаты
судебных антропологических
материалов. Другой экземпляр
посылаю В.А. Могильникову.
Боюсь, что несмотря на Вашу
разборчивость, в некоторых случаях
вы не сможете ничего узнать.
По списку, который я соори-
ентован у Вас, значится се-
мента, которых в скелетах не
обнаружено. В ряде могил
обнаружено по две семента,
одна в ошейнике значится один.
Вероятно, девушки забыли
исправить билеты, или по-
мешали старые. Но здесь ни-
чего не могли сделать.
Может быть, все же Вы
сможете разобраться по опису.
С уважением
Вл. Дремов

Рис. 5. Письмо В. А. Дрёмова к А. П. Уманскому от 30.01.1975 г. (архив УНИЛ «Историческое краеведение», неразобранные материалы). Фото Н. Н. Головченко

Исходя из вышеизложенного можно констатировать, что антропологические определения, выполненные по материалам могильника Камень-2, должны использоваться в археологических интерпретациях с большой критичностью

и осторожностью. Особенно если учесть, что вопросами верификации проблема корреляции археологического и антропологического материала эпохи раннего железа Верхнего Приобья не ограничивается [9; 10].

Дорогой Алексей Павлович!

Разбирая ящики с костями, по которым
уже проводилось определение, мы обнаружили
еще ящики с двумя ящиками, совсем неразобранными,
в них лежали кости и череп у Камня-2,
№1 и Корбенихи-1, 1975. По-видимому, они
остались в нам весною того года.

Посылаю результаты предварительного
определения этих материалов
С уважением
В. А. Дрёмов

15 окт. 1977.

P.S. С костями человека у Камня-2
имеется большое количество костей
животных. Мы сложили их в отдельные
ящики.

Рис. 6. Письмо В. А. Дрёмова к А. П. Уманскому от 15.10.1977 г. (архив УНИЛ «Историческое краеведение», неразобранные материалы). Фото Н. Н. Головченко

Интерпретация. В одной из последних статей А. П. Бородовский приводит высказывание А. В. Матвеева, произнесенное на одном из юбилеев Т. Н. Троицкой – «Мы все знакомы через рукопожатия, поскольку Татьяна Николаевна вышла из настоящей античной археологии, она передала нам практически тактильную связь с ее выдающимися исследователями». Такая реальная связь действительно ощущалась» [11, с. 21–22].

Видимо, из-за этой прочной связи со школой отечественного антиковедения в вопросе интерпретации мужских погребений с «нестандартной» комплектацией сопроводительного инвентаря Т. Н. Троицкая уделяла особое внимание сведениям об амазонках и энореях, содержащимся в «Истории» Геродота (Herod. Hist. I, 105; IV, 67, 110–117). Между тем данные сообщения отрывочны и, вероятно, представляют собой не фиксацию норм социальной организации

скифских сообществ, а описание отдельных, с точки зрения грека переосмысленных любопытных явлений, легенд и курьезов.

Практики, в результате которых мужчин в загробную жизнь сопровождал условно «женский» предметный комплекс, могут объясняться по-разному. Рассмотрим возможности интерпретации обозначенного нами источникового материала с позиции классической археологической аналитики (см. табл. 2).

Таблица 2

Сводная таблица основных характеристик погребальных комплексов с «нестандартной» комплектацией инвентаря по материалам курганного могильника Камень-2

Комплекс / характеристика	Курган 2 могила 6	Курган 3 могила 1	Курган 20 могила 5	Курган 25 могила 2
Диаметр кургана	ок. 6 м	ок. 13 м	ок. 16,5 м	ок. 12 м
Наличие рова	нет	нет	есть, дважды разомкнутый	нет
Позиционирование могилы	центральная	периферийная	центральная	центральная
Размеры могилы	2,45×1,2 м	2,4×1,1 м	2,6×1,2 м	2,2×1,65 м
Бревенчатое перекрытие	есть, в 4 наката	есть, разрушено	есть, в 1 накат	есть, в 1 накат
Обкладка стен могильной ямы	есть	нет	есть	есть
Пол и возраст погребенного	мужчина, 45–50 лет	мужчина, 50 лет	мужчина, 30–35 лет	мужчина, 30–35 лет
Пространственная ориентация скелета	головой на запад	головой на северо-запад	головой на запад	головой на запад
Сопроводительный инвентарь	заколка, алтарик, камень	алтарик, 2 сосуда	алтарик, бузина	заколка, гривна, курильница, элемент нагайки, пронизка
Жертвенная пища	ноги МРС ³	нет	ноги МРС	ноги МРС
Угольная, меловая и другие подсыпки	нет	нет	угольная	нет

³ МРС – мелкий рогатый скот.

На материалах могильника Камень-2 наибольшую близость между собой показывают погребения из курганов 2 и 25, основные характеристики которых по большей части соответствуют друг другу (см. табл. 2). Примечательно при этом то, что одно происходит из курганов Южной, а другое – Северной группы.

Погребение из кургана 3 отличается от них своим расположением в числе периферийных могил, отсутствием деревянных обкладок стенок могильной ямы, некоторым отклонением в пространственной ориентации погребенного, наличием среди сопроводительного инвентаря сразу двух керамических сосудов и отсутствием костей мясной жертвенной пищи. Исходя из анализа вещевого набора складывается мнение, что данное погребение могло принадлежать женщине.

Погребение из кургана 20 также отличается от двух тождественных наличием ровика вокруг насыпи и угольной подсыпки на дне могильной ямы. Оба фактора, вероятно, можно связать с «саргатским влиянием». Наличествующий сопроводительный инвентарь также, по нашему мнению, указывает на то, что данное погребение принадлежало женщине.

Вероятно, особое значение имеет комплексный характер наличия «женской» атрибутики в могилах из курганов 2 и 25. Во всяком случае данный фактор вкупе с центральным положением погребений, достаточно большими размерами могил, наличием всей необходимой сопроводительной атрибутики (предметы украшений костюма и культа, жертвенной пищи) указывает на определенный социальный статус захороненных индивидов. «Нестандартность» комплектации сопроводительного инвентаря в таком случае может объясняться, как и предполагала Т. Н. Троицкая, необходимостью коллектива в исполнении жреческих или иных культовых функций, сопряженных с «женской» атрибутикой [2]. Можно предположить, что большая женская смертность в фертильном возрасте могла лишать отдельные коллективы наличия в своем составе подходящих индивидов [12, с. 186]. В таком случае социальные функции, присущие данной категории лиц, исполняли подходящие по возрасту или социальному статусу мужчины. Косвенным образом данное заключение подтверждается амбивалентностью предметного комплекса из кургана 25, сочетающим в себе «женские» (заколка, гривна, курильница, пронизка) и «мужские» (гривна, элемент нагайки, пронизка) черты. Однако рассмотрение возрастов мужчин, погребенных с «женским» инвентарем (см. табл. 1), указывает на то, что данная практика применима к лицам от 20 до 60 лет. Складывается мнение, что наблюдаемое явление к возрастным особенностям привязано не было и носило прежде всего ситуационный характер.

Особое социальное положение мужчин-ткачей, исходя из находок пряслиц на сходных материалах саргатской культуры, предполагала Н. П. Матвеева [13; 14]. Однако в нашем случае подобной «профессиональной» специализации комплектации «нестандартного» инвентаря не наблюдается. Более того, неясна содержательная основа помещения пряслиц в мужские погребения, вероятно,

иногда они служили не орудиями труда, а предметами культа (например, на могильнике Масляха-1 выявлены пряслица с несквозным отверстием по центру).

Рассмотрение мужских погребений с женскими украшениями может осуществляться и с позиции изучения предметного комплекса одежды [15], который менялся в процессе жизни людей обоих полов, что заметно на материалах Новотроицкого некрополя [16] (рис. 7, рис. 8, рис. 9).

Рис. 7. Предметный комплекс одежды населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа из погребений людей 0–20 лет: 1 – Новотроицкое-1 курган 17 могила 4; 2 – Новотроицкое-1 курган 13 могила 2; 3, 4 – Новотроицкое-1 курган 17 могила 6; 5 – Новотроицкое-2 курган 6 могила 7; 6 – Новотроицкое-2 курган 8 могила 1; 7, 8 – Новотроицкое-2 курган 24 могила 2; 9 – Новотроицкое-2 курган 6 могила 4; 10–12 – Новотроицкое-1 курган 17 могила 5; 13 – Новотроицкое-2 курган 6 могила 5; 14 – Новотроицкое-2 курган 8 могила 6; 15 – Новотроицкое-2 курган 14 могила 2. 1–6 – женские погребения, 7–15 – мужские погребения. Фото Н. Н. Головченко (без масштаба).

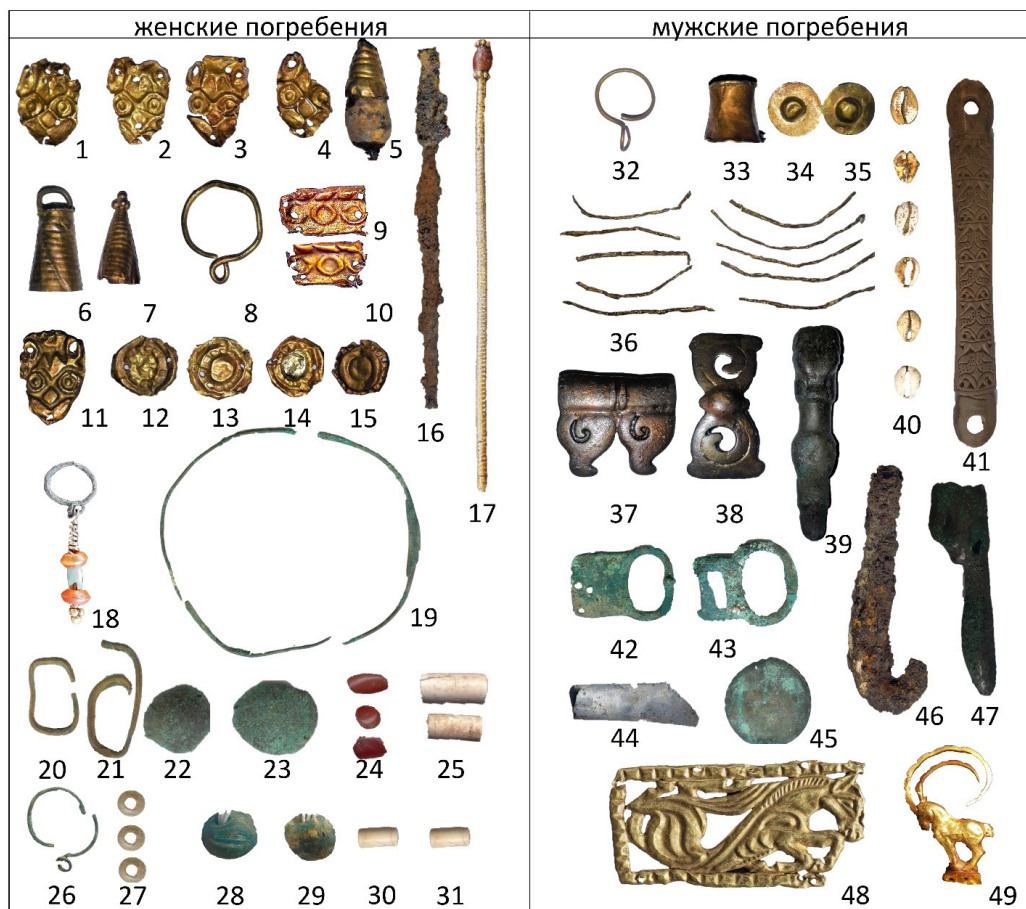

Рис. 8. Предметный комплекс одежды населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа из погребений людей 20–40 лет: 1–5 – Новотроицкое-2 курган 3 могила 13; 6, 7 – Новотроицкое-2 курган 5 могила 1; 8 – Новотроицкое-1 курган 7 могила 5; 9, 10 – Новотроицкое-1 курган 12 могила 8; 11–15 – Новотроицкое-1 курган 7 могила 5; 16 – Новотроицкое-2 курган 9 могила 4; 17 – Новотроицкое-2 курган 3 могила 13; 18 – Новотроицкое-2 курган 5 могила 2; 19 – Новотроицкое-1 курган 18 могила 2; 20–23 – Новотроицкое-1 курган 18 могила 4; 24, 25 – Новотроицкое-2 курган 5 могила 2; 26, 27 – Новотроицкое-1 курган 13 могила 4; 28–31 – Новотроицкое-2 курган 26 могила 1; 32 – Новотроицкое-2 курган 18 могила 6; 33–35 – Новотроицкое-2 курган 24 могила 5; 36 – Новотроицкое-2 курган 3 могила 15; 37–39 – Новотроицкое-1 курган 15 могила 1; 40 – Новотроицкое-2 курган 18 могила 2; 41 – Новотроицкое-2 курган 15 могила 3; 42 – Новотроицкое-1 курган 17 могила 1; 43 – Новотроицкое-1 курган 19 могила 1; 44 – Новотроицкое-2 курган 7 могила 5; 45 – Новотроицкое-2 курган 18 могила 8; 46 – Новотроицкое-2 курган 9 могила 5; 47 – Новотроицкое-2 курган 18 могила 9; 48 – Новотроицкое-2 курган 2 могила 9; 49 – Новотроицкое-2 курган 15 могила 3. 1–31 – женские погребения, 32–49 – мужские погребения. Фото Н. Н. Головченко (без масштаба).

Рис. 9. Предметный комплекс одежды населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа из погребений людей 40–60 лет: 1–5 – Новотроицкое-1 раскоп 8 могила 3; 6 – Новотроицкое-2 курган 18 могила 4; 7 – Новотроицкое-2 курган 18 могила 7; 8 – Новотроицкое-2 курган 5 могила 3; 9, 10 – Новотроицкое-2 курган 16 могила 2; 11 – Новотроицкое-2 курган 21 могила 3; 12 – Новотроицкое-2 курган 20 могила 3. 1–7 – женские погребения, 8–12 – мужские погребения. Фото Н. Н. Головченко (без масштаба).

Наблюдаемая нами довольно пестрая картина половозрастной дифференциации предметного комплекса одежды населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа свидетельствует о том, что единого стандарта в оформлении костюма, помещаемого в погребения, не существовало [17].

Осложнялся данный процесс и региональной спецификой «костюмных контактов» поликультурного населения Верхнеобского региона с ближайшим окружением, выразившейся в совместном бытовании транскультурных, инोकультурных, местных и адаптивных типов предметов [18; 19]. Комплекс инокультурных вещей включает в себя отдельные типы заколок и серег, подвесок, а также керамический материал (например, саргатские сосуды в большереченских погребениях [18, с. 87–96]. Транскультурными могут считаться гривны, некоторые типы серег, золотые биметаллические заколки, поясные пряжки, бляхи, костыльки и поясные крючья, выполненные в зверином стиле. Адаптивные вещи представлены подражаниями золотым пряжкам, выполненными из бронзы со сценами терзания копытных, предметами со следами починки. Мест-

ными компонентами выступают votивные изделия, некоторые типы заколок и серег, сочетания бусин в наборе оплечий, а также конкретные практики событийной сакрализации предметного комплекса одежды во время погребального обряда [17], которые в некоторых аспектах соответствуют общим «скифским» транскультурным представлениям. В рамках одного ансамбля костюма могли эклектично сочетаться все четыре составляющие.

Заключение. Таким образом, поднятая 40 лет назад Т. Н. Троицкой проблема интерпретации мужских погребальных комплексов с «нестандартным» сопроводительным инвентарем до сих пор остается далекой от разрешения.

Видимо процесс комплектования сопроводительного инвентаря для захоронения населением Верхнего Приобья эпохи раннего железа строго не регламентировался обрядом, нормами пола или возраста, а определялся исходя из социального отношения коллектива к умершему и его способностями исполнять соответствующие функции.

На этом фоне материалы, происходящие из курганного могильника Камень-2 представляются весьма скромными и малочисленными, что, вероятно, косвенным образом отражает уровень быта оставившего его социума. Камень-2 никак нельзя считать элитным некрополем, несмотря на несколько выявленных там достаточно ярких и богатых захоронений. В условиях ограниченной ресурсной базы коллектив, осуществляющий обряд погребения, мог использовать различные адаптивные практики, подчеркивая определенные социальные статусы индивидов в том числе и на уровне снабжения их «нестандартным» инвентарем.

Отсутствие четкого канона в оформлении погребального костюма способствовало его индивидуализации. Фактически набор одежды и аксессуаров у каждого индивида был свой. В нем неизбежно имелись некоторые общие черты с окружающей материальной культурой, привнесенные транскультурные элементы [20], но его внутреннее единство определялось вкусами и предпочтениями конкретного человека (а применительно к погребальному обряду – и предпочтениями сообщества, осуществляющего акт захоронения [17, с. 350–351]).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Троицкая Т. Н.** Пережитки матриархата в религиозных воззрениях племен большереченской культуры // Скифо-сибирский мир: Искусство и идеология. – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 69–70.
2. **Троицкая Т. Н.** Явления травестизма в скифо-сибирском мире // Скифо-сибирский мир: Искусство и идеология. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 59–63.
3. **Уманский А. П., Шамшин А. Б., Шульга П. И.** Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. – 204 с.
4. **Могильников В. А., Уманский А. П.** Курганы Масляха-I по раскопкам 1979 года // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1982. – С. 69–93.
5. **Троицкая Т. Н., Бородовский А. П.** Большереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 184 с.
6. **Могильников В. А., Куйбышев А. В.** Курганы «Камень-II» (Верхнее Прибье) по раскопкам 1976 г. // Советская археология. – 1982. – № 2. – С. 113–135.
7. **Ражев Д. И.** Биоантропология населения саргатской общности. – Екатеринбург: УрО РАН, 2009. – 252 с.

8. **Рыкун М. П.** Палеоантропология Верхнего Приобья в эпоху раннего железа (по данным кра­ниологии): дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2005. – 294 с.
9. **Боро­довский А. П.** Дискурс термина «археологическая культура» в антропологических ис­следованиях населения эпохи раннего железа на Верхней Оби // Вестник Алтайского госу­дар­ственного педагогического университета. – 2024. – № 1 (58). – С. 90–95. DOI: 10.37386/2413-4481-2024-1-90-95
10. **Боро­довский А. П.** Культурная идентификация населения Верхней Оби эпохи раннего же­ле­за по материалам археологии и антропологии (Быстровский некрополь) // Культурно-ан­тро­пологические исследования. – 2024. – № 2. – С. 8–26.
11. **Боро­довский А. П.** Материалы из личного архива В. Д. Блаватского (1899–1980) // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае. – 2024. – Вып. 19. – С. 21–29.
12. **Боро­довский А. П.** Археологические памятники Искитимского района Новосибирской обла­сти. – Новосибирск: Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия, 2002. – 208 с.
13. **Матвеева Н. П.** Саргатская культура на Среднем Тоболе. – Новосибирск: Наука, 1993. – 175 с.
14. **Матвеева Н. П.** Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке (лесостепная и подтаежные зоны). – Новосибирск: Наука, 2000. – 399 с.
15. **Головченко Н. Н.** Половозрастная дифференциация предметного комплекса одежды по материалам погребальных памятников Верхнего Приобья второй половины I тыс. до н. э. // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – 2023. – № 3. – С. 319–340. DOI: 10.55086/sp233319340
16. **Шульга П. И., Уманский А. П., Могильников В. А.** Новотроицкий некрополь. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2009. – 329 с.
17. **Головченко Н. Н.** Предметный комплекс одежды в погребальной обрядности населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа // Stratum plus. Археология и культурная антро­по­логия. – 2022. – № 3. – С. 337–358. DOI: 10.55086/sp223337358
18. **Боро­довский А. П.** Вопросы реконструкции культурно-исторических процессов и их хро­нологии в лесостепном Приобье эпохи раннего железа (по материалам датирования Бы­стровского некрополя) // Археология, антропология и этнография Евразии. – 2015. – Т. 43, № 2. – С. 87–96.
19. **Боро­довский А. П.** Погребальное пространство в контексте поликультурности (по матери­алам Быстровского некрополя эпохи раннего железа на Верхней Оби) // Археологические вести. – 2017. – № 23. – С. 229–240.
20. **Головченко Н. Н.** Предметный комплекс одежды как маркер межкультурных коммуника­ций на территории Верхнего Приобья в эпоху раннего железа // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – 2020. – №3. – С. 73–92.

REFERENCES

1. Troitskaya T. N. The remnants of matriarchy in the religious beliefs of the tribes of the Bolsherechenskaya culture. *Scythian-Siberian world: Art and ideology*. Novosibirsk: Nauka Publ., 1984, pp. 69–70. (In Russian)
2. Troitskaya T. N. Phenomena of travestism in the Scythian-Siberian world. *Scythian-Siberian world: Art and ideology*. Novosibirsk: Nauka Publ., 1987, pp. 59–63. (In Russian)
3. Umansky A. P., Shamshin A. B., Shulga P. I. The burial ground of the Scythian time Rogozhiha-1 on the left bank of the Ob. Barnaul: Publishing House of AltSU, 2005, 204 p. (In Russian)
4. Mogilnikov V. A., Umansky A. P. The mounds of Maslyakha-I on excavations in 1979. *Questions of the archaeology of Altai and Western Siberia of the Metal age*. Barnaul: AltSU Publ., 1982, pp. 69–93. (In Russian)
5. Troitskaya T. N., Borodovsky A. P. Bolsherechenskaya culture of the forest-steppe Ob region. Novosibirsk: Nauka Publ., 1994, 184 p. (In Russian)
6. Mogilnikov V. A., Kuibyshev A.V. Burial mounds «Kamen-II» (Upper Ob region) on excavations in 1976. *Soviet Archeology*, 1982, no. 2, pp. 113–135. (In Russian)

7. Razhev D. I. Bioanthropology of the Sargat community population. Ekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2009, 252 p. (In Russian)
8. Rykun M. P. Paleoanthropology of the Upper Ob region in the Early Iron Age (according to craniology). Dis. ... candidate of Historical Sciences. Barnaul, 2005, 294 p. (In Russian)
9. Borodovsky A. P. The term "archaeological culture" and its discourse in anthropological studies of the population of the Early Iron Age on the Upper Ob. *Bulletin of the Altai State Pedagogical University*, 2024, no. 1 (58), pp. 90–95. DOI: 10.37386/2413-4481-2024-1-90-95 (In Russian)
10. Borodovsky A. P. Cultural identification of the population of the Upper Ob of the Early Iron Age based on the materials of archeology and anthropology (Bystrov necropolis). *Culture and anthropology research journal*, 2024, no. 2, pp. 8–26. (In Russian)
11. Borodovsky A. P. Materials from the personal archive of V. D. Blavatsky (1899–1980). *Field research in the Upper Ob region, Irtysh region and Altai*, 2024, vol. 19, pp. 21–29. (In Russian)
12. Borodovsky A. P. Archaeological sites of the Iskitimsky district of the Novosibirsk region. Novosibirsk: Scientific and Production Center for the Preservation of historical and Cultural Heritage, 2002, 208 p. (In Russian)
13. Matveeva N. P. Sargat culture on the Middle Tobol. Novosibirsk: Nauka Publ., 1993, 175 p. (In Russian)
14. Matveeva N. P. Socio-economic structures of the population of Western Siberia in the Early Iron Age (forest-steppe and subtaiga zones). Novosibirsk: Nauka Publ., 2000, 399 p. (In Russian)
15. Golovchenko N. N. Differentiation of the Clothing Inventory by Sex and Age Based on Materials from Funerary Sites Found in the Upper Obi Region Dated by the Second Half of the First Millennium BC. *Stratum plus. Archaeology and cultural anthropology*, 2023, no. 3, pp. 319–340. DOI: 10.55086/sp233319340 (In Russian)
16. Shulga P. I., Umansky A. P., Mogilnikov V. A. Novotroitskiy necropolis. Barnaul: AltSU Publishing House, 2009, 329 p. (In Russian)
17. Golovchenko N. N. Clothing Assemblage in the Burial Rituals of the Early Iron Age Population of the Upper Ob River Region. *Stratum plus. Archaeology and cultural anthropology*, 2022, no. 3, pp. 337–358. DOI: 10.55086/sp223337358 (In Russian)
18. Borodovsky A. P. The reconstruction of cultural processes in the forest-steppe Ob basin during the Early Iron Age, based on the chronology of the Bystrovka cemetery. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2015, vol. 43, no. 2, pp. 87–96. (In Russian)
19. Borodovsky A. P. Funerary space in the context of multiculturalism (based on the materials of the Bystrov necropolis of the Early Iron Age on the Upper Ob). *Archaeological news*, 2017, no. 23, pp. 229–240. (In Russian)
20. Golovchenko N. N. Elements of Clothing as a Marker of Intercultural Communications on the Territory of the Upper Ob River Region in the Early Iron Age. *Stratum plus. Archaeology and cultural anthropology*, 2020, no. 3, pp. 73–92. (In Russian)

Информация об авторе

Н. Н. Головченко, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия, nikolai.golowchenko@yandex.ru

Information about the author

Nikolai N. Golovchenko, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia, nikolai.golowchenko@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 17.12.2024

Одобрена после рецензирования: 20.02.2025

Принята к публикации: 24.02.2025

The article was submitted: 17.12.2024

Approved after reviewing: 20.02.2025

Accepted for publication: 24.02.2025

Научная статья
УДК 069.51(510)

Музей Аньяна глазами археолога

Чистякова Агния Николаевна¹

¹Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

Аннотация. В статье рассмотрена новая концепция китайских музеев на примере нового музейного комплекса музея Иньсюй (Развалин Инь). Концепция музея – это не только новое здание с новыми выставочными залами, а вписание музея в пространство и ландшафт с учетом новых «зеленых норм» и строительство с учетом новых низкоуглеродных требований. Это соединение новых цифровых технологий и древней культуры.

Ключевые слова: археология; древность; музей 3.0; новая музеология; Аньян; Иньсюй; Иньские руины (развалины); сосуд *дин*

Для цитирования: Чистякова А. Н. Музей Аньяна глазами археолога // Культурно-антропологические исследования. – 2025. – № 2. – С. 51–57.

Scientific article

The Anyang Museum through the Eyes of an Archaeologist

Agniya N. Chistyakova¹

¹Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

Abstract. This article examines the new concept of Chinese museums on the example of the new museum complex of the Yin Xu Museum (Yin Ruins). The concept of the museum is not only a new building with new exhibition halls, but also the museums inscribed in the space and landscape taking into account the new “green norms” and construction taking into account the new low-carbon requirements. It is a combination of new digital technologies and ancient culture.

Keywords: archaeology; antiquity; museum 3.0; new museology; Anyang; Yin Xu; Yin ruins; Ding vessel

For citation: Chistyakova A. N. The Anyang Museum through the eyes of an archaeologist. *Culture and anthropology research journal*, 2025, no. 2, pp. 51–57.

По данным Государственного управления по охране культурного наследия КНР, общее количество музеев в стране достигло 6833, т. е. по количеству музеев Китай занимает второе место в мире, уступая только США. Общее число посетителей музеев в 2023 г. составило 1,29 млрд человек, что стало самым высоким показателем в мире [2].

Для любого человека, изучающего китайский язык и культуру, одним из обязательных мест для посещения является столица древнего государства Шан-Инь – Иньсюй 殷墟 (что переводится как иньские руины или развалины Инь). По-китайски археология 考古 досл. «изучение старины / древностей»,

поэтому для Китая музей – это, прежде всего, место для хранения и изучения древностей.

Раскопки Иньских руин – это также история развития китайской археологии и колыбель китайских археологов. Это крупный археологический объект, находящийся в провинции Хэнань, в деревне Сяотунь близ города Аньяна. В 2006 году объект был занесен в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО. Это место, куда восемнадцатый правитель династии Шан Пань Гэн перенес столицу династии Шан, поэтому в истории Китая поздний период правления династии Шан (1300–1046 гг. до н. э.) также называется Инь. Город был разрушен после того, как чжоуский правитель У-ван нанес поражение последнему правителю государства Шан.

Руины Инь – первая столица поздней династии Шан в Китае, которая была задокументирована и подтверждена надписями *цзягувэнь* (на гадательных костях) и археологическими раскопками. В ходе раскопок археологи обнаружили самые ранние систематические надписи *цзягувэнь* в Китае, самые ранние *чэмакэн* ямы с захоронениями колесниц и лошадей и гробницу самой ранней китайской женщины-генерала Фу Хао, а также самое большое и тяжелое бронзовое изделие, обнаруженное в мире – это священный четырехножник 后母戊鼎 Хоуму дин (ранее известный как 司母戊鼎 Сымуу дин).

Первый музей развалин Инь был построен в 2005 году, его выставочные площади заняли 1500 квадратных метров. Уже само здание музея было уникально: это одноэтажное подземное здание высотой 8 м; 1 м над землей и 7 м под землей. Оно занимало площадь 5000 м² с выставочной площадью 1800 м², включая выставочные залы, хранилища культурных реликвий, исследовательские комнаты, лекционные залы и другие помещения. Если смотреть сверху, он напоминал иероглиф 洹 *хуань* (в надписях на костях оракула означает реку Хуань, символизируя важную роль реки Хуань в развитии цивилизации династии Шан). Нужно отметить, что изначально культурный компонент и историческая составляющая были заложены в концепции музейного комплекса [4].

Поскольку археологические раскопки руин Инь продолжаются, коллекции продолжают пополняться, поэтому старое здание музея уже не могло удовлетворить потребностям не только хранения находок, но и новых подходов к пониманию современного музейного пространства.

Китай, следуя мировым тенденциям в развитии концепции музеев, дает новое определение музею. Сейчас это не только место просмотра исторических ценностей, экспонатов, но и место, куда можно сходить с семьей, друзьями, где можно провести время и стать творцами собственной истории. За последнее десятилетие китайские музеи развивались семимильными шагами, и их накопленный опыт способствовал созданию новой концепции развития музеев «Музей 3.0». Основные положения следующие:

1. Ориентация на людей. Новая музеология подчеркивает, что фокус музеев должен смещаться от «предметов» (коллекций) к «людям» (аудитории), то есть от коллекции предметов к вниманию к современным социальным проблемам.

2. Непрерывное образование. Новая музеология считает, что музеи должны играть роль непрерывного образования, не только позволяя зрителям приобретать знания, но и развивая их инновационные способности и моральные качества.

3. Технологии способствуют изменениям в музеях, улучшая доступность и эффективность работы: технологическое развитие Китая меняется с каждым днем, особенно быстрое развитие цифровых технологий и искусственного интеллекта, которое принесло революционные изменения в музейную работу. Такие технологии, как виртуальная реальность, большие данные, 5G и Интернет вещей, улучшили выразительность и интерактивность культурных продуктов, предоставив новые возможности для создания, распространения и потребления культурных продуктов.

Искусственный интеллект начал широко использоваться в музеях, включая цифровую коллекцию, организацию, исследование и обмен коллекциями, помогая в реставрации культурных реликвий и произведений искусства, а также в художественном творчестве и кураторских инновациях. Экспозиция культурных реликвий также разнообразна: искусственный интеллект используется для захватывающего взаимодействия с аудиторией посредством виртуальной реальности (VR) и дополненной реальности (AR), для эффективного использования и оживления культурных реликвий.

4. Ускоренное внедрение цифровых технологий и развитие новых медиа помогут распространению музейной информации и культурной продукции. Музеи и связанные с ними отрасли сформировали огромный рынок культурного потребления.

5. Новая гуманистическая экономика выступает за использование культуры как движущей силы экономики, что способствует качественному развитию музеев.

Объединение музеев и культурных индустрий породило новый формат музейной культурной индустрии. В последние годы музейные исследования и разработки культурных и творческих продуктов активно реагировали на рыночный спрос, осуществляли трансграничные инновации и сотрудничали с различными секторами. Интеллектуальная собственность музея разрешает деловому сообществу (и сотрудничает с ним в этом) использование культурных реликвий из коллекции для проявления творчества и производства продуктов с добавленной стоимостью, включая издательское дело, литературу, музыку, фильмы, телевидение, исполнительское искусство, игры и другие категории, образуя цепочку индустрии культуры [1].

Рассмотрим, как новые тенденции и понимание «музея» реализовалось в новом музейном комплексе Иньсюй.

В феврале 2024 г. открылся новый музей Иньсюй. Это музей с восемью выставочными залами и тремя надземными этажами, первый крупный национальный тематический музей, панорамно демонстрирующий торговую цивилизацию, и один из ключевых проектов Национального культурного парка

Желтой реки. На выставке представлено около 4000 культурных реликвий, таких как бронза, керамика, нефрит, кости оракула.

28 октября 2022 г. генеральный секретарь Си Цзиньпин внимательно осмотрел раскопанные культурные реликвии, такие как бронза, нефрит, надписи на костях оракула, в музее Иньсуй в Аньяне, Хэнань. Он сказал, что давно мечтал посетить руины Инь [3]. Не зря председатель КНР позирует рядом с древним бронзовым четырехножником 鼎 *дин*, потому что именно форма этого бронзового сосуда была выбрана в качестве формы для здания нового музея.

Новый музей Иньсуй был спроектирован академиком Хэ Цзинтаном, главным архитектором Института архитектурного проектирования Южно-Китайского технологического университета. Новое здание Музея руин Инь имеет форму треножника, стоящего посреди воды. Над бронзовой дверью изображены три иероглифа 大邑商 «город Шан» в надписях на костях оракула. Внешний вид здания представляет собой облицованную бронзой навесную стену, напоминающую бронзовый четырехножник времен династии Шан.

У этого ритуального сосуда своя история. Это крупнейший в мире бронзовый сосуд: высота сосуда – 133 см, длина – 110 см, ширина – 78 см, вес – 875 кг. Он был обнаружен в марте 1939 г. Свое название сосуд получил из-за надписи «хоумуу», отлитой на внутренней стенке сосуда. Четырехножник – прямоугольной формы, имеет четыре ножки цилиндрической формы и пару ручек, расположенных по краям.

С точки зрения археолога треножник или четырехножник *дин* – это бронзовое изделие, распространенное во времена династий Шан и Чжоу, всегда считался символом государственной власти, использовался как регалия государственной власти, служил для жертвоприношений и казни [5, с. 352]. С культурной точки зрения сосуд связан с процветанием и благополучием.

В китайском языке есть выражения:

鼎盛 пора расцвета, процветающий, благоденствующий.

列鼎而食 (досл. есть с расставленных в ряд сосудов *дин*) жить в роскоши и довольстве.

大名鼎鼎 | 鼎鼎大名 (досл. большое имя и сосуд *дин*) Пользоваться громкой славой, быть знаменитым.

钟鸣鼎食 (досл. есть из сосудов *дин* под звон колоколов) вести роскошный образ жизни, купаться в роскоши.

Таким образом, конструкция здания нового музея в виде четырехножника *дин* не только отражает историческую значимость артефакта в истории Китая, но и символизирует процветание и славу.

Внешний дизайн нового музея основан на 《诗经·商颂》 – «Книге песен: гимны Шан»: вокруг зеленая платформа-газон, четырехножник стоит на земле. Музей ориентирован на зеленую, низкоуглеродную и устойчивую модель развития. Эта концепция отразилась в лозунге: 中华之范、文明圣殿 «пример процветающего Китая, храм цивилизации», отражающее культурное и археологическое значение руин Инь.

Новый музей Иньской (руины Инь) занимает общую площадь 175 000 м², а площадь застройки – 51 000 м². Травянистая наклонная структура, окружающая основной корпус, занимает площадь 22 000 м². Главный павильон имеет высоту 22 м и ширину 146 м. Главное здание имеет в общей сложности 4 этажа, включая 1 подземный этаж и 3 надземных этажа.

Экспозиции. Что касается структуры экспозиции, новый музей Иньской посвящен теме «Великой цивилизации Шан». В нем представлены три основные выставки, четыре специальные выставки и одна специальная иммерсивная цифровая выставка. Здесь представлено около 4000 предметов (наборов) бронзы, керамики, нефрита, костей оракула и других культурных реликвий. Число и типы выставленных культурных реликвий велики и разнообразны, и более трех четвертей драгоценных культурных реликвий выставлены впервые.

Выставочные залы нового музея занимают площадь около 22 000 м². Выставки посвящены теме «Великая торговая цивилизация», включая три основные экспозиции: «Изучение торговой цивилизации», «Великая торговая цивилизация» и «Мировая торговая цивилизация». Также есть несколько тематических выставок и одна специальная иммерсивная цифровая выставка. Все выставки с разных точек зрения, таких как история династии Шан, наука о надписях на костях цзягувэнь, археология, история и распространение цивилизации Шан, знакомят с процветающей городской цивилизацией, совершенную ритуальную и музыкальную цивилизацию, развитую цивилизацию бронзы, великолепную цивилизацию письма и превосходные ремесленные технологии династии Шан, а также представляет важный статус и роль цивилизации Шан в развитии китайской цивилизации и даже человеческой цивилизации.

Вторая важная экспозиция – это «Выставка колесниц и останков коней руин Инь» впервые демонстрирует 23 ямы (*чэмакэн*) с конями и колесницами, раскопанные на памятнике. Это самые ранние образцы колесниц, найденные в Китае.

В новом музее Иньской широко используются искусственный интеллект, мультимедиа и другие цифровые технологии, чтобы предоставить культурные реликвии, документы, записи на костях оракула и другие новые выражения времени, расширить широту, глубину и точность панорамного представления цивилизации Шан и создать интерактивное место для культурных реликвий, истории и цифрового виртуального пространства [6].

Не забыли дизайнеры музея и о еде. В «Ханьшу (Книга династии Хань. Жизнеописание Ли Шици)» сказано, что для государя основой является народ, для народа – пища. Поэтому неотъемлемой частью китайской музейной культуры является организация питания. Новый музей не является исключением. При музее было открыто уникальное кафе-лапшичная «Цзысян», которая предлагает лапшу цзягувэнь. Лапша изготавливается путем печати символов из древних писем цзягувэнь на лапше съедобными чернилами каракатицы. Символы на каждой лапше разные, например, «пожелание удачи», «пожелание разбогатеть», «удачи и здоровья» и др. Отзыв пользователя сети: «Я чувствую, что после того, как съел лапшу, мои знания сконцентрировались!» [7].

По статистике на 26 февраля 2025 года, примерно за год открытия нового музея его посетили 1,8 млн человек.

Новый музей Иньсюй интегрирован в парк археологических раскопок и в общую среду современного города. Он не только построен на основе низкоуглеродных и экологических принципов, но также имеет научно-техническую археологическую лабораторию, высококачественный выставочный зал культурных реликвий, склад культурных реликвий и т. д. Он будет выполнять функции археологических исследований, реставрации культурных реликвий, научных и технологических испытаний, исследований и образования, туристических услуг и т. д., а также предоставлять высококачественные возможности для исследований.

Таким образом, современный музей – это универсальное многофункциональное пространство, сочетающее образовательную функцию, библиотеку, научно-исследовательский центр, а также он является общественным пространством, где можно провести время: парк, магазины и кафе. Для китайцев музей – это особый объект, который выполняет особую миссию сохранения и демонстрации культурного наследия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Музеи активируют новую эпоху 3.0: новые парадигмы, новые форматы и опыт Китая [博物馆开启3.0时代: 新典范、新业态和中国经验] [Электронный ресурс]. – URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1815620476072301034&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 20.04.2025).
2. В 2023 году поток посетителей музеев по всему Китаю достиг 1,29 млрд человеко-раз [Электронный ресурс]. – URL: <https://russian.news.cn/20240518/47ae5cf952604feabb2a506df4d64bac/c.html> (дата обращения: 20.04.2025).
3. Время учиться у Си / Генеральный секретарь Си Цзиньпин сказал: «Я давно мечтал об Иньсюй» [学习进行时 | 习近平总书记说: “殷墟我向往已久”] [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.auyx.com/yxgw/party/topdetail?id=1> (дата обращения: 20.04.2025).
4. Новый павильон музея Инь сюй (Иньские руины) [殷墟博物馆新馆] [Электронный ресурс]. – URL: <https://baike.baidu.com/item/殷墟博物馆新馆/64069527?fr=aladdin> (дата обращения: 20.04.2025).
5. Цы хай (Море слов). – Шанхай: Изд-во «Цышу», 2002. – 2611 с.
6. Сайт музея Инь Сюй (Развалины Инь) [殷墟博物馆] [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.auyx.com/yxgw/about> (дата обращения: 20.04.2025).
7. 1800000 человек-раз! Музей стал «суперпопулярным» [180万人次! 这个博物馆火热“出圈”] [Электронный ресурс]. – URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1826279089814474348&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 20.04.2025).

REFERENCES

1. Museums activating the new era of 3.0: new paradigms, new formats, and China's experience. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1815620476072301034&wfr=spider&for=pc> (accessed 20.04.2025). (In Chinese)
2. In 2023, the flow of visitors to museums across China reached 1.29 billion person-times. URL: <https://russian.news.cn/20240518/47ae5cf952604feabb2a506df4d64bac/c.html> (accessed 20.04.2025). (In Chinese)
3. Time to learn from Xi / General Secretary Xi Jinping said: "I have long dreamed of Yinxiu". URL: <https://www.auyx.com/yxgw/party/topdetail?id=1> (accessed 20.04.2025). (In Chinese)

4. The new pavilion of the Yin Xu Museum (Yin Ruins). URL: <https://baike.baidu.com/item/殷墟博物馆新馆/64069527?fr=aladdin> (accessed 20.04.2025). (In Chinese)
5. Tsi hai (Sea of words). Shanghai: Tsyshu Publishing House, 2002. 2611 p. (In Chinese)
6. Website of Yin Xu Museum (Yin Ruins). URL: <https://www.ayyx.com/yxgw/about> (accessed 20.04.2025). (In Chinese)
7. 1800,000 people-one time! The museum became "super popular". URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1826279089814474348&wfr=spider&for=pc> (accessed 20.04.2025). (In Chinese)

Информация об авторе

А. Н. Чистякова, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории, истории культуры и музеологии, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, feng@yandex.com

Information about author

Agniya N. Chistyakova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory, History of Culture and Museology, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, feng@yandex.com

Статья поступила в редакцию: 12.01.2025

The article was submitted: 12.01.2025

Одобрена после рецензирования: 17.02.2025

Approved after reviewing: 17.02.2025

Принята к публикации: 24.02.2025

Accepted for publication: 24.02.2025

Научная статья
УДК 378:902(510)

Современное археологическое образование в КНР

Ибрагимова Регина Рафиковна¹

¹Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

Аннотация. *Введение.* Автором исследуется тема современного состояния археологического образования в КНР. Цель статьи – анализ политики и мер, принимаемых правительством для развития археологии и археологического образования в Китае.

Методология. Для достижения поставленной цели автором используются такие методы, как изучение и обобщение данных, полученных из аутентичных иностранных (китайских) источников, а именно с официальных сайтов правительства и университетов.

Результаты. На основе изучения данных автору удалось представить цели и задачи правительства Китая, поставленные перед археологической наукой в стране, а также обобщить проблемы археологии и археологического образования в КНР, а также меры, принимаемые правительством для реализации поставленных целей.

Заключение. В заключении автором обобщаются проблемы, цели и задачи, стоящие перед археологическим образованием в КНР.

Ключевые слова: археология; археологическое образование; КНР

Для цитирования: Ибрагимова Р. Р. Современное археологическое образование в КНР // Культурно-антропологические исследования. – 2025. – № 2. – С. 58–67.

Scientific article

Modern Archaeological Education in the People's Republic of China

Regina R. Ibragimova¹

¹Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

Abstract. *Introduction.* The author investigates the topic of the current state of archaeological education in the People's Republic of China. The purpose of the article is to analyze the policy and measures taken by the government for the development of archaeology and archaeological education in China.

Methodology. To achieve this goal the author uses such methods as study and generalization of data obtained from authentic foreign (Chinese) sources, namely from the official websites of the government and universities.

Results. Based on the study of data, the author was able to present the goals and objectives of the Chinese government set for archaeological science in the country, as well as to summarize the problems of archaeology and archaeological education in the People's Republic of China, as well as the measures taken by the government to realize the set goals.

Conclusion. In the conclusion the author summarizes the problems, goals and challenges facing archaeological education in the People's Republic of China.

Keywords: archaeology; archaeological education; People's Republic of China

For citation: Ibragimova R. R. Modern archaeological education in the People's Republic of China. *Culture and anthropology research journal*, 2025, no. 2, pp. 58–67.

Введение. В одном из своих интервью академик А. П. Деревянко очень точно выразил особенности археологии как науки, ее специфичность и необходимость качественной подготовки кадров: «Работа археолога специфична. Историк может много раз работать над одними и теми же документами, а археолог, раскапывая любой объект, разрушает его. То, что осталось от далекого прошлого, переходит в дневники, фото- и кинохронику, документацию, чертежи. Та информация, которая извлекается во время раскопок, становится основой будущих исследований. Если археолог не имеет достаточной квалификации, то достоверность и количество информации оказываются небольшими. Раскопки – это медленная, методичная работа, в которой нельзя пропустить даже малейшего факта или находки. <...> Археология – очень востребованная наука не только с точки зрения академических знаний о далеком прошлом человека. Сейчас проводятся масштабные строительные работы, связанные с серьезными нарушениями площадей, на которых могут находиться удивительные памятники прошлого. Поэтому подготовка специалистов-археологов крайне важна» [1].

В 2008 г. участники II (XVIII) Всероссийского археологического съезда, организованного Институтом археологии РАН, Институтом археологии и этнографии СО РАН и Институтом истории материальной культуры РАН, отметили высокий уровень археологических исследований в России, прогресс в развитии археологии как дисциплины, но также подчеркнули, что подготовка кадров, воспроизводство научного потенциала и повышение уровня подготовки остаются острейшими проблемами российской науки [2]. В 2022 г. в ходе встречи с молодыми учеными-историками министр науки и высшего образования Валерий Фальков заявил, что в последние годы в России наблюдается сокращение числа защит кандидатских и докторских диссертаций, а увеличение количества часов преподавания истории в вузах требует больше кадров высшей квалификации. На той же встрече директор Института археологии РАН Николай Макаров отметил, что в России существует недостаток специалистов-историков, в т. ч. археологов: «У нас не так много специалистов по многим важным направлениям исторической науки. <...> У нас не так много специалистов по Петровской эпохе, по огромному XVII веку, который очень важен в российской истории, античников, археологов, которые владеют древними языками и могут уверенно чувствовать себя в изучении, скажем, древностей Крыма» [3].

Поиски решений задач подготовки высококвалифицированных кадров в археологии актуальны не только для российской науки. Подобные проблемы наблюдаются и в КНР. Многотысячелетняя история и богатое культурное наследие требуют большого количества профессиональных кадров, способ-

ных проводить археологические раскопки, исследования, заниматься защитой и сохранением материального культурного наследия. Однако перед китайским правительством и научным сообществом стоит проблема нехватки специалистов в данных областях. В Китае зарегистрировано более 760 000 недвижимых культурных реликвий, общее количество культурных реликвий в коллекциях превышает 100 миллионов единиц, а общее количество музеев достигло более 7000. Из-за нехватки квалифицированных кадров ценные культурные реликвии, ожидая реставрации и обработки, находятся в музейных хранилищах. Ощущается нехватка специалистов в области музееведения, реставрации, оценки культурных ценностей, археологии и т. д. Нехватка кадров создает значительные трудности для провинциальных музеев.

Еще в 2020 г. Председатель КНР Си Цзиньпин во время 23-й коллективной учебы членов Политбюро ЦК КПК 19 созыва посвятил свое выступление развитию археологии в Китае: «Археологические работы – очень важные работы, раскрывающие и создающие историю китайской нации и достояний китайской цивилизации. <...> Необходимо активно развивать и укреплять археологические экспедиционные отряды, привлекать как можно больше молодых людей, горячо любящих и готовых посвятить себя делу археологии, чтобы у дела археологии появились продолжатели и талантливые последователи» [4].

В конце 2021 г. Министерством образования и Государственным управлением культурного наследия было опубликовано Специальное уведомление о реализации подготовки специалистов в области археологии, в которых остро нуждается страна. Государственным комитетом по охране культурного наследия и Министерством финансов КНР было опубликовано уведомление об «Общенациональных мерах по привлечению талантов в археологии». Данные меры должны быть реализованы в течение 14-й пятилетки. В рамках программы предполагается отобрать 100 специалистов в области археологии и культурных реликвий для создания инновационных коллективов, также планируется выделить финансирование до 1,2 млн юаней на коллектив для проведения комплексных археологических исследований, технологических археологических исследований, а также разработки методов по защите культурных реликвий. В документе также прописан состав инновационных коллективов, а также указано, что в коллективы (но не в качестве членов) должны входить не менее трех магистрантов и докторантов [5].

Таким образом, проблема подготовки кадров для проведения археологических исследований и охраны культурных памятников рассматривается в Китае на самом высшем уровне, разрабатываются меры, способствующие развитию археологии в стране, в т. ч. и по подготовке высококвалифицированных кадров, без чего невозможно дальнейшее развитие науки. Об этом говорил и профессор Шэнь Жуйвэнь¹ на первом академическом семинаре «Теория и практика китайской археологии». По его словам, ключом модернизации археологии Китая является воспитание талантов, обладающих системой современных

¹ Профессор Шэнь Жуйвэнь – директор Института археологии, культурных и музейных реликвий Пекинского университета.

знаний и образа мышления, а значит необходимо создавать базу для воспитания и развития талантов, которые будут не только наследовать традиции, но и внедрять инновации [6].

Поскольку перед Россией и Китаем стоят схожие проблемы, то целью работы является изучение и анализ политики и мер, принимаемых правительством для развития археологии и археологического образования в Китае, изучение опыта развития специальности «археология» ведущими вузами Китая. Знакомство с опытом соседа может позволить успешнее и быстрее разрешить поставленные задачи.

Методология. Для достижения поставленной цели автором используются такие методы, как изучение и обобщение данных, полученных из аутентичных иностранных (китайских) источников, а именно с официальных сайтов правительства и университетов КНР.

Результаты. В настоящий момент 37 университетов на территории КНР готовят специалистов-археологов [7]. Среди них первое место занимает Пекинский университет. Именно в Пекинском университете еще в 1922 г. была создана лаборатория археологических исследований, а в 1952 г. на Историческом факультете была открыта специальность «археология». В 1998 году факультет археологии подписал соглашение с Государственным комитетом по охране культурного наследия о расширении факультета до Института археологии и музееведения Пекинского университета [8]. Сейчас институт включает в себя два факультета – факультет археологии и факультет культурного наследия. В первой – 5 кафедр: археологии палеолита, археологии неолита, Шан и Чжоу, археологии исторического периода, зарубежной археологии, научно-технической археологии; во втором – три кафедры, такие как музеи и культурное наследие, древняя архитектура и охрана культурных реликвий. В Институт входят также Национальный демонстрационный экспериментально-практический археологический центр Пекинского университета (2009), Национальный экспериментальный учебный центр археологического виртуального моделирования Пекинского университета (2016), а также Институт археологии и искусства керамики, Исследовательский институт древних цивилизаций Китая, Институт религиозной археологии, Исследовательский центр древнекитайского нефрита и нефритовой культуры, лаборатории и базы для археологических практик. В 2020 г. Государственное управление культурных реликвий и Пекинский университет подписали совместное стратегическое соглашение о создании платформы «Фонд национальных памятников китайской цивилизации» для совместной подготовки специалистов высокого уровня.

В настоящее время в Институте работает 44 преподавателя, в т. ч. 18 профессоров. Именно в Пекинском университете работает самый сильный профессорско-преподавательский состав. Что касается обучающихся, то каждый год набор увеличивается. В Институте ежегодно обучается 40–50 студентов бакалавриата и около 50 магистрантов и аспирантов. Общее же количество студентов, прошедших обучение за эти годы, превысило 2000.

Своей целью Институт ставит воспитание междисциплинарных специалистов, обладающих глубокой теоретической базой в области археологии, крепкими практическими умениями и широким кругозором [9].

Институт археологии и музееведения Пекинского университета оснащен передовой научно-технической базой, в его стенах преподают лучшие специалисты страны, поэтому университет предъявляет высокие требования к количеству баллов, полученных абитуриентами на государственном экзамене. Ежегодно количество абитуриентов, принимаемых в Пекинский университет для изучения археологии, довольно ограничено. Но это в очередной раз отражает высокие требования к подготовке специалистов.

Институт археологии и музееведения Пекинского университета не только занимается научной деятельностью и ведет обучение студентов, но и активно популяризирует археологию среди школьников, например, проводит летние археологические лагеря для школьников. Так, в 2024 г. был организован недельный летний лагерь для школьников со всей страны, участие в котором приняли 130 ребят. Среди таких требований к кандидатам как крепкое здоровье и отличная успеваемость, выделяются хорошие знания в археологии и проявление интереса к этой науке. В программу лагеря входят лекции ведущих ученых-археологов Пекинского университета, посещение музеев, практические занятия и археологические раскопки вместе с археологами. Однако стоит отметить, что лагерь платный, но для ребят, прошедших конкурс, но не имеющих возможности оплатить, предусмотрены льготы и освобождение от оплаты расходов [10].

На втором месте после Пекинского университета по подготовке специалистов в области археологии находится Сычуаньский университет.

Специальность «археология» в Сычуаньском университете была открыта еще в 1960 г. такими известными археологами как Сюй Чжуншу и Фэн Ханьцзи. 31 октября 2020 г. был официально учрежден Институт археологии и музееведения Сычуаньского университета, ставший четвертым в стране Институтом археологии и музееведения. Как отметил Хо Вэй, директор Института истории Сычуаньского университета, создание Института археологии и музееведения позволит развивать археологические дисциплины и повысит качество подготовки кадров в области археологии, музееведения и охраны культурных реликвий [11].

Сычуаньский университет по праву считается одним из лидеров по подготовке профессиональных кадров для археологии. Ежегодный план набора – 19 человек. Проходные баллы довольно высокие, в 2024 г. – 631 балл.

Особенностью археологического образования в Сычуаньском университете является тесная связь с археологическими памятниками, находящимися на территории провинции Сычуань. Существуют отдельные учебные курсы, раскрывающие культурное богатство провинции. Студенты, выезжая на полевую практику, могут непосредственно познакомиться с культурным наследием.

Третье место в рейтинге вузов по подготовке археологов занимает Шаньдунский университет. Открытие стоянки Чэнцзыя в 1928 г. положило начало

преподаванию археологии в Шаньдунском университете. В 1972 г. был открыт бакалавриат по специальности «археология», а в 1996 г. основан факультет археологии. В 2023 г. был создан Институт археологии Сычуаньского университета. В настоящее время в Институте археологии имеется несколько научных лабораторий, Национальный экспериментальный учебно-демонстрационный центр и др.

В 2019 г. специальность «археология» в Шаньдунском университете вошла в «План Шуанвань», предполагающий создание 10 тыс. ведущих специальностей бакалавриата национального уровня и 10 тыс. ведущих специальностей бакалавриата провинциального уровня. А в 2022 г. Шаньдунский университет был выбран Министерством образования для участия в проекте подготовки специалистов-археологов высокого уровня.

Кроме того, в 2024 г. Департамент культуры и туризма провинции Шаньдун совместно с другими департаментами опубликовал документ «Меры по реализации целевой подготовки кадров в области культурных реликвий провинции Шаньдун», для обеспечения целевой подготовки высококвалифицированных специалистов, обладающих знаниями в области истории, археологии, защите культурных реликвий для уездных и нижестоящих учреждений по охране культурных реликвий, музеев и т. д. Согласно этому документу абитуриенты, желающие поступить на специальность «археология» по целевым программам, отбираются по итогам вступительных экзаменов, проводимых непосредственно Шаньдунским университетом [28]. План приема на 2024 год на специальность «археология» составил 60 человек. Специалисты по культурным реликвиям общего профиля освобождаются от платы за обучение и проживание во время обучения и получают пособия на проживание.

В соответствии с потребностями страны и учитывая слова Си Цзиньпина, в Китае идет увеличение количества университетов, которые ведут подготовку будущих археологов. Так, в мае 2023 г. в Чжэцзянском университете прошла учредительная конференция специальности «археология». О важности события говорит присутствие на церемонии открытия заместителя директора Государственного управления культурного наследия Гуань Цяна, директора Управления культурного наследия провинции Чжэцзян Ян Цзяньу и других официальных лиц, кроме того Ван Вэй, директор Института археологии, направил видеопоздравление [13].

На сайте Института археологии, культурных и музейных ценностей опубликована статья Шэн Жуйвэня «Основное содержание современного археологического образования». Среди мер, призванных повысить качество археологического образования, привлечения и развития лучших кадров, воспитания высококвалифицированных специалистов, автор выделяет обеспечение вузов профессорско-преподавательским составом высокого уровня. При этом Шэн Жуйвэнь подчеркивает, что такая команда преподавателей должна обладать не только высоким исследовательским потенциалом, но и ответственностью перед страной и наукой. Следующей мерой, на которой останавливает свое внимание автор, является создание учебных материалов. Учебники должны

быть актуальными, включать в себя новые археологические материалы и открытия, что должно способствовать более глубокому знакомству студентов с древней историей Китая.

Важный фактор развития археологического образования – разработка современной концепции обучения, основным содержанием которой должно быть развитие преподавания полевой археологии, изучение новых методов раскопок, применение новых современных технологий (например, применение технологий 5G, виртуальной реальности в полевой археологической практике). Например, в Пекинском университете значительная роль в обучении отводится полевой практике студентов, на которой они осваивают основы полевых археологических работ. Особое внимание уделяется системности и полноте работ. Студентам дается возможность пройти полноценную полевую практику, которая длится более месяца. Кроме того, предоставляется возможность пройти практику на зарубежных базах Института археологии и музееведения Пекинского университета либо принять участие в раскопках иностранных университетов. Сейчас студенты Института имеют возможность проходить практику в семи странах, планируется добавить еще две зарубежные базы. Такая практика проводится дважды за время обучения, срок практики два месяца.

Полевой практике предшествует обучение с помощью виртуальной реальности: в Пекинском университете создан класс с эффектом погружения, где есть возможность имитации раскопок. Однако для успешного прохождения полевой практики студенты должны обладать качественными теоретическими знаниями, которые преподаются в курсе «Введение в полевую археологию и технологии полевой археологии». Теоретические знания закрепляются и расширяются в ходе практик. Также на стажировке студенты получают практические навыки на таких занятиях, как управление БПЛА, использование тахеометров, трехмерное моделирование, отбор проб, археологический рисунок и др. [14].

Археология как междисциплинарная гуманитарная дисциплина интегрируется с другими науками для получения более полной, точной и многомерной информации. Но такая интеграция требует и совершенно иной подготовки студентов: обучающиеся должны не только обладать обширными знаниями и широким археологическим кругозором, но и иметь междисциплинарное видение, знать новые междисциплинарные приемы и методики.

Как уже говорилось выше, целью развития археологии и археологического образования является качественное изучение истории страны, однако невозможно понимание цивилизационной модели развития Китая без сопоставления с мировым развитием, а значит требуются более глубокие знания зарубежной археологии и развитие международного сотрудничества и обмена.

При этом воспитание высококвалифицированных кадров требует не только глубоких знаний в области археологии и междисциплинарного видения, необходимо уделять внимание воспитанию в учащихся чувства единства и сотрудничества, что должно содействовать их успешной работе в команде исследователей. Все эти меры, по мнению Шэнь Жуйвэня, должны продолжить развитие китайской археологии и создать собственную «китайскую школу» [15].

Таким образом, Китаю для развития исторической науки и археологии, в частности, требуются высококвалифицированные специалисты, которые обладают широкими знаниями и, с одной стороны, являются продолжателями традиций, а с другой – носителями инновационных идей и технологий. Кроме того, они должны обладать и моральными качествами, такими как идейность, преданность стране и науке, умение работать в коллективе для достижения национального блага. Именно такие цели ставит правительство КНР на самом высшем уровне. Для достижения поставленной цели ведутся работы по популяризации археологии, выделяются целевые места в вузах, открываются новые отделения археологии в вузах, университеты обеспечиваются современной материально-технической базой, поощряется обучение за границей для обмена опытом. Хотя еще немало проблем, которые требуется решить в рамках археологического образования, но уже сделано многое для привлечения талантливой молодежи и воспитания высококвалифицированных специалистов-археологов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ненаписанная история далекого прошлого. Интервью с академиком Анатолием Пантелеевичем Деревянко [Электронный ресурс] // Научная Россия. – 2024. – 15 янв. – URL: <https://scientificrussia.ru/articles/nenapisannaa-istoria-dalekogo-proslogo-intervyu-s-akademikom-anatolijem-panteleevicem-derevanko> (дата обращения: 01.03.2025).
2. Решения [Электронный ресурс] // Институт археологии РАН. – URL: https://archaeolog.ru/media/periodicals/arheologicheskie%20syezdi/ii/resheniya_ii.pdf (дата обращения: 9.03.2025).
3. Фальков: в РФ в последние годы сокращаются кадры высшей квалификации в области истории [Электронный ресурс] // Информационное агентство ТАСС. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/14911219> (дата обращения 01.02.2025).
4. Си Цзиньпин: Создание археологии китайского стиля с китайской спецификой позволит лучше познакомиться с глубокой и многогранной китайской цивилизацией (习近平: 建设中国特色中国风格中国气派的考古学 更好认识源远流长博大精深的中华文明) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gov.cn/xinwen/2020-11/30/content_5565962.htm (дата обращения 01.03.2025).
5. Государственный комитет по охране культурного наследия и Министерство финансов опубликовали уведомление «Меры по управлению проектом в рамках Национального проекта развития высококвалифицированных кадров в археологии // Вэньу кэфа. – 2024. – № 50. (国家文物局 财政部关于印发《全国考古人才振兴计划项目管理办法》的通知 // 文物科技, 2024 (50)). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/202409/content_6975303.htm (дата обращения: 01.03.2025).
6. Шэнь Жуйвэнь. Для модернизации археологии как дисциплины помогать китайской модернизации– выступление во время Первого симпозиума «Теория и практика археологии Китая» / Институт археологии и музееведения Пекинского университета. – 2023 (沈睿文. 以考古学科现代化, 助力中国式现代化建设—在首届“中国考古学的理论与实践”学术研讨会上的发言. 2023) [Электронный ресурс]. – URL: <https://archaeology.pku.edu.cn/info/1030/4550.htm> (дата обращения: 27.02.2025).
7. В каких университетах есть специальность «археология» (перечень 37 университетов по всей стране) / Институт археологии и музееведения Пекинского университета (на китайском языке; 考古学专业有哪些学校 (全国共计37所大学名单汇总)). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gk100.com/read_4627381927.htm (дата обращения: 27.02.2025).
8. История / Институт археологии и музееведения Пекинского университета (на китайском языке; 历史沿革 // 北京大学考古文博学院) [Электронный ресурс]. – URL: <https://archaeology.pku.edu.cn/xygk1/lsyg.htm> (дата обращения: 27.02.2025).

9. Справочник для студентов-бакалавров специальности археология / Институт археологии и музееведения Пекинского университета (на китайском языке; 2024考古本科教学手册 [Электронный ресурс]. – URL: <https://archaeology.pku.edu.cn/info/1148/4886.htm> (дата обращения: 27.02.2025).
10. Правила набора школьников для участия в летнем лагере (археология) школы при Пекинском университете 2024 г. // Сайт для абитуриентов Пекинского университета (北京大学 2024年优秀中学生暑期课堂 (考古学) 招生简章 // 北大招生网). [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gotopku.cn/index/detail/1390> (дата обращения: 01.03.2025).
11. В сычуаньском университете создан Институт археологии и музееведения, который будет бороться за создание специальности мирового уровня / Сычуаньский университет (四川大学成立考古文博学院将争创世界一流学科). [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.scu.edu.cn/info/1202/16956.htm> (дата обращения: 08.03.2025).
12. Об институте. Институт археологии Шаньдунского университета (на китайском языке; 学院介绍. 山东大学考古学院) [Электронный ресурс]. – URL: https://mp.weixin.qq.com/s?_biz=MzA4NTQwMjcwNw==&mid=2650355919&idx=1&sn=ff0c4c7f9d2023491a49f75dccb380&chksm=86592a202dad6b5e173f78728fe231547804327142f8216ab3c50e7448b39-1dbd4c56779db10&scene=27 (дата обращения: 10.03.2025).
13. В Чжэцзянском университете учреждена специальность «археология» / Чжэцзянский университет (浙江大学考古学专业成立) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.news.zju.edu.cn/2023/0528/c758a2764370/page.htm> (дата обращения: 10.03.2025).
14. Развивающаяся в ногу со временем археологическая полевая практика / Институт археологии и музееведения Пекинского университета (与时俱进的北京大学田野考古教学实践) [Электронный ресурс]. – URL: <https://archaeology.pku.edu.cn/info/1030/5041.htm> (дата обращения: 10.03.2025).
15. **Шэнь Жуйвэнь.** Основное содержание нынешнего археологического образования / Институт археологии и музееведения Пекинского университета (当前考古教育的主要内容) [Электронный ресурс]. – URL: <https://archaeology.pku.edu.cn/info/1030/4479.htm> (дата обращения: 08.03.2025).

REFERENCES

1. Unwritten history of the distant past. Interview with Academician Anatoly Panteleyevich Derevyanko. *Scientific Russia*. 2024. January 15. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/nenapisannaa-istoria-dalekogo-proslogo-intervu-s-akademikom-anatoliem-panteleevicem-derevanko> (accessed 01.03.2025). (In Russian)
2. Decisions. *Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences*. URL: https://archaeology.ru/media/periodicals/arheologicheskie%20syezdi/ii/resheniya_ii.pdf (accessed: 09.03.2025). (In Russian)
3. Falkov: in the Russian Federation in recent years the cadres of higher qualification in the field of history are reduced. *TASS News Agency*. URL: <https://tass.ru/obschestvo/14911219> (accessed 01.02.2025). (In Russian)
4. Xi Jinping: Establishing a Chinese-style archaeology with Chinese specificity will provide a better insight into the deep and multifaceted Chi-Tai civilization. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2020-11/30/content_5565962.htm (accessed 1.03.2025). (In Chinese)
5. State Committee for Cultural Heritage Protection and the Ministry of Finance published a notice "Project Management Measures of the National Project for the Development of Highly Qualified Personnel in Archaeology". *Wenu kefa*, 2024, no. 50. URL: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/202409/content_6975303.htm (accessed 1. 03.2025). (In Chinese)
6. Shen Ruiwen. To modernize archaeology as a discipline to help Chinese modernization-a speech during the First Symposium "Theory and Practice of Chinese Archaeology". *Institute of Archaeology and Museology, Peking University*, 2023. URL: <https://archaeology.pku.edu.cn/info/1030/4550.htm> (accessed 27.02.2025). (In Chinese)

7. Which universities have a specialty in archaeology (list of 37 universities nationwide). *Institute of Archaeology and Museology of Peking University*. URL: https://www.gk100.com/read_4627381927.htm (date of reference: 27.02.2025). (In Chinese)
8. History. *Institute of Archeology and Museology, Peking University*. URL: <https://archaeology.pku.edu.cn/xygk1/lsg.htm> (accessed 27.02.2025). (In Chinese)
9. Handbook for undergraduate students majoring in archaeology. *Institute of Archaeology and Museum Studies, Peking University*. URL: <https://archaeology.pku.edu.cn/info/1148/4886.htm> (accessed 27.02.2025). (In Chinese)
10. Rules for recruiting high school students to participate in the summer la-camp (archaeology) of Peking University School 2024. *Website for Peking University applicants*. URL: <https://www.gotopku.cn/index/detail/1390> (accessed 01.03.2025). (In Chinese)
11. Sichuan University has established the Institute of Archaeology and Museology, which will fight for the creation of a world-class specialty. *Sichuan University*. URL: <https://www.scu.edu.cn/info/1202/16956.htm> (accessed 08.03.2025). (In Chinese)
12. About the Institute. Institute of Archaeology of Shandong University. URL: https://mp.weixin.qq.com/s?_biz=MzA4NTQwMjcwNw==&mid=2650355919&idx=1&sn=ff0c4c4c7f9d2023491a49f75dccb380&chksm=86592a202dadb5e5173f78728fe231547804327142f8216ab3c50e7448b391dbd4c56779db10&scene=27 (accessed 10.03.2025). (In Chinese)
13. Zhejiang University established a specialty "archaeology". *Zhejiang University*. URL: <http://www.news.zju.edu.cn/2023/0528/c758a2764370/page.htm> (accessed 10.03.2025). (In Chinese)
14. Developing in step with time archaeological field practice. *Institute of Archaeology and Museum Studies of Peking University*. URL: <https://archaeology.pku.edu.cn/info/1030/5041.htm> (accessed 10.03.2025). (In Chinese)
15. Shen Ruiwen. The basic content of current archaeological education. *Institute of Archaeology and Museology, Peking University*. URL: <https://archaeology.pku.edu.cn/info/1030/4479.htm> (accessed 08.03.2025) (In Chinese)

Информация об авторе

Р. Р. Ибрагимова, магистр педагогики, старший преподаватель, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, irr1986@ya.ru

Information about author

Regina R. Ibragimova, Master of Pedagogy, senior lecturer, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, irr1986@ya.ru

Статья поступила в редакцию: 21.01.2025

Одобрена после рецензирования: 23.02.2025

Принята к публикации: 24.02.2025

The article was submitted: 21.01.2025

Approved after reviewing: 23.02.2025

Accepted for publication: 24.02.2025

РАЗДЕЛ III. СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

PART III. SOCIOLOGY OF CULTURE

Культурно-антропологические исследования. 2025. № 2

Culture and anthropology research journal. 2025. № 2

Научная статья

УДК 001(09)+2+316.74

Карлтон Д. Х. Хейс и его эссе «Национализм как религия»

Михайлов Дмитрий Алексеевич¹, Леонова Анастасия Владимировна²

¹Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

²Сибирский Институт Управления, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Новосибирск, Россия

Аннотация. В статье проводится всесторонний анализ концепции национализма как религии, сформулированной американским историком Карлтоном Хейсом, а также ее влияние на современные исследования национальной идентичности, политической символики, идеологических систем и религиозных практик. Отдельное внимание уделяется изучению биографических обстоятельств творчества Хейса и их влиянию на формирование его научных взглядов. Анализируется его личный религиозный опыт и роль католической идентичности в его восприятии национализма, а также участие Хейса в политических процессах, включая деятельность в Американской католической исторической ассоциации и дипломатическую службу во время Второй мировой войны. Рассматриваются ключевые аспекты концепции Хейса: процесс ритуализации национальной принадлежности, в рамках которого государственные символы, церемонии и коллективные практики приобретают священный характер; сакрализация государства, превращающегося в объект поклонения, способного мобилизовать общество на основе верности и преданности; эмоциональная вовлеченность граждан в национальные нарративы, где чувство идентичности формируется через мифологизированные образы прошлого и идеи национальной судьбы. Исследуется восприятие идей Хейса в различных дисциплинарных контекстах – исторической науке, социологии и политической теории. Обсуждается роль концепции Хейса в современных дискуссиях о секуляризации, границах религиозного и светского в национальных идентичностях, а также изменении характера политической легитимации в условиях глобализации. Анализируется ее значение для понимания национализма как динамичного феномена, в котором национальные, религиозные и идеологические элементы продолжают взаимодействовать, формируя новые формы коллективной идентичности.

Ключевые слова: история науки; Карлтон Хейс; национализм; религия; гражданская религия; социология национализма; секуляризация; политическая теория

Для цитирования: Михайлов Д. А., Леонова А. В. Карлтон Д. Х. Хейс и его эссе «Национализм как религия» // Культурно-антропологические исследования. – 2025. – № 2. – С. 68–92.

Scientific article

Carlton J. H. Hayes and his Essay “Nationalism as a Religion”

Dmitriy A. Mikhailov¹, Anastasia V. Leonova²

¹Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

²Siberian Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russia

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the concept of nationalism as a religion formulated by the American historian Carlton Hayes, as well as its impact on modern studies of national identity, political symbols, ideological systems and religious practices. Special attention is paid to the study of the biographical circumstances of Hayes’ work and their influence on the formation of his scientific views. The article analyzes his personal religious experience and the role of Catholic identity in his perception of nationalism, as well as Hayes’ involvement in political processes, including activities in the American Catholic Historical Association and the diplomatic Service during World War II. The key aspects of Hayes’ concept are considered: the process of ritualization of nationality, in which state symbols, ceremonies and collective practices acquire a sacred character; the sacralization of the state, which turns into an object of worship capable of mobilizing society on the basis of loyalty and devotion the emotional involvement of citizens in national narratives, where a sense of identity is formed through mythologized images of the past and ideas of national destiny. The article examines the perception of Hayes’ ideas in various disciplinary contexts such as historical science, sociology and political theory. The article discusses the role of the Hayes concept in modern discussions about secularization, the boundaries of religious and secular in national identities, as well as the changing nature of political legitimation in the context of globalization. The article analyzes its significance for understanding nationalism as a dynamic phenomenon in which national, religious and ideological elements continue to interact, forming new forms of collective identity.

Keywords: history of science; Carlton Hayes; nationalism; religion; civil religion; sociology of nationalism; secularization; political theory

For citation: Mikhailov D. A., Leonova A. V. Carlton J. H. Hayes and his essay “Nationalism as a Religion”. *Culture and anthropology research journal*, 2025, no. 2, pp. 68–92.

Введение. Переосмысление текстов предшественников сквозь призму новых знаний и опыта является неотъемлемым свойством любого научного знания. Очевидная истина заключается в том, что на очередном этапе развития дисциплины «устаревшие» тексты регулярно обретают новое звучание, а в изменившейся культурной, общественной или политической ситуации к ним неизбежно добавляются свежие смыслы и интерпретации. Поэтому любое обращение к наследию науки неизбежно становится поиском ответов на вызовы сегодняшнего дня. Перефразируя Лео Штрауса, можно заметить, что

нет исследования истории науки, которое не было бы в то же время научным исследованием [1, с. 14]. Тем важнее понимание специфики научной школы, которая формирует методологию и интеллектуальные привычки исследователя, в том числе определяя угол зрения, с которого перед нами предстает прошлое. В результате приемы и ценности, унаследованные от учителей, не только сохраняются, но и адаптируются к новым проблемам и задачам, обеспечивая тем самым преемственность и развитие научной мысли.

Американский историк Карлтон Хейс является ярким примером исследователя, который задолго до формирования национализмоведения как дисциплины сформулировал ряд положений, остающихся актуальными для современной теории национализма. Исследование национализма как дисциплинарная область имеет относительно небольшую историю. Отправной точкой принято считать первую половину 1980-х гг. В это время появились сразу несколько знаковых исследований Джона Бройи, Эрнеста Геллнера, Бенедикта Андерсона, Мирослава Хроха, Эрика Хобсбаума, ставших академической классикой и сформировавших исследование национализма как самостоятельную научную дисциплину. Однако, как уже не раз отмечалось, последовательное изучение эволюции становления дисциплины невозможно без упоминания двух знаковых фигур первой половины XX века – Ханса Кона и Карлтона Хейса. «Отцы-основатели» академического национализмоведения [2, с. 231] во многом предвосхитили конструктивистские подходы второй половины XX в. В частности, под влиянием новых методологических подходов они первыми начали сомневаться, как в древности, так и в желательности национализма. Пионеры исследования национализма стремились выявлять общие тенденции в развитии национализмов, а не выстраивать иерархии их специфических черт. При этом даже осознавая, что их собственная национальная среда влияет на трактовку темы, многие авторы того времени не могли в полной мере абстрагироваться от насущных политических проблем [3, р. 11]. Тем интереснее научный и социальный контексты их творчества.

Современный анализ политических и философских идей требует их изучения в неразрывной связи с историческим контекстом, в котором они формировались. Помимо этого, необходимо учитывать политические, социальные и интеллектуальные условия, определявшие их содержание.

В изучении политических и философских идей в их историческом контексте сегодня особое место занимает подход Кембриджской школы истории политической мысли, представленной Квентином Скиннером, Джоном Пококком и Джоном Данном. Их методология основана на принципе «реконструкции исторически локального смысла речевого акта» [4], что предполагает анализ текстов не только с точки зрения их содержания, но и в контексте их первоначального предназначения, целевой аудитории и условий их создания. Современная интеллектуальная история требует постановки ряда ключевых вопросов: в какой исторической обстановке была написана та или иная работа? Каковы были интеллектуальные и политические убеждения ее автора? Какие цели он преследовал и к какой аудитории обращался? Эти вопросы позволяют

рассматривать тексты не как абстрактные идеи, а как активные элементы политического и идеологического дискурса своего времени. Применение этой методологии к анализу наследия Карлтона Хейса дает возможность не только более точно интерпретировать его взгляды на национализм и его связь с религией, но и выявить роль его идей в более широком научном, общественном и личном контексте.

Цель настоящего исследования состоит в систематическом анализе культурных и политических предпосылок научной деятельности Карлтона Д. Х. Хейса, а также в выявлении его вклада в современное понимание национализма и религии. Основное внимание при этом мы уделяем изучению биографических факторов, существенно повлиявших на формирование взглядов Хейса, детальному разбору его ключевой работы «Национализм как религия» и оценке того, как идеи Хейса определяют современные научные дискуссии.

Ранние годы и учеба в Колумбийском университете. Карлтон Джозеф Хантли Хейс родился 16 мая 1882 года в Афтоне – небольшом городке, расположенном на севере штата Нью-Йорк, где прошли его детство и юность. Позже он напишет книгу об истории этого города и часто будет называть себя просто «грязным фермером из Афтона» [5].

Родители Карлтона были протестантами. Мать, Пермелия Хантли Хейс, работала учительницей музыки в государственной школе. Отец, Филет Артур Хейс, был уважаемым врачом, а также первым мэром Афтона [6, р. 39]. Благодаря воспитанию творческой матери, пятнадцатилетний Хейс прекрасно играл на фортепиано в церкви, а также принимал участие в благотворительной постановке, целью которой был сбор средств на нужды города [7, р. 326; 8, р. 288].

Карлтон Д. Х. Хейс окончил среднюю школу в 1898 г., когда ему было 16 лет. После этого он еще два года занимался самостоятельно, чтобы в 1900 г. поступить в Колумбийский университет. Известно, что когда он покидал родной город, местная школа закрылась на полчаса и многие ученики отправились на вокзал, чтобы проводить его [9, р. 518]. В Колумбийском университете Хейс получит все свои ученые степени, построит карьеру в науке, оставаясь одним из самых влиятельных исследователей на всем ее протяжении [10, р. 39].

Во времена учебы Хейса исторический факультет Колумбийского университета переживал период активного развития, становясь одним из ведущих центров исторической науки. Судьбоносную роль в жизни молодого Хейса сыграл профессор Уильям Р. Шепард, который вел у него курс истории. В те годы Шепарду было чуть больше тридцати, и его энергия, увлеченность предметом и близкий к студентам возраст помогли ему быстро найти общий язык с Карлтоном. В беседах с Шепардом, обсуждая будущее и возможные карьерные пути, Хейс, как он сам позже вспоминал, пережил момент озарения – его призвание «открылось ему в одно мгновение», определив всю его дальнейшую жизнь. Именно под руководством Уильяма Р. Шепарда Карлтон Хейс напишет дипломную работу «Политические факторы в становлении англиканской церкви» [10, р. 39].

В 1904 году, в возрасте 22 лет, Карлтон Хейс принял важное и смелое решение – перейти в католичество, несмотря на то, что родители воспитывали его в традициях баптизма. Этот шаг стал результатом глубокого внутреннего поиска и увлечений, которые сопровождали его с юных лет. Еще в подростковом возрасте Хейс проявлял живой интерес к католическим ритуалам и средневековой истории, которые казались ему воплощением духовной глубины и культурного богатства [11, р. 25]. Позже, во время учебы на историческом факультете Колумбийского университета, этот интерес только укрепился. Изучение истории Церкви, средневековой Европы и религиозных традиций открыло перед ним новые горизонты, окончательно убедив в правильности выбора. Его решение, хотя и вызвало непонимание со стороны семьи, стало важным этапом в формировании его личности и мировоззрения. Переход в католицизм не мог не повлиять на его восприятие религии как важнейшего фактора, формирующего национальную идентичность. Взгляды Хейса на национализм как своего рода «гражданскую религию» можно рассматривать и через призму его религиозного опыта, а также того факта, что он видел в католической традиции фундаментальный источник морального порядка.

Окончив Колумбийский университет с высшим баллом, Хейс получил университетскую стипендию для обучения в аспирантуре [10, р. 39]. Среди наиболее известных и влиятельных ученых, преподававших в то время на факультете, были Джеймс Харви Робинсон и Чарльз Остин Бирд – сторонники «Новой истории». Их концепция смещала акцент с традиционной политической истории в сторону более широкого ее понимания, что не могло не повлиять на восприятие истории Хейсом.

«Новая история» Робинсона, появившаяся в начале XX века, произвела настоящую революцию в исторической науке и оказала огромное влияние на молодое поколение историков [12, р. 53]. Этот труд стал одной из ключевых работ, определивших развитие «школы новой истории» в 1910–1920-х годах, которая стремилась переосмыслить традиционные подходы к изучению прошлого [12, р. 53]. Робинсон резко критиковал устоявшийся повествовательный характер историографии, который, по его мнению, слишком сильно напоминал художественную литературу с ее акцентом на героических событиях и ярких личностях [13, р. 179].

Вместо этого он предлагал сосредоточиться на более глубокой задаче историка – внести вклад в понимание прошлого человечества через тщательный анализ исторических источников [13, р. 185]. Робинсон подчеркивал, что история должна быть не просто рассказом о войнах и политических интригах, а наукой, которая раскрывает, как люди жили, мыслили и воспринимали мир вокруг себя. Особую ценность он видел в изучении повседневной жизни – того, как обычные люди строили свои отношения, как они видели мир и как их частная жизнь отражала дух эпохи [13, р. 188]. Такой подход не только расширил горизонты исторической науки, но и сделал ее более доступной и понятной для широкой аудитории, подчеркивая связь между прошлым и настоящим.

Стоит отметить, что несмотря на новаторский характер идей Робинсона, его подход к изучению истории не избежал критики. Уже в 1930-е годы представители направления «истории идей» выразили сомнения в его утверждении о том, что история должна обязательно нести общественную пользу и что историк обязан быть активно вовлеченным в современные социальные процессы. Они считали, что такая позиция может привести к излишней инструментализации истории, превращая ее в инструмент пропаганды или социальной инженерии, а не в объективное исследование прошлого. В 1950-х годах критика в адрес Робинсона стала еще более разнообразной. Его обвиняли в «поверхностном принятии социально-научной методологии», которая, по мнению оппонентов, не учитывала глубину и сложность исторических процессов. Кроме того, его упрекали в «неспособности признать существование радикального зла в человеческом сердце» [12, р. 53], то есть, в излишнем оптимизме и недооценке темных сторон человеческой природы, которые также играют важную роль в истории. К 1970-м годам на первый план вышла критика его «либерально-прагматических» взглядов на человека и общество. Робинсона обвиняли в том, что его подходы слишком сильно отражали идеалы прогрессивизма начала XX века, что делало их устаревшими в контексте новых вызовов и проблем послевоенного мира. Несмотря на это, его работы остаются важной вехой в развитии исторической мысли, а их влияние продолжает ощущаться в современных дискуссиях о роли и задачах исторической науки.

Джеймс Харви Робинсон, который преподавал Хейсу на старших курсах, оказал на него столь сильное влияние, что его идеи стали основой для дальнейших исследований молодого историка. Вдохновленный взглядами своего наставника, Хейс попытался воплотить их в своих первых серьезных работах – магистерской и докторской диссертациях. Особенно заметно влияние учителя в докторской диссертации Хейса «Введение в источники, относящиеся к германским вторжениям». Работа опиралась на принципы «Новой истории» Робинсона, делая акцент на тщательном анализе исторических источников и стремлении к более глубокому пониманию прошлого, выходящему за рамки традиционного повествования о событиях. Между написанием этих работ, весной 1907 года, Карлтону Хейсу предложили должность преподавателя истории в Колумбийском университете. Это стало не только признанием его академических достижений, но и результатом активной поддержки со стороны Джеймса Х. Робинсона, который высоко ценил талант и усердие своего ученика.

Таким образом, Робинсон не только вдохновил Хейса на научные изыскания, но и сыграл ключевую роль в начале его академической карьеры. Несмотря на то, что тема магистерской диссертации Хейса относилась к периоду средневековья, он был назначен преподавателем курса современной европейской истории, что также определило сферу его научных интересов. Хейс позже писал: «Именно [Чарльз О.] Бирд дополнил мою подготовку <...> выдающимися дополнительными материалами по современной истории» [10, р. 39–40]. Работая преподавателем истории Нового времени, Хейс обнаружил для себя, что она соответствует его интересам куда больше, чем медиэвистика [10, р. 40].

С 1909 по 1919 год его исследовательская деятельность была сосредоточена на трех темах: Новой истории, демократических социальных реформах и международных отношениях [10, р. 40]. Его учебники по европейской истории, опубликованные в 1916 году, в период с 1910-х по 1950-е годы были проданы тиражом более миллиона экземпляров и получили множество позитивных отзывов [11, р. 25].

Католицизм. Во время Первой мировой войны Карлтон Хейс служил капитаном разведки в армии США, что стало важным этапом в его жизни и карьере. Как он писал позднее: «Мой интерес к нему [национализму] впервые пробудился с началом Первой мировой войны. Этот конфликт застал меня врасплох и лишил лёгкого оптимизма по поводу будущего непрерывного прогресса и международного мира, который я разделял со многими моими современниками. Война также показала мне, что экономические факторы не объясняют всеобщего ультрапатриотического принятия войны» [14].

После возвращения с войны он активно включился в академическую и общественную деятельность. Одним из его ключевых достижений стало основание Американской католической исторической ассоциации, в которой он занял пост первого секретаря [11, р. 26]. Ассоциация ставила перед собой амбициозные задачи: она стремилась подчеркнуть роль католического наследия в формировании американской государственности, повысить качество исследований историков-католиков и поддержать их оригинальные научные изыскания [11, р. 26].

Этот шаг был особенно значимым в контексте эпохи, когда католики в США часто сталкивались с предубеждениями и дискриминацией. С середины XIX века в США начали разрастаться антикатолические организации – «Know Nothing», «American Protective Association», второй «Ку-клукс-клан». Католики, будучи «другими» для протестантского большинства, сталкивались с множеством препятствий (часто – с подачи упомянутых организаций) [15, р. 33], главной целью которых было ограничить их присутствие в политике и системе образования. Например, закон штата Орегон об обязательном образовании (1922) предусматривал посещение детьми исключительно государственных школ, которые бы могли формировать «правильную» американскую идентичность. Католические организации по всей стране выступили против притеснения, что в итоге привело к признанию репрессивных мер неконституционными [15, р. 33]. Настойчивое стремление политиков защитить белых протестантов от «дурного» влияния католиков, равно как и крепкая связь Хейса с католичеством, способствовали его размышлениям о сущности национализма.

Хейс, будучи убежденным католиком, видел в создании ассоциации не только научную, но и социальную миссию – борьбу с негативными стереотипами и утверждение места католиков в американской истории и культуре [11, р. 26]. Более того, ученый утверждал, что Америка является дочерью католической церкви, и каждый институт и идеал того, что считается истинным американизмом, имел свой прообраз в католической теории и практике [16, р. 201].

Католицизм стал центральной темой работ Хейса после его женитьбы на Эвелин Кэрролл, урожденной католичке, в 1920 году. Этот брак не только укрепил его религиозные убеждения, но и вдохновил на более активные публичные заявления о своей вере [11, р. 25]. В возрасте 38 лет Хейс окончательно утвердился как историк, для которого католицизм стал не только личным выбором, но и важным элементом его научной и общественной идентичности.

Параллельно у ученого оформляется интерес к изучению национализма. В военные годы Хейс задумывается над причинами, которые привели к конфликту. Первой работой, затрагивающей эти проблемы, стала «Война наций» 1914 года. В ней он пишет о «злой троице» национализма, империализма и милитаризма, где первый являлся величайшим злом. Хейс рассматривал причины Первой мировой войны, указывая, что «семена национализма, посеянные в девятнадцатом веке, стали ядовитыми плодами нынешней войны» [10, р. 41–42]. Список курсов, которые Хейс вел в Колумбийском университете, в этот период пополнился исследованиями национализма – темой, которая впоследствии стала одной из центральных в его научной карьере. В своих работах он начал глубоко анализировать природу национализма, сравнивая его с религией. Хейс утверждал, что национализм, возникший как идеология в эпоху после Реформации, к началу XX века трансформировался в своеобразную псевдорелигию [11, р. 31].

Ученый принимал активное участие в работе редакционного совета католического журнала «Commonweal», который выходит и по сей день. Хейс стоял у истоков его создания, был одним из тех, кто «щедро делился своими деньгами, временем и мыслями» [17, р. 8].

В серии публикаций «Обязательства перед Америкой» (1924–1925) Хейс настаивал, что вклад католиков в американскую культуру упускается из виду или сводится к минимуму. Этот факт, по мнению ученого, должен был подвигнуть их к большему участию в политической жизни США. Хейс считал «надругательством» над религией всякие попытки смешивания ее в массовом сознании с субнациональной группой, заявлял, что попытки создать систему, в которой государственные должности безопасны только для белых протестантов-неевреев, это – не по-американски. Протестанты не должны «делать различий в политической жизни этой страны между католиками, агностиками, протестантами и евреями» [18, р. 227]. Одной из проблем, с которыми сталкивалась Америка, равно как и другие страны, Хейс назвал смешение надлежащего и облагораживающего патриотизма с нетерпимым откровенным национализмом. Между чистым патриотизмом и христианством, по мнению ученого, не может быть конфликта. Национализм, однако, являлся для него продуктом тщеславия, предположения, что собственная нация превосходит все другие нации и имеет право преследовать свои эгоистичные цели, не заботясь о благополучии других, весь его дух противоположен духу христианства.

Хейс пришел к выводу, что мода на национализм объясняется ослаблением влияния христианства на людей, которые теперь верят в национальное государство и «требуют, чтобы все, что принадлежит Богу, отдавалось кесарю»

[19, p. 255]. Это, как он писал, приведет к катастрофическим последствиям как во внутренней политике, так и в международных отношениях, сея страх, ненависть, ура-патриотизм и войны.

В третьей части «Обязательств перед Америкой» отстаивается мысль, что национализм приводит к дискриминации групп меньшинств, агитации в поддержку государственной монополии на образование и увековечиванию невежества и предрассудков. Хейс верил, что американские католики способны внести вклад в решение проблемы национализма, так как являются членами универсальной вненациональной церкви, их вера учит «любить свою страну и служить ей, но она также учит их тому, что все люди – братья и что у наций есть не только права, но и обязанности» [19, p. 255].

«Commonweal» задумывался как журнал, который был бы независим от политических партий или школ социальной теории, не являлся бы простым рупором католической церкви. Поэтому когда в 1936 году «Commonweal» выразил симпатии испанскому режиму, Хейс, не желая быть обвиненным в «воинственной» поддержке Франко, потребовал, чтобы его имя было исключено из редакционного совета в знак протеста против своевольных действий основателя журнала – Майкла Уильямса [17, p. 69].

В отличие от многих других католических интеллектуалов Хейс не разделял профашистские взгляды [11, p. 33], как, например, дистрибутисты Гилберт Кит Честертон и Хилэр Беллок. С последним Хейс расходился в определении самой сути католического христианства, заявляя, что Беллок «придерживается слишком узкого и провинциального взгляда на католицизм» [16, p. 200]. В межвоенный период Муссолини апеллировал к их симпатиям, связывая свой фашистский режим с традиционными идеями католицизма [20, p. 188].

Английский писатель Артур Дж. Пенти писал, что итальянские фашисты претворяли в жизнь принципы Regum Novarum (энциклика Папы Римского Льва XIII). Хейс также обращал внимание американских католиков на необходимость ее внимательного изучения, чтобы воплотить общие предписания энциклики в конкретные законодательные акты и социальные действия [16, p. 255]. Честертон во многом разделял взгляды Пенти в отношении фашизма, приветствовал его появление в Италии. Он считал, что Муссолини удалось покончить с государственной коррупцией, вернуться «к первоначальному идеалу, <...> наступая на тайные общества, как на клубок гадюк». Честертон, будучи рьяным католиком, защищал итальянский режим, видя в нем то самое возрождение католической культуры, хоть и не обходился без критики его тоталитарных тенденций. Беллок же «так и не смог заставить себя осудить тоталитаризм Муссолини», настаивая, что «фашисты Муссолини спасли Италию и сердце западной цивилизации от коммунизма» [20, p. 191–194].

Отрицательная оценка Ватиканом марксизма, сопровождающаяся при этом нейтралитетом к фашистскому режиму, позволяла американским католикам считать, что они знают, кто их союзник в борьбе с «красной угрозой». Католические интеллектуалы при этом создавали видимость того, что католицизм готов вступить в союз с диктатором [20, p. 272].

Многие из антисемитов-экстремистов, публиковавших свои материалы, происходили из католической среды, что вынудило ряд влиятельных католиков США и Великобритании выступить против ассоциации их веры с фашизмом и антисемитизмом [20, р. 196]. К их числу относится и Хейс. В 1937 году им была написана заметка об опасности нацизма и расовой теории в *The New York Times* [11, р. 31–32].

«Миссия в Испании во время войны». Вторую мировую войну Хейс застал в возрасте 57 лет, продолжая работать в университете, где под его руководством было написано уже около 70 диссертаций, исследующих национализм [21, р. 239]. Он был участником множества мероприятий и дебатов (чаще связанных с католицизмом и национализмом) и тем самым укреплял свою репутацию ученого.

На фоне глобальных потрясений Второй мировой войны перед американским руководством встала сложная дипломатическая задача – наладить сотрудничество с правительством Испании, возглавляемым генералом Франсиско Франко. Несмотря на противоречивый характер режима Франко, союзники понимали, что удержание Испании от вступления в войну на стороне Гитлера имеет стратегическое значение. Испанский режим, балансировавший между фашистскими державами и западными союзниками, требовал к себе крайне осторожного и деликатного подхода. Карлтон Хейс не владел испанским языком, а также не имел за плечами дипломатического опыта, но все же получил от президента Франклина Д. Рузвельта предложение стать следующим послом в Испании. Хейс так и не выяснил, кто предложил его кандидатуру, но предполагал, что был выдвинут как католик, к тому же изучающий европейскую историю [22, р. 383]. Стоит отметить, что во время Гражданской войны в Испании Хейс симпатизировал националистам из-за антикатолических репрессий республиканцев, но он никогда не поддерживал Франко [23].

Дипломатическая служба Хейса заняла в общей сложности три года, которые были подробно описаны им в книге «Миссия в Испании во время войны, 1942–1945». При ее написании он опирался на «подробный личный дневник», записи бесед, личную переписку с президентом и другими лицами [24, р. 6].

Вторжение немецких сил на полуостров стало бы большой проблемой для антигитлеровской коалиции и, конечно, самой Испании [24, р. 315]. Когда ученому только предложили занять этот пост, он, как и многие в то время, полагал, что немцы могут вторгнуться в Испанию в любой момент, отчего эта миссия будет короткой и вполне может закончиться до того, как он доберется до страны.

Поборов первоначальные сомнения относительно того, стоит ли соглашаться, Карлтон берет непродолжительный отпуск в Колумбийском университете и вместе с семьей: женой Эвелин, дочерью Мэри Элизабет и сыном Кэрроллом; отправляется в путь. С собой они берут минимум багажа, опасаясь, что в случае вторжения в Испанию им придется в спешке ее покинуть. Также вместе с ним поехал и личный помощник Майкл Джордж – сын одного из со-

трудников, возглавлявших тогда испанский отдел в Государственном департаменте [24, р. 19–21].

Хейс понимал, что теперь от него требуется удержать страну от присоединения к Оси, побудить ее оказать все возможное сопротивление вторжению и получить необходимые средства для экономической и военной борьбы с Германией. О том, как именно это необходимо сделать, Хейс не получил никаких инструкций. Как посол он должен был самостоятельно разработать тактику, направленную на реализацию этих задач [24, р. 24]. Так, посольство сосредоточилось на расширении американского влияния через усиление работы прессы, пропаганды и общественной деятельности, а также на ведении экономической войны со странами Оси [24, р. 42].

В ходе своей работы Карлтон Хейс встречался и с Антониу ди Салазаром, и с Франсиско Франко, впечатлениями о которых он поделился в своих мемуарах. При этом Салазар, по его мнению, не был похож на обычного диктатора, скорее на скромного и тихого ученого. Их беседа напоминала диалог коллег-профессоров, нежели дипломатов – они обсуждали университеты, литературу, науку и философию, только потом переходя к делу [24, р. 21–22].

Хорошее впечатление на него произвел и Франко – заочно, когда Хейс обнаружил, что нападки на тоталитарную экономику Испании в подготовленной им речи не только не вызвали возражений, но и были четко признаны и одобрены Каудильо, а также и при личных встречах с Франко. Хейс определил его как человека «отнюдь не глупого», отмечал его решительность, осторожность и, что наиболее интересно, – чувство юмора. Хейс пишет: «Он смеялся легко и непринужденно, чего, я полагаю, не смог бы сделать ни Гитлер, ни Муссолини, разве что наедине» [24, р. 35–38].

Большинство планов Хейса получалось реализовать далеко не сразу: процесс перехода «невоюющей» Испании к нейтралитету, ограничение поставок вольфрама в Германию и выведение «Голубой дивизии» из состава немецкой армии – за годы службы Хейс попадал во множество кризисных ситуаций или же периодов полного застоя. Он отмечал, что его миссия была особенно трудной из-за преобладающих в Соединенных Штатах настроений против правительства генерала Франко [24, р. 336]. Он часто сетовал и на отсутствие скоординированных действий с посольством Великобритании, на сложности, связанные с отношением Франко к советским коммунистам, в которых тот видел истинного врага Испании. Это заставляло его придерживаться тактики «проведения различий между Россией и коммунизмом; защищать и восхвалять первую и отделять себя и дело Организации Объединенных Наций от второй» [24, р. 62].

Когда поражение Гитлера и позиция Испании стали очевидны, Карлтон Хейс обратился к президенту Рузвельту с просьбой освободить его от миссии и позволить вернуться к университетской работе на родине [24, р. 301]. В ответ он получил письмо, в котором его заверили, что у президента «нет ни малейшей мысли о том, что Карлтону следует покинуть свой пост в Мадриде, где он проделал такую великолепную работу» [24, р. 316]. Несмотря на похвалу, Хейс

все же вернулся в Соединенные Штаты. Долгосрочная цель его работы – удержание Испании от войны – оказалась выполнена. Франсиско Франко также остался им доволен, преподнеся в качестве прощального подарка портрет Хейса, написанный модным испанским художником [11, р. 34].

Период его недолгой дипломатической карьеры посла довольно противоречиво воспринимался современниками. Внимание Хейса было направлено на множество сфер: от использования американского импорта товаров и нефти и противодействия испанскому экспорту в Германию до покровительства мадридскому обществу и культуре, которые он искренне ценил [21, р. 241]. В то же время не все высоко оценили деятельность Карлтона Хейса. Американские либералы заявляли, что он был излишне дружелюбен с Франко и мало чем помог как преследуемым противникам испанского режима, так и беженцам, включая евреев [11, р. 33]. Сам же Хейс в своей книге описывает создание им в сжатые сроки «секции помощи беженцам» и высоко оценивает работу в этом направлении испанского премьер-министра Франсиско Гомес-Джордана Соузы [24, р. 140]. Некоторые же настаивают, что Хейс, не имея общего языка с простыми испанцами, чаще довольствовался компанией аристократии и наслаждался католической атмосферой Мадрида [11, р. 33].

После ухода с должности посла США Карлтон Д. Х. Хейс продолжил работу в Колумбийском университете, уйдя на пенсию в 1950 году в возрасте 68 лет. Он продолжал выступать с речами и после этого, осознавая свою важность для католического сообщества, но теряя при этом влияние из-за своих непопулярных взглядов на Испанию. Хейс писал, что не может быть прочного атлантического сообщества без включения в него Испании [11, р. 36]. Ученый и биограф Артур Хьюз считал, что испанский опыт и послевоенная позиция Хейса частично объясняют снижение интереса к его монументальным трудам по национализму [10, р. 51].

Карлтон Джозеф Хантли Хейс умер 2 сентября 1964 года в возрасте 82 лет и был похоронен в своем родном городе Афтоне. Его последней работой стала новая редакция книги «Национализм как религия», увидевшая свет в 1960 году.

«Национализм как религия». Осенью 1914 года, вскоре после начала Первой мировой войны, Карлтон Хейс, находясь под глубоким впечатлением от глобальных событий, написал свою первую статью о национализме для авторитетного журнала «Political Science Quarterly» [14]. Эта работа стала началом его многолетнего исследования национализма как социального и культурного феномена.

Первоначальная версия концепции работы «Национализм как религия», по всей видимости, была разработана Хейсом вскоре после окончания Первой мировой войны и впервые опубликована в виде журнальной статьи в 1920 году. В этой статье он впервые высказал идею о том, что национализм, возникший в эпоху после Реформации, к началу XX века приобрел черты псевдорелигии, предлагая людям новую систему верований, ритуалов и символов. В 1926 году Хейс опубликовал сборник «Essays on Nationalism» [25], который стал важной вехой в его научной карьере. В главе «Nationalism as a Religion» этого сборни-

ка он подробно излагает оригинальную концепцию «национализма». Спустя три десятилетия Хейс вернулся к этой теме, представив фундаментальный труд «Nationalism: A Religion» [26]. В нем Хейс развивает свою ключевую идею рассматривать национализм в религиозных терминах, в то же время книга не просто расширяет идеи эссе 1926 года, но и представляет собой их глубокую концептуальную переработку. Если в раннем эссе Хейс скорее формулирует гипотезу о национализме как религии, опираясь на исторические аналогии, то в книге он проводит систематический анализ, опираясь на междисциплинарные исследования. В частности, он рассматривает религиозные аспекты национализма через призму антропологии и социологии, опираясь на работы Кларка Висслера и Альфреда Крёбера [26, р. 13–14]. Еще одно важное отличие заключается в акцентах. В эссе 1926 года национализм рассматривается в первую очередь как явление европейского происхождения, а его связь с религией анализируется преимущественно через призму западной истории. В книге же Хейс расширяет географические рамки, включая анализ национализма в Азии, Африке и Латинской Америке, что отражает изменения в глобальном порядке середины XX века. Он подчеркивает, что в XX веке национализм стал поистине универсальным явлением, распространившись даже в общества, традиционно ориентированные на религиозные идентичности, такие как исламский мир [26, р. 151–164]. Наконец, в издании 1960 года Хейс рассматривает трансформации национализма под влиянием тоталитарных идеологий [26, р. 136–151].

В своем труде Карлтон Хейс рассматривал национализм не просто как политическую идеологию, а как феномен, обладающий чертами религии. Он обращал внимание на то, что национализм вызывает столь же сильную эмоциональную привязанность и преданность, как традиционные верования, а его ритуалы, символы и мифология выполняют роль, сходную с религиозными практиками.

Хейс замечает, что в основе триумфального шествия национализма лежат утвердившиеся после Французской революции системы образования, массовые армии и журналистика, которые в свою очередь стали эффективными благодаря индустриальному прогрессу: «Националистическая пропаганда стала для французских революционеров искусством. Это осуществлялось масонскими ложами, <...> местными коммунами (особенно парижской) и, прежде всего, потоком газет и брошюр, настолько дешевых и демагогичных, что они привлекали даже полубразованные массы больше, чем интеллектуалов» [26, р. 52]. Однако эти объяснения не отвечают на вопрос, почему национализм вызывает такую глубокую эмоциональную привязанность и готовность миллионов людей жертвовать собой во имя национальной идеи. Хейс подчеркивает, что в истории существовало множество философий и идеологий – стоицизм, номинализм, реализм, гедонизм – но ни одна из них не вызывала столь массовой самоотверженности и фанатичной преданности, как национализм. Это позволяет заключить, что в его основе лежит не просто философия или политическая доктрина, а мощный эмоциональный посыл. Национализм формирует настолько сильную лояльность национальному государству, что она подчиняет

себе все остальные привязанности – к людям, местам, идеям и даже семье: «Национализм, как и любая религия, задействует не только волю, но и разум, воображение и эмоции. Разум создает спекулятивную теологию или мифологию национализма. Воображение выстраивает невидимый мир, основанный на вечном прошлом и бесконечном будущем национальной идентичности. Эмоции рождают радость и экстаз при размышлениях о национальном божестве, которое является всеблагим и всепокровительствующим; они пробуждают стремление к его милости, благодарность за его дары, страх перед возможностью его разгневать, а также благоговейный трепет перед величием его силы и мудрости. Эти эмоции естественным образом проявляются в поклонении – как в частном, так и в публичном. Ведь национализм, подобно любой другой религии, имеет выраженный общественный характер, а его главные ритуалы – это публичные обряды, совершаемые во имя спасения всего сообщества» [26, p. 164–165].

Хейс отмечает, что национализм во многом выполняет функцию религии, пробуждая в своих последователях ту же глубину эмоционального отклика, что и традиционные верования: «Обычно люди не отдают свою жизнь добровольно ради экономической выгоды. Высшая жертва чаще всего приносится во имя идеала и в ответ на религиозное чувство; и лучшим и окончательным доказательством религиозного характера современного национализма является беспрекословная готовность, с которой всевозможные его приверженцы отдавали свои жизни на полях сражений» [26, p. 171]. Именно в этом религиозном аспекте национализма, его способности вызывать преданность, миссионерский пыл и готовность к самопожертвованию Хейс видит ключ к объяснению его силы в современном мире.

Как отмечает Карлтон Хейс, человеческая история неизменно демонстрирует наличие у человека так называемого «религиозного чувства» – глубокой потребности верить в нечто, находящееся за пределами его собственного существования [26, p. 11]. Это чувство сопровождается благоговением и обычно выражается в ритуалах и символических действиях. Его проявления прослеживаются во всех культурах – от древних культов природы и храмовых обрядов до мировых религий, таких как индуизм, буддизм, христианство и ислам. Хейс подчеркивает, что даже при ослаблении веры в конкретную религиозную систему человек неизбежно находит новый объект поклонения, который может принимать самые разнообразные формы – от традиционного божества до обожествленных концепций науки, прогресса или человечества.

История свидетельствует, что периоды религиозного скептицизма не ведут к полной секуляризации, а скорее порождают новые формы духовных исканий. Наиболее радикальный вызов традиционному христианству возник в XVIII веке, когда европейские мыслители эпохи Просвещения подвергли сомнению авторитет церкви, религиозные догматы и библейские чудеса. Однако, как показывает Хейс, даже наиболее скептически настроенные интеллектуалы продолжали проявлять свое религиозное чувство, заполняя пустоту «сциентизмом», «гуманизмом», «позитивизмом», «масонством» [26, p. 15].

Как отмечает Карлтон Хейс, периоды религиозного скептицизма неизменно сопровождались возникновением альтернативных форм поклонения, среди которых особенно выделяется культ политического государства. Этот процесс не случаен. Интеллектуалы, утратив веру в традиционную религию, часто опасались дестабилизирующего влияния своих сомнений на общество и, не имея единой альтернативной веры, не могли предложить массам новой организованной религиозной системы. Они могли прославлять политическое государство, существовавшее у той или иной национальности в прошлом, например, средневековую Священную Римскую империю «немецкой нации» или Югославскую империю Стефана Душана XIV века [26, р. 70]. Таким образом, национальное государство стало объектом массового почитания, а его институты приобрели сакральный статус.

Французская революция, по мнению Хейса, превратила национализм в подобие религии. Первоначальные попытки синтезировать просвещение с христианством провалились из-за сопротивления церкви, что привело к открытому конфликту. В ходе революции католицизм уступил место культу нации: церкви превращались в гражданские храмы, «Декларация прав человека и гражданина» объявлялась «национальным катехизисом», а отказ присягнуть ей карался общественным «отлучением». Символы революции – триколор, фригийский колпак, алтари Отечества – стали атрибутами нового культа, а общественные церемонии приобрели сакральный характер [26, р. 54].

Революционные лидеры стремились заменить христианство новыми культами: Разума, Верховного Существа, Декады. Однако все эти формы были лишь частями более широкой идеологии национализма, который в XIX–XX веках стал доминирующей силой. Хейс отмечает, что национализм обладает чертами традиционных религий: у него есть «бог» – нация, требующая преданности, собственные ритуалы, свои шествия и паломничества, святые дни [26, р. 167], закрепленные в национальных писаниях вроде Конституции и речей лидеров.

Как средневековая церковь, национальное государство обещает гражданам защиту и спасение, а его герои становятся святыми. Образование служит аналогом монастырей, воспитывая патриотическую веру, а официальная мифология, подобно религиозным легендам, формирует коллективное сознание. Национализм требует верности, подавляет сомнения и мобилизует массы, вдохновляя их на самопожертвование – войны последних веков демонстрируют его способность к тотальной мобилизации.

Хейс подчеркивает, что национализм воспроизводит религиозную нетерпимость: он презирует «чужих богов», сурово карает «еретиков» и возвеличивает нацию как непогрешимый абсолют. Хотя он не уничтожил традиционные религии, он их подчиняет: христианство, ислам и буддизм все больше включаются в националистическую риторику. В итоге культ нации постепенно вытесняет старые верования, обещая не только спасение, но и «вечную жизнь» в славе государства: «Нация считается вечной, и смерть ее верных сынов только добавляет ей неувыдаемой славы» [26, р. 165].

Однако Хейс сомневается в гуманистической ценности национализма. В отличие от мировых религий, объединявших человечество, он проповедует исключительность, разжигает рознь и ведет к войне. По его мнению, национализм горд, а не смирен, он разделяет, а не объединяет – в отличие от христианства, проповедующего идеалы смирения и альтруизма [26, р. 181].

Интеллектуальное наследие Карлтона Хейса. Концепция национализма как религии, предложенная Карлтоном Хейсом, стала важным вкладом в изучение национализма и оказала значительное влияние на последующие исследования. Однако сама эта идея не возникла на пустом месте – она является рецепцией и синтезом более ранних интеллектуальных традиций. Хейс, будучи историком и социологом, опирался на работы своих предшественников, адаптируя их идеи к новому контексту и расширяя их применимость. Одним из ключевых источников вдохновения для Хейса, очевидно, стал французский социолог Эмиль Дюркгейм, чьи теории о религии как социальном феномене легли в основу понимания национализма как квазирелигии. Ранние формулировки этого подхода можно проследить еще у Дюркгейма в «Элементарных формах религиозной жизни». Для Дюркгейма подлинным объектом религии является само общество; религия – это способ, с помощью которого общество представляет себя самому себе. Согласно Дюркгейму, «религия – это единая система верований и практик, относящихся к священным, то есть к отделенным запретным вещам, верований и практик, объединяющих в одно нравственное сообщество, называемое Церковью, всех тех, кто им привержен» [27, с. 96–97]. Однако что является священным, а что нет, определяется не содержанием веры. Для Дюркгейма любое явление может быть воспринято обществом как священное. Например, неважно, считается ли национальный флаг прямым воплощением божества или нет – главное, какую функцию выполняет это разграничение между сакральным и профанным в данном обществе. Символическое выражение коллективной солидарности либо укрепляет, либо оспаривает существующий социальный порядок. С этой точки зрения между ритуалами, связанными с поклонением флагу, и ритуалами, связанными с поклонением богу, нет принципиальной разницы – в обоих случаях общество представляет себя самому себе. Дюркгейм полагал, что вся религия, если она явно не отсылает к самому обществу, является своего рода ошибочным восприятием. Важно отметить, что Дюркгейм вполне ясно формулирует и идею универсальности религиозного чувства: «Таким образом, в религии есть нечто вечное, чему суждено пережить все те частные символы, в которые последовательно облекалось религиозное мышление. Не может быть такого общества, которое не испытывало бы потребности в том, чтобы регулярно поддерживать и укреплять коллективные чувства и идеи, которые обеспечивают его единство и его индивидуальность. Итак, это нравственное восстановление может осуществляться только с помощью собраний, сходов и встреч, где индивиды, теснее сближаясь друг с другом, вместе заново утверждают свои общие чувства; отсюда возникают церемонии, которые по своей природе не отличаются от собственно религиозных церемоний ни в отношении цели, ни в отношении результатов,

которые они производят, ни в отношении используемых для этого процедур. В чем принципиальная разница между христианами, отмечающими важные события из жизни Христа, или иудеями, вспоминаящими исход из Египта или обнаружение десяти заповедей, и собраниями граждан, отмечающих провозглашение новой нравственной или правовой хартии или какое-либо другое важное событие в жизни нации?» [27, с. 701–102].

В контексте трактовок социальной природы религиозного чувства преeminентность «Национализма как религии» дюркгеймскими традициям очевидна, хотя сам Хейс об этом не упоминает. Более того, он относился к Дюркгейму критично, указывая на то, что его идеи способствовали формированию тоталитарных национализмов в середине XX века: «Не следует думать, что все, кто сеял семена тоталитарного национализма, были антисемитами. Некоторые евреи также сыграли важную роль в распространении этой идеологии – например, Эмиль Дюркгейм, который начинал как будущий раввин, а стал всемирно известным социологом. Он учил, что национальное государство, патри – это „психическое существо“, что среди всех социальных образований – семьи, классов, церкви и других – оно является самым фундаментальным и, по праву, самым могущественным. Государство выполняет высшую функцию, управляя и гармонизируя идеальное „корпоративное общество“, и поэтому его граждане обязаны ему высшей преданностью и наивысшим публичным поклонением» [28, р. 224].

Поскольку Хейс исследовал не только механизмы формирования национального самосознания, но и выявил структурные сходства между национализмом и религиозными системами, его наследие ясно прослеживается в двух областях современного обществознания. Во-первых, в современных интерпретациях национализма, во-вторых, в современных трактовках природы религиозного чувства.

Собственно сравнение национализма с религиозными системами прошлого, сделанное Хейсом, стало одной из центральных тем в последующих исследованиях, включая работы Энтони Смита и Бенедикта Андерсона, которые развили этот мотив, рассматривая нацию как квазирелигиозную структуру. Политическая религия, по Хейсу, обладает двойным преимуществом перед сверхъестественной верой: во-первых, она более осязаема и связана с конкретными символами – флагами, памятниками, национальными праздниками; во-вторых, государство обладает физическими средствами принуждения, которые позволяют ему навязывать обязательное поклонение, превращая национальную идентичность в объект коллективной веры. Эта мысль Хейса, как замечает У. Т. Кавано, перекликается с идеями Бенедикта Андерсона, который отмечает, что с ослаблением христианства в западном мире нация взяла на себя традиционную функцию религии – примирение человека со смертью. Раньше религия предлагала надежду на загробную жизнь, теперь же национализм заменил эту надежду обещанием бессмертия через нацию. Гибель индивида становится осмысленной, если он умирает за свое государство, поскольку нация продолжает существовать в бесконечном будущем [29, р. 114].

Еще более последовательно сопоставление национализма и религии развивается Энтони Смитом, который предложил более сложное и менее критичное представление национализма как «новой религии народа». По его мнению, национализм функционирует как религия в двух смыслах: во-первых, в субстанциональном, поскольку он предполагает коллективный поиск «спасения» в рамках нации, во-вторых, в функциональном, поскольку формирует систему верований и практик, разделяющую сакральное и профанное и объединяющую людей в единую моральную общность. В этом новом культе аутентичность играет роль святости, национальные герои и культурные гении – пророков и мессий, а коллективная память о них выполняет функцию своеобразной загробной жизни. Именно религиозная природа национализма, по мнению Смита, объясняет его эмоциональную мощь, долговечность национальных идентичностей и глубину привязанностей, которые он порождает [30, p. 104].

Как отмечает В. В. Коротеева, анализ Хейза формирования национального самосознания через образование, военную службу и массовую прессу предвосхищает аргументы Геллнера о связи национализма и индустриального общества. Его рассмотрение эмоционально заряженных символов, таких как государственные ритуалы, праздники и парады, развивается в концепции «изобретенных традиций» Эрика Хобсбаума. Наконец, анализ Хейса стадий распространения национализма во многом предвосхищает периодизацию национальных движений, предложенную М. Грохром, особенно в отношении интеллектуальной разработки доктрины, ее популяризации и укоренения через массовое образование [31, с. 21–24].

Без натяжки можно утверждать, что Хейс предвосхитил и многие идеи, позднее развитые Майклом Биллигом. Хейс подробно описывает ритуалы и символы национализма, которые пронизывают повседневную жизнь и функционируют подобно религиозным практикам. Биллиг, в свою очередь, развивает этот подход, вводя понятие повседневных, часто незаметных практик и символов, поддерживающих и укрепляющих национальную идентичность. Показательна в этом контексте метафора реющего флага, к которой обращается Биллиг, подчеркивая постоянное, но ненавязчивое присутствие национализма в повседневности [32, p. 1–12].

В современных исследованиях национализма подход, рассматривающий религию и национализм как аналогичные феномены, критикуется. По мнению Дэвида Белла, приравнивание национализма к религии на самом деле означает, что ни один из этих феноменов не воспринимается всерьез [33, p. 22–23]. Такой подход сводит оба сложных интеллектуальных явления лишь к их внешним ритуальным практикам: флагам, процессиям и подобным символическим элементам. Он основывается на предположении, что национализм и религия одинаково удовлетворяют универсальные духовные потребности, существовавшие во все времена. Роджерс Брубейкер, вместо того чтобы описывать национализм терминами, заимствованными из религиозной сферы, как это делают Хейс и в некоторой степени Смит, предлагает связать оба феномена с более широкими социальными структурами и процессами. Брубейкер выделяет

три ключевых подхода, позволяющих рассматривать религию и национализм (а также этничность) через более обобщенные концептуальные рамки: как способ идентификации, как форму социальной организации и как способ оформления политических требований – использование символических ресурсов для легитимации власти, мобилизации и обоснования претензий на суверенитет или автономию. С точки зрения Брубейкера, такой подход позволяет выйти за пределы узкой религиозной терминологии и рассматривать национализм и религию не только через их сходство, но и в контексте более глобальных социальных механизмов [30, p. 104].

Тем не менее, несмотря на критику, сам подход Хейса к проблеме соотношения национализма и религии в контексте исследований национализма нельзя воспринимать исключительно с историографической точки зрения. Например, Джозеп Ллобера приходит к выводу, что национализм не просто использовал церковь в качестве инструмента легитимации, но сам перенял ее символическую систему, превратив религиозное воображение в основу национальной идентичности. Он заимствовал мифы, ритуалы, сакральные тексты, этическую систему и коллективные эмоциональные переживания. В этом смысле можно утверждать, что религия трансформировалась в национализм, обеспечивая последнему ту же степень эмоциональной и сакральной привязанности, которую раньше обеспечивали традиционные верования [34, p. 145–146].

Особое значение творчество Карлтона Хейса приобрело в свете возобновившихся дискуссий о секуляризации и ее пределах. В последние десятилетия значительное количество исследований поставило под сомнение жесткое разграничение между религиозным и светским, традиционно доминировавшее в социологии религии и политической теории. В этом контексте идеи Хейса о национализме как своего рода «гражданской религии» приобретают новое звучание и актуальность. Хотя сам Хейс не использовал этот термин, его идеи затрагивают те же явления, что и последующие исследования в этой области. В частности, они перекликаются с работами Роберта Беллы, который популяризировал этот концепт в своих работах в конце 1960-х гг. [35]. Как замечает Уильям Т. Каван, исходя из всех этих концепций, можно утверждать, что любое идеологическое построение, которое связывает нацию с сакральным, попадает под широкий зонтик гражданской религии. Независимо от используемого термина, гражданская религия лучше всего понимается как культурный сплав религии и патриотизма, интерпретирующий нацию как уникальную благодаря ее особой связи с сакральным в данном обществе. Подобное широкое определение позволяет выявить темы гражданской религии как в политических, так и в религиозных институтах, где она не отделена строго ни от одной из сфер. Именно поэтому ее кредо и ритуальные выражения можно найти как в церковных богослужениях, так и на политических митингах [36, p. 91].

Современные исследования подчеркивают религиозные аспекты национализма, переосмысляя традиционные представления о соотношении религии и секуляризма [29, p. 23]. В этом контексте Талал Асад подвергает критике распространенный нарратив Просвещения, согласно которому секуляризм

якобы заменяет религию так же, как ясность приходит на смену путанице, а толерантность – фанатизму. По его мнению, этот взгляд не выдерживает критики, поскольку секулярные убеждения, чувствительность и формы действия не возникли в вакууме. Они сформировались в сложном взаимодействии с религиозными элементами, против которых секуляризм определял себя, но при этом заимствовал и адаптировал многие из них через своеобразный перевод, преподносимый как присвоение «высшей истины». Более того, Асад указывает, что претензии на абсолютную уверенность характерны не только для религиозного мировоззрения, но и для секулярных идеологий, которые в некоторых случаях проявляют еще большую категоричность [37, р. 25]. В одной из последних работ Юрген Хабермас акцентирует внимание на асимметрии адаптации к секулярной среде. Если религиозные граждане уже вынуждены пересматривать свои взгляды в условиях светского общества, то от секулярных граждан требуется не менее серьезная интеллектуальная трансформация. Они должны осознать, что живут в постсекулярном мире, где религиозные сообщества продолжают играть важную роль не только в социальной, но и в когнитивной сфере. Это требует смены менталитета и готовности воспринимать религиозные взгляды не как архаичные пережитки, а как потенциально значимые источники знания [38, р. 131]. В этом контексте Хабермас стремится разработать новую концепцию разума, способную объединить рациональное познание с экзистенциальными интуициями, заключенными в религиозных традициях [38, р. 7]. Этьен Балибар, в свою очередь, предлагает еще более динамичный взгляд на секуляризм, рассматривая его не как жесткую альтернативу религии, а как процесс, эволюционирующий в условиях глобализации, транснациональных идентичностей и идеологий. Он отмечает, что секуляризм часто противопоставляется религии как нечто принципиально иное, но на деле он находится в постоянном взаимодействии с религиозными формами жизни. Балибар подчеркивает, что в современном мире складывается новая ситуация, в которой секуляризм вынужден сосуществовать с растущей значимостью религиозных идентичностей и транснациональных идеологий. Это ставит перед обществом задачу выработки новых форм политического и культурного сосуществования, которые учитывают сложные пересечения между религиозным и светским [39, р. 68–74].

Заключение. Биография Карлтона Д. Хейса неразрывно связана с его научным творчеством. Его личный путь – от детства в религиозной протестантской среде, учебы и преподавания в Колумбийском университете до осознанного перехода в католичество – сформировал особый взгляд на роль веры в общественной и политической жизни.

Формирование научных убеждений Хейса пришлось на эпоху, когда история переживала методологический сдвиг: акцент смещался от классического повествовательного подхода к более широкому, включающему социальные, культурные и интеллектуальные процессы. Переосмысление истории определило интерес Хейса к многофакторному анализу явлений, где политические события, экономические факторы и массовые настроения исследовались в тес-

ной взаимосвязи. Его личный выбор в пользу католической веры усилился на фоне общественных предубеждений в США по отношению к католикам. Хейс не только столкнулся с дискриминацией, но и активно пытался ей противостоять, подчеркивая вклад католиков в историю и культуру Америки. Опыт Первой мировой войны, когда Хейс на собственной практике увидел, насколько иррациональными могут быть массовые патриотические настроения, тоже стал важным импульсом в его научном поиске.

Научная карьера Хейса развивалась в тесной связи с его общественной деятельностью и дипломатическим опытом. Назначение на пост посла США в Испании во время Второй мировой войны дало ему возможность увидеть «вживую» природу национальных и государственных культов, а также понять, как государство может сочетать в себе черты светской власти и сакрального авторитета. Испанский эпизод, несмотря на споры вокруг деятельности Хейса, укрепил его убеждение, что национализм легко обретает черты религии с собственными ритуалами, «священными» символами и догматами.

Все эти биографические, социальные и политические факторы сформировали научную «оптику» Хейса. Его концепция национализма как религии родилась не только из теоретического интереса к историческим источникам, но и из прямого наблюдения за тем, как националистический культ превращается в подлинную «церковь» XX века.

Именно поэтому работы Хейса сохраняют актуальность и сегодня. В конце XX – начале XXI века дискуссия о секулярных религиях распространилась на новые сферы: экологический активизм, трансгуманизм, движение за социальную справедливость (wokeness) и другие формы идеологической мобилизации. Эти явления объединяет наличие абсолютных моральных императивов, сакральных ценностей, символических актов покаяния и стремления к преобразованию мира.

Таким образом, история секулярных религий представляет собой постепенное расширение сферы сакрального в светском мире. При этом попытки строго разграничить религиозное и нерелигиозное наталкиваются на сложность самой категории «религия». Несмотря на критику аналогий между секулярными идеологиями и традиционными верованиями, очевидно, что такие аналогии продолжают оставаться важными для понимания современного общества.

Феномен секулярных религий демонстрирует неоднозначность самой идеи секуляризации. Вместо линейного перехода от религиозного к светскому мы наблюдаем перетекание религиозных структур в новые формы. Это ставит под сомнение саму возможность построения общества, полностью свободного от сакральных элементов. Скорее, мы имеем дело с постоянной трансформацией религиозного опыта, который принимает новые формы, но сохраняет свою сущностную роль в человеческой культуре [40, p. 10–11].

Все указывает на то, что Хейс еще долго будет востребован как в исследованиях национализма, так и в исследованиях религии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Прокопенко В.** Лео Штраус: возвращение к главному вопросу политической философии // Штраус Л. Город и человек. – СПб.: ВладимирДаль, 2021. – С. 5–71.
2. **Андерсон Б.** Воображаемые сообщества. – М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. – 288 с.
3. **Lawrence P.** Nationalism: history and theory. – Routledge, 2014. – 256 p.
4. **Велижев М.** Кембриджская школа. Теория и практика интеллектуальной истории. – М.: Новое литературное обозрение, 2018.
5. Dr. Carlton J. H. Hayes, 82, Dies; Historian Was Envoy to Spain; Credited With Keeping Franco Out of the War; Taught at Columbia 1907-50, September 4, 1964, P. 29 [Электронный ресурс] // The New York Times. – URL: <https://www.nytimes.com/1964/09/04/archives/dr-carlton-j-h-hayes-82-dies-historian-was-envoy-to-spain-credited.html> (дата обращения: 20.11.2024).
6. **Hayes C. J. H.** Story of Afton: A New York town on the Susquehanna. – Afton free library, 1976. – 47 p.
7. **Decker C. J.** The Afton Historical Society Remembers «The Way We Were» [Электронный ресурс] // The Afton Historical Society. Historical Minutes. – 1999. – No. 321. – 1154 p. – URL: https://archive.org/details/TheWayWeWere_201602/page/n325/mode/2up (дата обращения: 20.11.2024).
8. **Decker C. J.** The Afton Historical Society Remembers «The Way We Were» [Электронный ресурс] // The Afton Historical Society. Historical Minutes. – No. 281. – 1154 p. – URL: https://archive.org/details/TheWayWeWere_201602/page/n287/mode/2up (дата обращения: 20.11.2024).
9. **Decker C. J.** The Afton Historical Society Remembers «The Way We Were» [Электронный ресурс] // The Afton Historical Society. Historical Minutes. – 2003. – No. 510. – 1154 p. – URL: https://archive.org/details/TheWayWeWere_201602/page/n517/mode/2up (дата обращения: 20.11.2024).
10. **Hughes A.** Carlton J. H. Hayes: A Christian historian confronts nationalism // Records of the American Catholic Historical Society of Philadelphia. – 1989. – Vol. 100. – № 1/4. – P. 39–54.
11. **Allitt P.** Carlton Hayes and His Critics // U.S. Catholic Historian. – 1997. – Vol. 15. – № 3. – P. 23–37.
12. **Gross D.** The «New History»: A Note of Reappraisal // History and Theory. – 1974. – Vol. 13. – № 1. – P. 53–58.
13. **Robinson J. H.** The New History // Proceedings of the American Philosophical Society. – 1911. – Vol. 50. – № 199. – P. 179–190.
14. **Hayes C. J. H.** A Personal Apology // Nationalism: A Religion. – Routledge, 2016. – 198 p.
15. **Gotsell B.** The Oregon School Case: Its Forgotten Benefactors // American Catholic Studies. – 2020. – Vol. 131. – № 4. – P. 33–51.
16. **Hayes C. J. H.** «Obligations to America» [Электронный ресурс] // Commonweal. – 1924. – Дек. 31. – URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=uc1.b000549625&seq=236> (дата обращения: 20.11.2024).
17. **Van Allen R.** The Commonwealth and American Catholicism: the magazine, the movement, the meaning. – Fortress Press, 1974. – 218 p.
18. **Hayes C. J. H.** «Obligations to America» [Электронный ресурс] // Commonweal. – 1925. – Янв. 7. – URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=uc1.b000549625&seq=267> (дата обращения: 20.11.2024).
19. **Hayes C. J. H.** «Obligations to America» [Электронный ресурс] // Commonweal. – 1925. – Янв. 14. – URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=uc1.b000549625&seq=299> (дата обращения: 20.11.2024).
20. **Corrin J. P.** Catholic Intellectuals and the Challenge of Democracy. – Notre Dame: University of Notre Dame Press, 2002. – 584 p.
21. **Kennedy E.** Ambassador Carlton J. H. Hayes's Wartime Diplomacy: Making Spain a Haven from Hitler // Diplomatic History. – 2012. – Vol. 36, № 2. – P. 237–260.
22. **Halstead C. R.** Historians in Politics: Carlton J. H. Hayes as American Ambassador to Spain 1942–45 // Journal of Contemporary History. – 1975. – Vol. 10, № 3. – P. 383–405.
23. **Rossi J. P.** Introduction to the transaction edition // Carlton Joseph Huntley Hayes Nationalism: A Religion. – Routledge, 2016. – 196 p.
24. **Hayes C. J. H.** Wartime Mission in Spain, 1942–1945. – N. Y.: The Macmillan Company, 1945. – 353 p.
25. **Hayes C. J. H.** Essays on nationalism. – N. Y.: Macmillan, 1926. – 279 p.
26. **Hayes C. J. H.** Nationalism: A Religion. – N. Y.: The Macmillan company, 1960. – 187 p.

27. **Дюркгейм Э.** Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / пер. с фр. А. Апполонова и Т. Котельниковой; под науч. ред. А. Апполонова. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – 736 с.
28. **Cavanaugh W. T.** The Uses of Idolatry. – Oxford University Press, 2024. – 504 p.
29. **Cavanaugh W. T.** The Myth of Religious Violence. – Oxford University Press, 2009. – 285 p.
30. **Brubaker R.** Grounds for Difference. – Harvard University Press, 2015. – 219 p.
31. **Коротеева В. В.** Теории национализма в зарубежных социальных науках. – М.: РГГУ, 1999. – 139 с.
32. **Billig M.** Banal nationalism. – Sage, 1995. – 200 p.
33. **Bell D. A.** The Cult of the Nation in France. – Harvard University Press, 2003. – 320 p.
34. **Llobera J. R.** The God of Modernity: The Development of Nationalism in Western Europe. – Routledge, 1994. – 229 p.
35. **Reiner H.** The Web of Religion and Science. Bellah, Giddens, and Habermas. – Gorgias Press, 2005. – 96 p.
36. **Manis A. M.** Civil Religion and National Identity // The Columbia Guide to Religion in American History (Edited by Paul Harvey and Edward J. Blum). – Columbia University Press, 2012. – 462 p.
37. **Asad T.** Secular Translations: Nation-State, Modern Self, and Calculative Reason. – Columbia University Press, 2018. – 222 p.
38. **Habermas J.** Between Naturalism and Religion: Philosophical Essays. – Polity, 2008. – 361 p.
39. **Balibar É.** Secularism and Cosmopolitanism: Critical Hypotheses on Religion and Politics. Translated by David Broder. – N. Y.: Columbia University Press, 2018. – 249 p.
40. **Nyirkos T.** Secular religions: The Key Concepts. – Routledge, 2024. – 232 p.

REFERENCES

1. Prokopenko V. Leo Strauss: a return to the main issue of political philosophy, Strauss L. City and man. St. Petersburg: Vladimir Dahl, 2021, pp. 5–71. (In Russian)
2. Anderson B. Imagined communities. Moscow: Canon-Press-Ts, Kuchkovo pole, 2001, 288 p. (In Russian)
3. Lawrence P. Nationalism: history and theory. Routledge, 2014, 256 p. (In English)
4. Velizhev M. The Cambridge School. Theory and Practice of Intellectual History. Moscow: New Literary Review Publishing House, 2018 (In Russian)
5. Dr. Carlton J. H. Hayes, 82, Dies; Historian Was Envoy to Spain; Credited With Keeping Franco Out of the War; Taught at Columbia 1907-50. The New York Times, September 4, 1964, P. 29. URL: <https://www.nytimes.com/1964/09/04/archives/dr-carlton-j-h-hayes-82-dies-historian-was-envoy-to-spain-credited.html> (accessed: 20.11.2024). (In English)
6. Hayes C. J. H. Story of Afton: A New York town on the Susquehanna. Afton free library, 1976, 47 p. (In English)
7. Decker C. J. The Afton Historical Society Remembers «The Way We Were». *The Afton Historical Society. Historical Minutes*, 1999, No. 321, 1154 p. URL: https://archive.org/details/TheWayWeWere_201602/page/n325/mode/2up (accessed: 20.11.2024). (In English)
8. Decker C. J. The Afton Historical Society Remembers «The Way We Were». *The Afton Historical Society. Historical Minutes*, No. 281, 1154 p. URL: https://archive.org/details/TheWayWeWere_201602/page/n287/mode/2up (accessed: 20.11.2024). (In English)
9. Decker C. J. The Afton Historical Society Remembers «The Way We Were». *The Afton Historical Society. Historical Minutes*, 2003, No. 510, 1154 p. URL: https://archive.org/details/TheWayWeWere_201602/page/n517/mode/2up (accessed: 20.11.2024). (In English)
10. Hughes A. Carlton J. H. Hayes: A Christian historian confronts nationalism. *Records of the American Catholic Historical Society of Philadelphia*, 1989, vol. 100, no. 1/4, pp. 39–54. (In English)
11. Allitt P. Carlton Hayes and His Critics. *U.S. Catholic Historian*, 1997, vol. 15, no. 3, pp. 23–37. (In English)
12. Gross D. The «New History»: A Note of Reappraisal. *History and Theory*, 1974, vol. 13, no. 1, pp. 53–58. (In English)

13. Robinson J. H. The New History. *Proceedings of the American Philosophical Society*, 1911, vol. 50, no. 199, pp. 179–190. (In English)
14. Hayes C. J. H. A Personal Apology. *Nationalism: A Religion*. Routledge, 2016, 198 p. (In English)
15. Gotsell B. The Oregon School Case: Its Forgotten Benefactors. *American Catholic Studies*, 2020, vol. 131, no. 4, pp. 33–51. (In English)
16. Hayes C. J. H. «Obligations to America». *Commonweal*, 1924, Dec. 31. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=uc1.b000549625&seq=236> (accessed: 20.11.2024). (In English)
17. Van Allen R. The Commonwealth and American Catholicism: the magazine, the movement, the meaning. Fortress Press, 1974, 218 p. (In English)
18. Hayes C. J. H. «Obligations to America». *Commonweal*, 1925, Jan. 7. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=uc1.b000549625&seq=267> (accessed: 20.11.2024). (In English)
19. Hayes C. J. H. «Obligations to America». *Commonweal*, 1925, Jan. 14. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=uc1.b000549625&seq=299> (accessed: 20.11.2024). (In English)
20. Corrin J. P. Catholic Intellectuals and the Challenge of Democracy. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 2002, 584 p. (In English)
21. Kennedy E. Ambassador Carlton J. H. Hayes's Wartime Diplomacy: Making Spain a Haven from Hitler. *Diplomatic History*, 2012, vol. 36, no. 2, pp. 237–260. (In English)
22. Halstead C. R. Historians in Politics: Carlton J. H. Hayes as American Ambassador to Spain 1942–45. *Journal of Contemporary History*, 1975, vol. 10, no. 3, pp. 383–405. (In English)
23. Rossi J. P. Introduction to the transaction edition. *Carlton Joseph Huntley Hayes Nationalism: A Religion*. Routledge, 2016, 196 p. (In English)
24. Hayes C. J. H. Wartime Mission in Spain, 1942–1945. N. Y.: The Macmillan Company, 1945, 353 p. (In English)
25. Hayes C. J. H. Essays on nationalism. N. Y.: Macmillan, 1926, 279 p. (In English)
26. Hayes C. J. H. Nationalism: A Religion. N. Y.: The Macmillan company, 1960, 187 p. (In English)
27. Durkheim E. The elementary forms of religious life: the totemic system in Australia. Émile Durkheim; translated from the French by A. Apollonov and T. Kotelnikova; edited by A. Apollonov. M.: Publishing House «Delo» RANEP, 2018, 736 p. (In Russian)
28. Cavanaugh W. T. The Uses of Idolatry. Oxford University Press, 2024, 504 p. (In English)
29. Cavanaugh W. T. The Myth of Religious Violence. Oxford University Press, 2009, 285 p. (In English)
30. Brubaker R. Grounds for Difference. Harvard University Press, 2015, 219 p. (In English)
31. Koroteeva V. V. Theories of nationalism in foreign social sciences. Moscow: RSUH, 1999, 139 p. (In Russian)
32. Billig M. Banal Nationalism. Sage, 1995, 200 p. (In English)
33. Bell D. A. The Cult of the Nation in France. Harvard University Press, 2003, 320 p. (In English)
34. Llobera J. R. The God of Modernity: The Development of Nationalism in Western Europe. Routledge, 1994, 229 p. (In English)
35. Reiner H. The Web of Religion and Science. Bellah, Giddens, and Habermas. Gorgias Press, 2005, 96 p. (In English)
36. Manis A. M. Civil Religion and National Identity. *The Columbia Guide to Religion in American History (Edited by Paul Harvey and Edward J. Blum)*. Columbia University Press, 2012, 462 p. (In English)
37. Asad T. Secular Translations: Nation-State, Modern Self, and Calculative Reason. Columbia University Press, 2018, 222 p. (In English)
38. Habermas J. Between Naturalism and Religion: Philosophical Essays. Polity, 2008, 361 p. (In English)
39. Balibar É. Secularism and Cosmopolitanism: Critical Hypotheses on Religion and Politics. Translated by David Broder. N. Y.: Columbia University Press, 2018, 249 p. (In English)
40. Nyirkos T. Secular religions: The Key Concepts. Routledge, 2024, 232 p. (In English)

Информация об авторах

Д. А. Михайлов, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и массовых коммуникаций, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия, damihan@yandex.ru

А. В. Леонова, магистрант кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества, Сибирский институт управления, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Новосибирск, Россия, thealeonova@gmail.com

Information about the authors

Dmitriy A. Mikhailov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Sociology and Mass Communications, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia, damihan@yandex.ru

Anastasia V. Leonova, Master's degree student of the Department of International Relations and Humanitarian Cooperation, Siberian Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russia, thealeonova@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 08.02.2025

Одобрена после рецензирования: 10.03.2025

Принята к публикации: 12.03.2025

The article was submitted: 08.02.2025

Approved after reviewing: 10.03.2025

Accepted for publication: 12.03.2025

РАЗДЕЛ IV. ЮБИЛЕИ

PART IV. ANNIVERSARY

Культурно-антропологические исследования. 2025. № 2
Culture and anthropology research journal. 2025. № 2

Научная статья

УДК 902(571)+378(092)Троицкая Т.Н.

Томские коллеги – археологу, педагогу, другу Т. Н. Троицкой

Чёрная Мария Перовна^{1,2}, Плетнева Людмила Михайловна³, Чиндина Людмила Александровна¹

¹Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

²Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

³Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

Аннотация. Статья посвящена научному взаимодействию томской археологической школы с Татьяной Николаевной Троицкой, чей 100-летний юбилей отмечается в 2025 г. С середины 1950-х гг. начался новый – сибирский период в жизни и творчестве Татьяны Николаевны, и уже вскоре она стала приезжать в Томск – старейший университетский город Сибири – для работы с археологическими коллекциями из фондов Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ, что положило начало научным контактам с томскими археологами. По мере погружения в сибирскую тематику, на базе систематических полевых работ в Новосибирской области, взаимодействие с Томском расширялось и крепло, что определялось общим интересом к изучению культур Приобья раннего железного века и Средневековья. В 1980-х гг. Т. Н. Троицкая была постоянным членом оргкомитета Координационного совета по археологическим и этнографическим исследованиям Сибири ТГУ. Наиболее активное научное сотрудничество осуществлялось через участие Т. Н. Троицкой в Западносибирской археолого-этнографической конференции, которая стала проводиться в Томске с 1970 г., за 40 лет (до 2010 г.) она представила интересные, содержательные доклады на десяти ЗСАЭК. Важным направлением взаимодействия стала педагогическая деятельность Т. Н. Троицкой, по учебным пособиям которой учится уже несколько поколений томских студентов. Т. Н. Троицкая по праву вошла в созвездие исследователей сибирских древностей, томские археологи высоко ценят совместную работу с таким замечательным ученым и человеком.

Ключевые слова: Т. Н. Троицкая; 100-летней юбилей; Томск; археология; научное взаимодействие

Для цитирования: Чёрная М. П., Плетнев Л. М., Чиндина Л. А. Томские коллеги – археологу, педагогу, другу Т. Н. Троицкой // Культурно-антропологические исследования. – 2025. – № 2. – С. 93–104.

Scientific article

Tomsk colleagues – to the archaeologist, teacher, friend T. N. Troitskaya

Mariya P. Chernaya^{1,2}, Lyudmila M. Pletneva³, Lyudmila A. Chindina¹

¹National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

²Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia

³Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia

Abstract. The article is devoted to the scientific interaction of the Tomsk archaeological school with Tatyana Nikolaevna Troitskaya, whose 100th anniversary is celebrated in 2025. Since the mid-1950s, a new Siberian period began in the life and work of Tatyana Nikolaevna, and soon she began to come to Tomsk, the oldest university city in Siberia, to work with archaeological collections from the funds of the Museum of Archaeology and Ethnography of Siberia at TSU, which marked the beginning of scientific contacts with Tomsk archaeologists. As she delved into Siberian themes, based on systematic field work in the Novosibirsk region, her interaction with Tomsk expanded and strengthened, which was determined by a common interest in studying the cultures of the Ob region in the early Iron Age and the Middle Ages. In the 1980s, T. N. Troitskaya was a permanent member of the organizing committee of the Coordinating Council for Archaeological and Ethnographic Research of Siberia at TSU. The most active scientific cooperation was carried out through the participation of T. N. Troitskaya in the West Siberian Archaeological and Ethnographic Conference, which began to be held in Tomsk in 1970; over 40 years (until 2010), she presented interesting, informative reports at ten WSAECs. An important area of interaction has become the pedagogical activity of T. N. Troitskaya, whose teaching aids have been used by several generations of Tomsk students. T. N. Troitskaya rightfully entered the constellation of researchers of Siberian antiquities; Tomsk archaeologists highly value their joint work with such a remarkable scientist and person.

Keywords: T. N. Troitskaya; 100th anniversary; Tomsk; archeology; scientific interaction

For citation: Chernaya M. P., Pletneva L. M., Chindina L. A. Tomsk colleagues – to the archaeologist, teacher, friend T. N. Troitskaya. *Culture and anthropology research journal*, 2025, no. 2, pp. 93–104.

В год 100-летнего юбилея Татьяны Николаевны Троицкой нам – томским коллегам-археологам – хочется сказать о тех контактах и взаимодействии, которые связывали Татьяну Николаевну в сибирском периоде ее жизни с Томском.

Переехав в Новосибирск в 1956 г., Т. Н. Троицкая уже с 1957 г. начала проводить в Новосибирской области полевые работы, материалы которых легли в основу ее первых сибирских статей.

Воспитанная на скифских древностях и хорошо их знающая, Т. Н. Троицкая приняла верное решение – начала знакомиться с фондами музеев сибирских городов. В Томск она приезжала часто. К тому времени В. И. Матющенко раскопал Самусьский могильник, часть поселений Самусь I, II и др. Кроме того, обширные фонды Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ позволяли увидеть материалы разных эпох и территорий региона. Татьяна Николаевна очень

внимательно знакомились с коллекциями, с Владимиром Ивановичем они вели долгие беседы. С начала 1960-х гг. и мы, сотрудницы музея (Л. М. Плетнева, Л. А. Чиндина), показывали коллекции, участвовали во «взрослых» беседах.

Занятая активной полевой и научной деятельностью в 1970–1980 гг., Т. Н. Троицкая органично вошла в созвездие исследователей сибирских древностей: А. П. Окладников, А. П. Дульзон, М. П. Грязнов, В. Н. Чернецов, Л. Хлобыстин, В. И. Матющенко, А. И. Мартынов, Г. А. Максименков. Э. Б. Вадецкая, М. Ф. Косарев, С. В. Студзицкая, В. А. Могильников, В. Ф. Генинг и многие другие. Их трудом, умом и волей определились основные направления в сибирской археологии и решались ее проблемы.

Т. Н. Троицкая была постоянным членом рабочего оргкомитета Координационного совета по археологическим и этнографическим исследованиям Сибири, созданного на базе Томского государственного университета и утвержденного Министерством образования в 1981 г., наряду с другими ведущими специалистами (М. Ф. Косаревым, Д. Г. Савиновым, Г. Н. Грачёвой, В. И. Васильевым, В. И. Матющенко и др.). Татьяна Николаевна давала дельные советы и оценки по тематике планируемых форумов, результатам их проведения, публикациям материалов.

Татьяна Николаевна чутко улавливала проблемы текущего времени, что определяло актуальность ее работ, а их опубликовано свыше 250 – статей, монографий, учебных пособий, которые до сих пор остаются востребованными в научно-образовательной среде археологов и историков.

Особая грань таланта Татьяны Николаевны – педагогический дар. Одно из главных богатств, которое она оставила – это ученики. Многие из них пошли в науку и школу. Студенты и аспиранты были ее первой заботой и отвечали ей искренней любовью, старанием, вниманием. Главное, чему учила их Татьяна Николаевна – жизнь.

Много внимания она уделяла школьникам, часть из которых стали ее студентами. Несколько поколений археологов из Новосибирского педагогического института (а также Томского государственного университета и ряда других сибирских вузов) прошли через археологический кружок. Занимаясь со школьниками и студентами, Татьяна Николаевна стремилась пробудить в них интерес к древней истории, истории своего края, подготовить будущих учителей, руководителей археологических кружков в школах.

Для подготовки специалистов Т. Н. Троицкая разрабатывала учебные пособия, часть из них написаны в соавторстве с возмужавшим учеником – А. В. Новиковым. Авторы адресовали пособия студентам-историкам, учителям истории, педагогам дополнительного образования, руководителям археологических кружков, краоведам и специалистам в области охраны памятников истории и культуры.

Остановимся на двух пособиях, освещающих историко-культурное развитие западносибирского региона в контексте всеобщей истории России.

Первое пособие «Археология Западно-Сибирской равнины» [1] значительно дополняет общероссийские вузовские учебники, которые не могут включить в себя все региональные особенности.

Изложенные в пособии основные социально-экономические процессы, происходившие на территории Западно-Сибирской равнины, охватывают несколько тысячелетий: от эпохи палеолита до освоения Сибири русскими землепроходцами. Главным, а часто и единственным источником для их изучения являются археологические исследования. Следуя установке на строгую научность в изложении материала, авторы дали характеристику, в первую очередь, тем степным, лесостепным и южно-таежным культурам, существование которых не подвергается сомнению [1].

Второе пособие «Скифо-сибирский мир» [2], составленное на основе спецкурса Т. Н. Троицкой, имеет не меньшее значение: в нем рассматриваются историко-культурные процессы на широких просторах евразийских степей от среднего Дуная до монгольского Ордоса, упор сделан на характеристику отдельных основных культур скифо-сибирского мира и специфические особенности каждой из них.

Учебное пособие опирается на позицию одного из ведущих исследователей скифо-сибирских культур М. П. Грязнова, считавшего, что феномен скифо-сибирского мира сформировался на основе общих черт в экономике (появление железа, кочевого скотоводства), в социальных отношениях (разложение первобытного строя, сложение военной демократии, начало складывания государственности), мировоззрении и быте населения (появление героического эпоса, скифо-сибирского звериного стиля) [2, с. 3–5].

Авторы обратили особое внимание на некоторые теоретико-методологические вопросы. Указав на существовавшую в скифо-сибирском мире схожесть ряда предметов, нередко до деталей, особенно вооружения, авторы пособия вместе с тем отметили определенную неточность термина, включающего этническую (скифы) и региональную (Сибирь) характеристики, и подчеркнули, что наличие общих черт в материальной культуре на больших пространствах само по себе не уникально, сложившаяся от Дуная до Забайкалья и Центральной Азии культурная общность включала в себя различные народы, на территории обитания которых историко-культурные процессы проходили по-своему. В контексте близости культурных черт скифо-сибирской общности принципиально замечание авторов об устаревшем понимании скифской «триады» (оружие, уздечный набор, звериный стиль), которое уже вскоре после введения термина в 1954 г. было расширено другими схожими чертами, определяемыми одинаковым бытом [2, с. 4–5].

Мы здесь пишем об учебных пособиях, известных каждому сибирскому археологу, потому что, появившись на свет благодаря вдохновению и инициативе Татьяны Николаевны, они по праву занимают достойное место в научной и образовательной историографии и, конечно, потому что по ним учатся студенты сибирских вузов, в том числе томских, и наша благодарность ей за этот труд непреходяща.

Т. Н. Троицкая была активным участником многих конференций, проводившихся в Томске и других городах. В ее докладах всегда была «изюминка», она также включалась в живое обсуждение других докладов. Мы знали – если на заседании присутствует Татьяна Николаевна, значит, будет интересно.

В Томске с подачи А. П. Дульзона зародилась идея проведения конференций с участием лингвистов, археологов, этнографов (1958, 1969 гг.), а с 1970 г. по инициативе В. И. Матющенко наряду с ними стали проводиться археологические, затем археолого-этнографические совещания / конференции с привлечением лингвистов и специалистов по естественным наукам. Обе конференции работают до сих пор: в Томском педагогическом университете – «Дульзоновские чтения» (в 2023 г. состоялась 30-я конференция), в Томском государственном университете – Западносибирские археолого-этнографические конференции (в 2024 г. проведена 19-я).

Особо отметим, что Татьяна Николаевна была постоянным участником Западносибирской археолого-этнографической конференции, начиная с первого совещания, состоявшегося в 1970 г. В соответствии с тематикой совещания (I ЗАС), посвященного проблемам хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири, она выступила с докладом «О культурных связях населения Новосибирского Приобья в XVII–XVI вв. до н. э.». На основе типологического анализа керамики сделан вывод о распространении в это время в лесостепной части Западной Сибири керамики с крестовым штампом, связанной с продвижением сюда с севера угорских племен. В результате «угризации» местного самодийского населения происходит сложение молчановской культуры, в дальнейшем молчановцы проникают в Новосибирское Приобье, что приводит к возникновению завьяловской локальной группы [3, с. 150–163].

Татьяна Николаевна Троицкая приняла участие еще в девяти конференциях, включая XV ЗСАЭК в 2010 г., когда ей было 85 лет, где прозвучал их совместный с А. В. Зубовой доклад об этнокультурной характеристике кулайского могильника Каменный мыс. Авторы пришли к выводу о большей антропологической схожести населения памятника с представителями южной евразийской антропологической формации и более слабым влиянии большебереченской общности на антропологический облик населения Новосибирского варианта кулайской культуры, чем на материальную составляющую [4, с. 83–85].

Эти крайние даты (1970–2010 гг.) объединяют четыре десятилетия активной творческой жизни Т. Н. Троицкой, в течение которых она выросла в маститого ученого, воспитавшего плеяду замечательных учеников, и четыре десятилетия Западносибирской археолого-этнографической конференции, ставшей одним из авторитетных форумов, в развитие которой Татьяна Николаевна внесла несомненный вклад. Доклады Т. Н. Троицкой всегда точно отвечали заданной тематике, в них по существу, содержательно, на конкретных материалах рассматривались заявленные на конференциях проблемы.

На II ЗАС в 1972 г. о проблемах культурной и этнической принадлежности археологических памятников Западной Сибири Т. Н. Троицкая, рассмотрев

особенности курганов Каменного мыса III–II вв. до н. э. и сопроводительного инвентаря, выделила могильник в культуру каменномысского типа и пришла к выводу о возможной его связи с самодийским кругом племен [5, с. 152–160]. Позднее исследовательница эту культуру уже не упоминала.

На III ЗАС 1975 г. по экономике и социальной структуре древнего населения Западной Сибири Т. Н. Троицкая представила результаты исследования скотоводства у лесостепных племен Новосибирского Приобья в I тыс. до н. э. – V в. н. э. Отметив возрастание удельного веса в экономике в целом охоты и рыбной ловли, она выделила три этапа в развитии собственно скотоводства: от примитивного содержания скота в жилых помещениях, к содержанию скота вне помещений, до отгонного скотоводства с содержанием скота вне поселений, а также указала на преобладание крупного и мелкого скота на двух первых этапах и лошадей – на третьем этапе [6, с. 155–165].

На IV ЗСАЭС 1978 г. по особенностям естественно-географической среды и исторических процессов в Западной Сибири Т. Н. Троицкая обратилась к вопросу об особенностях развития пришлых культур в пограничных районах. Указав на разнообразие взаимоотношений населения (от растворения пришельцев в местной среде до более яркого, чем в центральной, проявления черт пришлой культуры в пограничной зоне), исследовательница на археологических материалах Новосибирского Приобья от VII–VI вв. до н. э. до I–II вв. н. э. выделила три повторяющихся фактора: 1) продвижение значительной, скорее, экзогамной группы населения; 2) полное/частичное несовпадение занятий местного и пришлого населения; 3) географическая близость пограничных и центрального ареалов, что позволяло пришельцам на первых порах сохранять привычные хозяйственные занятия [7, с. 76–78].

В рамках тематики VI ЗСАЭС 1984 г. («Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным») Т. Н. Троицкая подвергла анализу кулайский звериный стиль, подчеркнув его отличие от скифо-сибирского. Своеобразие кулайского литья и сюжетов, среди которых, в отличие от скифских, нет сцены терзания, она объяснила особенностями быта и идеологии охотников и рыболовов, для которых значение войны было меньшим, чем в обществе военной демократии [8, с. 150–152].

В докладе на VIII ЗСАЭС 1990 г. по проблемам исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири Т. Н. Троицкая рассмотрела этническую историю населения лесостепного Приобья в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. от большереченской культуры, входившей в состав скифо-сибирского культурно-исторического единства, относившейся преимущественно к индо-иранской языковой группе, далее – к самодийской по происхождению кулайской культуре, состоявшей, по ее мнению, из двух компонентов: собственно кулайского и большереченского. Победа самодийского начала привела к сложению верхнеобской культуры (V–VI – IX–X вв. н. э.), близкой релкинской из Среднего Приобья, но вместе с тем отличающейся по происхождению, этническим компонентам, керамическим комплексам [9, с. 165–168].

На IX ЗСАЭС 1993 г., посвященной изучению культурно-генетических процессов в Западной Сибири, Т. Н. Троицкая обратилась к анализу начала проникновения тюрок в Новосибирское Приобье. На основании материалов могильников Чингис-2, Крохалевка-13, Каменный мыс исследовательница пришла к выводу, что первое эпизодическое проникновение на данную территорию тюрок происходило со второй половины VIII в. и не было столь широким, как в Барабинской лесостепи, где имелись большие возможности для контактов со степным кочевым населением. Лишь в X–XI вв. проникновение нового населения в Новосибирское Приобье стало массовым [10, с. 115–116].

На X ЗСАЭС 1995 г. по методике комплексных исследований культур и народов Западной Сибири Т. Н. Троицкая анализировала основные направления в экономике населения Верхнего и Среднего Приобья второй половины I тыс. н. э. – XVI–XVII вв. во взаимосвязи с экологическими особенностями территории. При наличии условий для развития комплексного хозяйства в Верхнем Приобье с более длительным теплым периодом, безлесными пространствами и богатым разнотравьем главную роль играли производящие отрасли – земледелие и особенно скотоводство. В Среднем Приобье, где основной кормовой базой служила тайга и обская пойма, ведущее место в комплексном хозяйстве занимали присваивающие отрасли – охота и рыболовство, дополненные неприхотливым к кормам коневодством. Такой расклад, обусловленный экологическим контекстом Верхнего и Среднего Приобья, сохранялся и в XVI–XVII вв., что обеспечило определенные различия в хозяйственно-культурном типе проживавшего здесь населения. Поэтому регионы были представлены разными археологическими культурами (рёлкинской и верхнеобской), а позже – различными народностями (селькупы на севере, сибирские татары и тюрки на юге) [11, с. 182–185].

В рамках темы XI ЗСАЭК 1998 г. («Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности: теория, методология, практика») Т. Н. Троицкая рассматривала особенности верхнеобских поселений V–VIII вв. Обратив внимание на наличие лишь единичных мелких косточек в свыше 40 раскопанных жилых и подсобных помещениях, исследовательница сделала вывод о том, что кости убирались с поселений специально. Привлекая этнографические параллели, Т. Н. Троицкая предложила свою реконструкцию некоторых аспектов жизни верхнеобских племен одинцовского и тимирязевского этапов, обитавших в двух типах поселений. Укрепленные городища на высоких террасах функционировали круглогодично, имели постоянные срубные дома, отапливаемые зимой крупными очагами, летом использовались очаги вне жилищ, население занималось отгонной пастьбой скота и земледелием. Временные поселения располагались в лесу, имели удобный проход к реке, здесь занимались рыбной ловлей, охотой, готовили запасы на зиму, каждый сезон сооружали необходимые постройки. При переездах со стационарных и сезонных поселений мусор, в том числе костные остатки, уничтожался, согласно поверьям, для очищения и чтобы через останки духи не наслали порчу на

беспечных хозяев. Этим исследовательница объясняла единичное присутствие костей в культурном слое поселений [12, с. 144–147].

По тематике докладов видно, насколько многопланово подходила Т. Н. Троицкая к разработке проблем историко-культурного развития населения региона, изучению которого она посвятила более 50 лет творческой жизни.

Представляемые в публикациях, докладах результаты предполагают их обсуждение, которое не обходится без полемики, разногласий в оценках и интерпретациях. В научной работе, между нами, также были спорные моменты, например, в воззрениях на кижировскую (шеломокскую) культуру, в определении границ верхнеобской и рёлкинской культур. Дискуссионная составляющая присутствовала и в статье Т. Н. Троицкой по проблеме перехода от кулайской культуры к верхнеобской, в которой дана обобщенная картина процесса слияния носителей большереченской культуры и кулайского населения на базе одинаковой экономики, что приводит к их слиянию к фоминскому этапу в одно целое, с явным преобладанием кулайских черт. Т. Н. Троицкая полемизирует с А. А. Казаковым, считая, что процесс перехода одной культуры в другую происходил не только в Барнаульско-Бийском Приобье, но охватывал всю территорию, где прослеживалась большереченская культура и шло ее слияние с кулайской [13, с. 133–140].

Дискуссии отражают живой процесс развития науки, не дают ей «застояться». Расхождения по ряду научных вопросов не мешали нашему профессиональному взаимодействию, наоборот, сообщали добавочный импульс, заставляли искать дополнительные аргументы. А наше человеческое общение становилось теснее и глубже благодаря общему делу и близости взглядов по основным жизненным постулатам.

Об этом писала сама Татьяна Николаевна в сборнике, посвященном 70-летию Л. А. Чиндиной: «...эти противоречия не мешают нашим хорошим отношениям, я бы сказала дружбе. ... У меня дома висит фотография (рис. 1), на которой мы обнимаемся с Вами... и я говорю своим ученикам, что именно так надо относиться к своим оппонентам» [14, с. 10–11].

Общение с Татьяной Николаевной всегда приносило удовлетворение и радость, а ее заразительный смех заставлял улыбаться всех, даже самых хмурых коллег (например, всегда сдержанного и немногословного В. А. Могильникова).

Она была для нас уважаемым коллегой и добрым другом. И остается в науке и в нашей благодарной памяти увлеченным, плодотворным Ученым, чей вклад в сибирскую историографию неоспорим и значителен, Педагогом, не мыслившим себя без учеников, которым она отдавала не только знания, но вкладывала душу, замечательным Человеком, щедро одаривавшим нас своим добросердечием и жизненной мудростью (рис. 2).

Рис. 1. Т. Н. Троицкая, Л. А. Чиндина 70-е годы XX века

Рис. 2. Т. Н. Троицкая, вместе со своими томскими коллегами: М. П. Черная, Л. А. Чиндина, А. И. Боброва, Л. И. Плетнева, и ее невесткой Л. Петровой

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Троицкая Т. Н., Новиков А. В.** Археология Западно-Сибирской равнины: учебное пособие. – Новосибирск, 2004. – 136 с.
2. **Троицкая Т. Н., Новиков А. В.** Скифо-сибирский мир: учебное пособие для вузов. – Новосибирск: Гео, 2007. – 141 с.
3. **Троицкая Т. Н.** О культурных связях населения Новосибирского Приобья в XVII–XVI вв. до н. э. // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Материалы совещания 25–31 мая 1970 года. – Томск: Изд-во ТГУ, 1970. – С. 150–163.
4. **Троицкая Т. Н., Зубова А. В.** К вопросу о населении кулайского могильника Каменный мыс // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний: Материалы XV Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции. – Томск: Аграф-Пресс, 2010. – С. 83–85.
5. **Троицкая Т. Н.** О культурной принадлежности могильника Каменный мыс // Из истории Сибири. – Вып. 7. – Томск: Изд-во ТГУ, 1973. – С. 152–160.
6. **Троицкая Т. Н.** Развитие скотоводства у племен Новосибирского Приобья I тыс до н. э. – V в. н. э. // Из истории Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1976. – Вып. 21. – С. 155–165.
7. **Троицкая Т. Н.** Один из аспектов связей центральных и пограничных ареалов по археологическим материалам Новосибирского Приобья // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1979. – С. 76–78.
8. **Троицкая Т. Н.** Некоторые вопросы кулайского звериного стиля // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. – Томск: Изд-во ТГУ, 1985. – С. 150–152.

9. **Троицкая Т. Н.** Некоторые вопросы этнической истории лесостепного Приобья // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1990. – С. 165–168.
10. **Троицкая Т. Н.** Начало проникновения тюрков в Новосибирское Приобье // Культурногенетические процессы в Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1993. – С. 115–116.
11. **Троицкая Т. Н.** Верхнее и Среднее Приобье: природа и развитие общества // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири: тезисы докладов. – Томск: Изд-во ТГУ, 1995. – С. 182–185.
12. **Троицкая Т. Н.** Особенности верхнеобских поселений V–VIII вв. // Система обеспечения традиционных обществ в древности и современности. Теория. Методология. Практика: Материалы XI Западносибирской археолого-этнографической конференции. – Томск: Изд-во ТГУ, 1998. – С. 144–147.
13. **Троицкая Т. Н.** К вопросу о переходе от кулайской культуре к верхнеобской // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 1997. – С. 133–140.
14. **Троицкая Т. Н.** Дорогая Людмила Александровна! // Проблемы археологии и истории Северной Евразии. к юбилею Людмилы Александровны Чиндиной. – Томск: Изд-во Аграф-Пресс, 2009. – С. 10–11.

REFERENCES

1. Troitskaya T. N., Novikov A. V. Archaeology of the West Siberian Plain: Textbook. Novosibirsk, 2004, 136 p. (In Russian)
2. Troitskaya T. N., Novikov A. V. Scythian-Siberian world: Textbook for universities Novosibirsk: Geo Publ., 2007, 141 p. (In Russian)
3. Troitskaya T. N. On the cultural ties of the population of the Novosibirsk Ob region in the 17th–16th centuries BC. *Problems of chronology and cultural affiliation of archaeological monuments of Western Siberia. Proceedings of the meeting of May 25–31, 1970.* Tomsk: TSU Publishing House, 1970, pp. 150–163. (In Russian)
4. Troitskaya T. N., Zubova A. V. On the population of the Kulai burial ground Kamenny Mys. *Culture as a system in a historical context: Experience of West Siberian archaeological and ethnographic meetings. Proceedings of the XV International West Siberian archaeological and ethnographic conference.* Tomsk: Agraf-Press Publ., 2010, pp. 83–85. (In Russian)
5. Troitskaya T. N. On the cultural affiliation of the Kamenny Mys burial ground. *From the history of Siberia.* Issue 7. Tomsk: TSU Publishing House, 1973, pp. 152–160. (In Russian)
6. Troitskaya T. N. Development of cattle breeding among the tribes of the Novosibirsk Ob region in the 1st millennium BC – 5th century AD. *From the history of Siberia.* Issue 21. Tomsk: TSU Publishing House, 1976, pp. 155–165. (In Russian)
7. Troitskaya T. N. One of the aspects of the connections of the central and border areas according to the archaeological materials of the Novosibirsk Priobye. *Features of the natural-geographical environment and historical processes in Western Siberia.* Tomsk: TSU Publishing House, 1979, pp. 76–78. (In Russian)
8. Troitskaya T. N. Some issues of the Kulai animal style. *Worldview of the peoples of Western Siberia based on archaeological and ethnographic data.* Tomsk: TSU Publishing House, 1985, pp. 150–152. (In Russian)
9. Troitskaya T. N. Some issues of the ethnic history of the forest-steppe Ob region. *Problems of historical interpretation of archaeological and ethnographic sources of Western Siberia.* Tomsk: TSU Publishing House, 1990, pp. 165–168. (In Russian)
10. Troitskaya T. N. The Beginning of the Penetration of the Turks into the Novosibirsk Ob Region. *Cultural Genetic Processes in Western Siberia.* Tomsk: TSU Publishing House, 1993, pp. 115–116. (In Russian)
11. Troitskaya T. N. Upper and Middle Ob Region: Nature and Development of Society. *Methodology of Complex Studies of Cultures and Peoples of Western Siberia: Abstracts of Reports.* Tomsk: TSU Publishing House, 1995, pp. 182–185. (In Russian)

12. Troitskaya T. N. Features of the Upper Ob settlements of the 5th–8th centuries. *The system of providing traditional societies in ancient times and modern times. Theory. Methodology. Practice. Proceedings of the 11th West Siberian archaeological and ethnographic conference*. Tomsk: TSU Publishing House, 1998, pp. 144–147. (In Russian)
13. Troitskaya T. N. On the issue of the transition from the Kulai culture to the Upper Ob. *Actual problems of ancient and medieval history of Siberia*. Tomsk: Publishing house of Tomsk state university of control systems and radioelectronics, 1997, pp. 133–140. (In Russian)
14. Troitskaya T. N. Dear Lyudmila Aleksandrovna! *Problems of Archaeology and History of Northern Eurasia. On the Anniversary of Lyudmila Aleksandrovna Chindina*. Tomsk: Agraf-Press Publishing House, 2009, pp. 10–11. (In Russian)

Информация об авторах

М. П. Чёрная, доктор исторических наук, заведующая кафедрой, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия; заведующая лабораторией, ведущий научный сотрудник, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, mariakreml@mail.ru

Л. М. Плетнева, доктор исторических наук, профессор, Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия, mila.pletnyova@mail.ru

Л. А. Чиндина, доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, chindina37@mail.ru

Information about the authors

Mariya P. Chernaya, Doctor of Historical Sciences, Head of Department, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia; Head of Laboratory, Leading Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, mariakreml@mail.ru

Lyudmila M. Pletneva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia, mila.pletnyova@mail.ru

Lyudmila A. Chindina, Doctor of Historical Sciences, Professor, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia, chindina37@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 24.01.2025

Одобрена после рецензирования: 24.02.2025

Принята к публикации: 12.03.2025

The article was submitted: 24.01.2025

Approved after reviewing: 24.02.2025

Accepted for publication: 12.03.2025

РАЗДЕЛ V. AD MEMORIAM

PART V. AD MEMORIAM

Культурно-антропологические исследования. 2025. № 2

Culture and anthropology research journal. 2025. № 2

Научная статья

УДК 902(571)+378(092) Троицкая Т.Н.

Мама Сибирской Археологии, о доме, в котором не закрывались двери, и ленте времени в истории

Михайлов Георгий Михайлович¹

¹Школа «Диалог», Новосибирск, Россия

Аннотация. Статья является мемуарами одного из студентов исторического факультета НГПИ конца 70-х годов прошлого века. В воспоминаниях участника археологического кружка под руководством Татьяны Николаевны Троицкой раскрыты различные ее стороны как выдающегося ученого и преподавателя, не только ставшего лидером студенческого археологического коллектива, но и определившего многие современные направления сибирской археологии и ее активной интеграции в образовательную среду. На обширном фактологическом материале и личных воспоминаниях автору удалось достаточно детально отразить как личное обаяние, так и научную харизму Т. Н. Троицкой. Такая мемуаристика любопытна не только в своих подробностях, но и в воспроизведении ушедшего духа времени, когда энтузиасты и профессионалы в образовании и науке закладывали основы для развития современной археологии Сибири. Во многом именно Татьяна Николаевна Троицкая была тем человеком и учителем, который открыл путь в науку многим ныне действующим кандидатам, докторам и даже академикам, которые сегодня продолжают начатые ей археологические исследования на территории Новосибирской области.

Ключевые слова: Т. Н. Троицкая; 100-лет со дня рождения; НГПУ; археология; студенты

Для цитирования: Михайлов Г. М. Мама Сибирской Археологии, о доме, в котором не закрывались двери, и ленте времени в истории // Культурно-антропологические исследования. – 2025. – № 2. – С. 105–112.

The Mother of Siberian Archaeology, about the House in which the Doors did not Close and the Tape of Time in History

Georgy M. Mikhailov¹

¹School Dialog, Novosibirsk, Russia

Abstract. The article is a memoir by one of the students of the historical faculty of the NSPI in the late 70s of the last century. The memoirs of a participant in the archaeological circle led by Tatyana Nikolaevna Troitskaya reveal various aspects of her

as an outstanding scientist and teacher who became not only the leader of the student archaeological team, but also defined many modern trends in Siberian archaeology and its active integration into the educational environment. Based on extensive factual material and personal memoirs, the author managed to reflect in sufficient detail both the personal charm and the scientific charisma of T. N. Troitskaya. Such memoirs are not only interesting in their details, but also a reproduction of the bygone spirit of the time, when enthusiasts and professionals in education and science laid the foundations for the development of modern archeology in Siberia. In many ways, it was Tatiana Nikolaevna Troitskaya who was the person and teacher who opened the way to science for many current candidates, doctors and even academics, who today continue the archaeological research she started in the Novosibirsk region.

Keywords: T. N. Troitskaya; 100th anniversary of her birth; NSPU; archeology; students

For citation: Mikhailov G. M. The Mother of Siberian Archeology, about the house in which the doors did not close and the tape of time in history. *Culture and anthropology research journal*, 2025, no. 2, pp. 105–112.

Однажды, осенью 2024 года, мой старинный товарищ попросил написать свои воспоминания о нашем преподавателе Татьяне Николаевне Троицкой для одного из номеров кафедрального журнала «Культурно-антропологические исследования» НГПУ, который предполагалось издать к 100-летию со дня ее рождения. Передо мной стояли неразрешимые задачи: с одной стороны, что нужно донести до современных студентов-историков о человеке, о котором они и так уже слышали, едва переступив порог нашей alma mater, а с другой – что нового я могу открыть тем, кто учился у нее азам археологической профессии (рис. 1) в многочисленных студенческих экспедициях и школьных кружках. Трудно писать о человеке, которого знают и любят историки не одного поколения 60–90-х гг. XX в., прошедшие стены нашего пединститута. Мне всегда было проще рассказывать о чем-либо или о ком-либо, чем написать несколько строк об этом педагоге и родоначальнике современной школы сибирской археологии, а также создателе уникальной сети детских археологических кружков при школах и домах пионеров. Все эти заслуженные эпитеты относятся к Татьяне Николаевне Троицкой. Если же Алексея Павловича Окладникова многие считают отцом сибирской археологии, то Татьяна Николаевна – это, несомненно, ее *мама*.

Профессиональный путь Т. Н. Троицкой – удивительный и очень показательный. В 1951 году она поступила в аспирантуру Крымского филиала АН СССР по специальности «Археология», которую окончила в 1954 году. Ее научными руководителями были академик Б. А. Рыбаков и кандидат исторических наук П. Н. Шульц. Сфера ее научных интересов как ученого была очень обширна. Она охватывала периоды от эпохи бронзы и до Средневековья. Свои научные исследования Татьяна Николаевна осуществляла не только в Сибири, но и в Крыму и даже в Башкирии. Однако самой излюбленной эпохой, которой она занималась на протяжении жизни, была эпоха раннего железного века («скифское время»).

Параллельно с успешной научной деятельностью Т. Н. Троицкая осуществляла и преподавательскую работу – в НГПУ. Она читала курсы истории Древнего мира, археологии, исторического краеведения, проводила педагогическую, археологическую и музейную практики. Т. Н. Троицкая также читала спецкурсы по археологии Западной Сибири, скифской археологии, этнографии народов Севера, вела подготовку руководителей школьных археологических кружков. Для Татьяны Николаевны было также характерно сочетание научных исследований с работой с детскими краеведческими коллективами. Она основоположник и идейный вдохновитель организации сети археологических кружков и клубов в Новосибирске и Новосибирской области, активный участник Всероссийского общества охраны памятников.

В работе со студентами НГПИ / НГПУ Татьяна Николаевна сформулировала несколько правил преподавателя, которыми всегда руководствовалась. Эти правила состояли из нескольких важных пунктов.

1. Если студенты в чем-то критикуют преподавателя, в этом всегда есть определенное, иногда искаженное, но все-таки зерно правды. Нельзя идти на поводу у студентов, но к их мнению надо непременно прислушиваться и анализировать свои действия.

2. Если у студента и преподавателя возникла конфликтная ситуация, то в ней виноват, прежде всего, преподаватель – тем, что допустил возможность этого.

3. Прежде всего видеть в студенте человека и уважать его.

4. Не студенты существуют для меня, а я для них.

С особой яркостью талант Т. Н. Троицкой как педагога раскрылся в деле организации ее любимого детища – археологического кружка при историческом факультете НГПУ и создания сети археологических кружков при школах и домах пионеров.

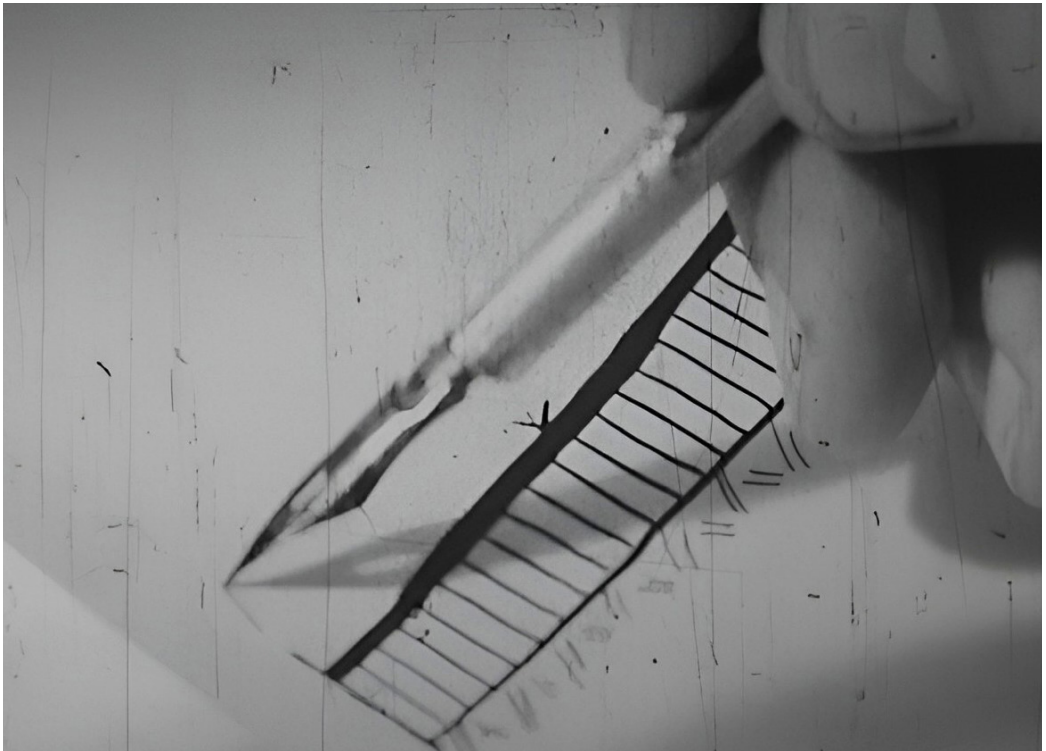
Могу сказать, что мое изучение археологии не ограничивалось прослушиванием курса лекций и участием в летней студенческой археологической экспедиции. Я часто появлялся в стенах археологического кружка. И этому есть документальное подтверждение. На втором курсе я заглянул в лаборантскую к Саше Адамову, Татьяна Николаевна попросила меня помочь в документировании результатов летней экспедиции, а именно калькировании оригиналов полевых чертежей для подготовки полевого отчета (рис. 1).

Рис. 1. Автор по поручению Т. Н. Троицкой работает над подготовкой полевой документации (кабинет археологии НГПИ 1979 г., фото Н. М. Пейновича)

В наше сверхкомпьютеризированное время уже трудно представить, что еще почти полвека тому назад вся археологическая графика делалась исключительно вручную. Калька, туш, линейка со специальным пазиком и ручка с металлическим пером (рис. 2) были основными инструментами для создания чистовых иллюстраций в отчеты и публикации. Как пелось в одной из песен на педагогическую тему того времени: «слышно, как скрипит перышко слегка».

Это было практически священнодействие в формате итогового оформления результатов археологических исследований в письменный источник, пригодный не только для фиксации, но и для продолжения дальнейших научных исследований. В этом формате активное приобщение Татьяной Николаевной Троицкой студентов истфака НГПУ к такой работе не только решало оперативные вопросы подготовки текущих полевых отчетов, но и являлось отличной школой для целой плеяды будущих самостоятельных исследователей сибирской археологии.

*Рис. 2. Подготовка полевой документации в 70–90-х гг.
прошлого века (1979 г. фото Н. М. Пейновича)*

Мое преклонение перед педагогическим талантом Татьяны Николаевны не будет понятно стороннему наблюдателю без тех примеров личного общения с ней в годы обучения в НГПИ и многочисленных последующих посещений ее семейного уголка на ул. Вилюйской, ставшего для многих студентов вторым домом. Одним из таких примеров является сюжет «О бронзовом наконечнике стрелы из Багана».

Когда-то очень давно, еще до поступления в институт, я проживал в небольшом районном центре (р. п. Баган) нашей области на самом юге Сибири. Сразу за околицей начинались бескрайние кулундинские степи, лишь изредка перемежающиеся небольшими березовыми колками. Однажды весной, по моему, классе в восьмом мои школьные друзья принесли с ближайших полей несколько неожиданных находок. Среди них особо выделялся бронзовый наконечник стрелы, тогда показавшийся мне медным. Как любого мальчишку, меня заинтересовал, конечно же, наконечник, и я приложил немало сил, чтобы стать счастливым обладателем этого замечательного артефакта. Прошло несколько лет, и когда я поехал поступать в наш пединститут, этот наконечник я взял с собой, видимо, как путеводный компас будущего историка.

Как сейчас помню, в начале первого семестра после одной из первых лекций по истории Древнего мира и уже начавшихся семинаров по археологии я подо-

шел к Татьяне Николаевне и рассказал об имевшемся у меня артефакте. Она сказала, что это очень интересно и попросила показать эту находку. Троицкая провела приблизительную датировку археологической находки, которая была подтверждена более поздними исследованиями. В результате я подарил этот наконечник стрелы в археологический музей (рис. 3) истфака НГПИ, а в Баганском районе состоялись несколько студенческих археологических экспедиций А. Бородавского, Е. Рудаковой, Н. Рубежанской по раскопкам курганов у с. Большие Луки и разведкам на территории севера Кулундинской степи на границе с Казахстаном. Впоследствии этот наконечник был опубликован в статье [1].

Рис. 3. В археологическом музее НГПИ студенты В. Алексеев и Л. Петрова реставрируют древнюю керамику (1979 г. фото Н. М. Пейновича)

Другой случай можно назвать «О раскопках и мусорных ямах». После окончания первого курса и успешной сдачи летней сессии мне предстояло прохождение практики в археологической экспедиции. К тому времени я уже вовсю занимался своими «сатрапами» – сибирскими генерал-губернаторами у Валентины Вениаминовны Рабцевич. Но археологические приключения оставили заметный след в моей студенческой жизни. Копали мы вместе с Татьяной Николаевной в Колыванском районе у деревни Черный мыс. Места были очень

красивые: откосый обрыв на берегу реки на окраине старинной сибирской деревушки. Наш студенческий археологический лагерь располагался рядом с небольшой начальной школой. Раскоп находился буквально в нескольких метрах от лагеря. Мы начинали первыми копать это место после проведенной весной предварительной разведки. Место нашего раскопа ничем не выделялось на местности и не отличалось от других однообразных на вид близлежащих территорий.

В один из вечеров у костра я вдруг спросил Татьяну Николаевну, как она так точно определяет, где нужно копать. Ответ ее я запомнил на всю жизнь.

«– Копать нужно там, где жил древний человек.

– А как определить, где он жил?

– Ну вот, оглянись вокруг, где мы сидим? На высоком косогоре, внизу протекает река. Давным-давно реки были главными транспортными артериями для древнего человека. Высокое место предполагало отличный обзор окрестностей, спасало при разливах реки и в проливные дожди, рядом плодородные поля и недалеко начинается лес. Вот тут и мог предположительно селиться древний человек. Река – это рыба и транспортный путь, поле – это земледелие, лес рядом – это охота и собирательство. Вот это и есть уникальное место для жизни.

– А дальше, как искать? – спросил я.

– Дальше размышляй, как живший тогда человек, поставь себя на его место, – терпеливо объясняла мне Троицкая. – Вот тут ты живешь, вот тут ты охотишься, рыбачишь, собираешь урожай, занимаешься каким-либо ремеслом. А куда ты потом все эти отходы выбрасываешь?

– Ну, наверное, на свалку – робко предположил я.

– Вот тут мы и копаем, на свалке бывшего древнего человека, жившего много веков назад в Сибири.

Ответ Татьяны Николаевны изначально поставил меня в тупик.

– А как Вы определили, что мы копаем на свалке? – не унимался я.

– Ну, вот смотри, Гера. Вы вчера с Ю. Аристовым и В. Бекасовым нашли на раскопе несколько вещей. Осколки керамики с элементами орнамента, камни, имеющие механические сколы и скорее всего похожие на каменные скребки, и остатки костяных наконечников стрел. Все они найдены вперемешку, в одном культурном слое и неподалеку от остатков древнего кострища. И все это расположено под откосом в сторону реки».

Татьяна Николаевна взяла прутик и начала чертить на земле.

«– Вот тут находятся следы от жилищ древнего человека, тут остатки очага, а тут под откос люди скидывали и сметали остатки своего жизненного цикла. Вот как-то так!».

У одного известного исполнителя русского шансона 90-х есть замечательные слова «...приходите в мой дом, мои двери открыты». Как нельзя лучше эта фраза подходит к атмосфере, царящей в доме у Татьяны Николаевны Троицкой на улице Вилюйской. К ней шли студенты по любому поводу, с любыми вопросами и в любое время суток.

И еще один случай, который врезался в память. В процессе преподавания курса Древнего мира Татьяна Николаевна изложила нам, в конце 1970-х гг., парадоксальную по тем временам теорию *ленты времени*. Суть этой теории не буду излагать подробно, думаю и так все ее знают теперь. Но тогда это был просто универсальный прорыв в методике преподавания курса истории. Позднее, уже в начале XXI в. многие популяризаторы от истории начали подавать эту методику как собственные новаторские методики. Но мы то постоянно ловили себя на ощущении, что мы это уже где-то слышали.

Вот такой она мне запомнилась – Татьяна Николаевна Троицкая – Мама сибирской археологии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Бородовский А. П.** Разведочные работы по среднему течению реки Баян // Новые памятники эпохи металла на среднем Амуре. – Новосибирск, 1987. – С. 120–129.

REFERENCES

1. Borodovsky A. P. Exploration work along the middle reaches of the Bagan River. *New monuments of the Metal Age on the middle Amur*. Novosibirsk, 1987, pp. 120–129. (In Russian)

Информация об авторе

Г. М. Михайлов, советник по безопасности, Школа «Диалог», Новосибирск, Россия, 1960gmm1960@mail.ru

Information about the author

Georgy M. Mikhailov, Security Advisor, Dialog School, Novosibirsk, Russia, 1960gmm1960@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 15.02.2025

Одобрена после рецензирования: 16.03.2025

Принята к публикации: 28.03.2025

The article was submitted: 15.02.2025

Approved after reviewing: 16.03.2025

Accepted for publication: 28.03.2025

Научная статья

УДК 008(479.25)+378(092)Троицкая Т. Н.

Армянская культура в воспоминаниях Т. Н. Троицкой

Широв Арсен Седракович¹, Негодяева Ольга Александровна¹

¹Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

Аннотация. Статья посвящена осмыслению сложного феномена межкультурной коммуникации в Армении в 1930-х годах через призму мировоззрения русской девочки. Авторы статьи сущностно анализируют воспоминания профессора Татьяны Николаевны Троицкой, используя структурно-семиотический подход. Они выделяют и интерпретируют основные концепты, отраженные в мемуарах. Выделены такие концепты культуры повседневности, как дом, транспорт, вещный мир культуры. Особому анализу авторы подвергают процессы репрезентации потока жизни, языковой ситуации, билингвизма межличностных отношений, дружбы и эмоциональной сферы человека.

Ключевые слова: Т. Н. Троицкая. Воспоминания; армянская культура; межкультурная коммуникация; культура повседневности; языковая ситуация

Для цитирования: Широв А. С., Негодяева О. А. Армянская культура в воспоминаниях Т. Н. Троицкой // Культурно-антропологические исследования. – 2025. – № 2. – С. 113–118.

Scientific article

Armenian Culture in the Memoirs of T. N. Troitskaya

Arsen S. Shirov¹, Olga A. Negodyaeva¹

¹Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

Abstract. The article is devoted to comprehending the complex phenomenon of intercultural communication in Armenia in the 1930s through the prism of a Russian girl's worldview. The authors of the article essentially analyze the memoirs of Professor Tatiana Nikolaevna Troitskaya using a structural-semiotic approach. They identify and interpret the main concepts reflected in the memoirs. Such concepts of the culture of everyday life as home, transport, thing world of culture are highlighted. The authors subject to special analysis the processes of representation of the flow of life, language situation, bilingualism of interpersonal relations, friendship and emotional sphere of a person.

Keywords: T. N. Troitskaya. Memories; Armenian culture; intercultural communication; culture of everyday life; language situation

For citation: Shirov A. S., Negodyaeva O. A. Armenian culture in the memoirs of T. N. Troitskaya. *Culture and anthropology research journal*, 2025, no. 2, pp. 113–118.

Татьяна Николаевна Троицкая – доктор исторических наук, профессор – основатель археологической школы Сибири, из которой вышли ака-

демик В. И. Молодин, 4 доктора исторических наук (В. И. Соболев, В. А. Зах, А. В. Матвеев, А. П. Бородовский) и 20 кандидатов исторических наук. Она расширила возможности археологии, открывая новые археологические памятники на территории Сибири, и рассмотрела их как культурные тексты, которые являются источниками для реконструкции образа жизни древнего человека, его духовного мира и ментальных характеристик [2; 3; 4]. Заслуги Татьяны Николаевны перед высшей школой и гуманитарной наукой отмечены медалью ордена за заслуги перед Отечеством II степени, знаком «За отличные успехи в работе», званиями «Отличник просвещения СССР» и «Заслуженный работник высшей школы РФ».

Татьяна Николаевна Троицкая – человек, особенно памятный для Института гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета, чьи дела излучали свет просвещения, советский и российский ученый-археолог, без вклада которой не был бы достигнут уровень развития археологии в Сибири, имеющийся на данный момент. Многочисленные работы Троицкой смогли сделать Сибирь одним из центров археологических исследований, ею была основана новосибирская археологическая школа. Поэтому Т. Н. Троицкая – одна из замечательных людей, положивших свою жизнь на алтарь науки, человек, для которого важны были люди и связь между ними.

Работы Троицкой не ограничиваются сферой археологии. Любопытной и интересной для анализа является автобиографическая книга Троицкой «Армения глазами русской девчонки (тридцатые годы двадцатого века)», в которой раскрывается тема концептов армянской культуры, воспринятых человеком, являющимся носителем русской культуры.

Армянская культура, как и любая другая культура, в своей основе имеет культурные константы (концепты, сохраняющиеся в течение многих столетий в культуре, такие как человек, время, пространство, дом, свой – чужой, мужское – женское и т. д.), которые в свою очередь являются структурными элементами в системе культуры. Одна из особенностей концептов культуры заключается в том, что концепт ориентирован на сознание человека, на его чувственную часть. Концепт, с одной стороны, входит в ментальный мир человека, а с другой – благодаря концепту сам человек входит в культуру и познает ее. Термин *концепт* многослоен: сложная структура возникла по причине того, что термин включает в себя ряд ассоциативных представлений о культурных явлениях. Поэтому существуют концепты по-разному и по-разному реальны для людей той или иной культуры. В актуальном, «верхнем», слое концепт воспринимается всеми носителями языка данной культуры как средство коммуникации и взаимопонимания.

В мемуарах мы можем наблюдать рассуждение о структурах памяти, о том, как память сохраняет и отбирает все самое лучшее. Татьяна Николаевна явила пример активного использования интернета, когда он только появился, и она сама это оценивает как элемент самосовершенствования в потоке быстро изменяющейся жизни.

Книга Татьяны Николаевны может послужить путеводителем по культуре повседневности. Она рассказывает о том, как был устроен мир ребенка, с его расширяющимися концентриками: дом – двор – сад – школа – окрестности, в которых социализировались дети в 1930-е годы в Армении.

Она подробно описывает убранство квартиры, взглядом археолога анализирует вещи, например, ковры, примусы, керосинки, активно использовавшиеся в быту того времени; выделяет функции вещей: прагматические и символические.

Татьяна Николаевна анализирует мир пищи, которая в то время была не очень богатой. Она рассказывает о фруктах, овощах, подробно вспоминает вкус армянского сыра, вкус мацони, который в детстве сильно отличался от современного. По тексту можно выявить и модели маркетинга, связанного с продвижением новой еды – соуса майонез, который активно продвигался в то время по всему Советскому Союзу.

Как в настоящем учебнике о культуре повседневности, она рассказывает о праздниках – семейных, национальных, играх, в которые играли она и ее сверстники. В описании этих ситуаций явно прослеживаются мотивы обрядов инициации, преодоление границ между своими и чужими.

Интересными являются воспоминания о семье, об отношениях отца и матери, взрослых и детей: это отношения добра, уважения, но в то же время подчеркиваются элементы правил, требований, запретов, которые обязательно надо было выполнять детям. Так, Татьяна Николаевна говорит о том, что умение и желание читать было воспитано именно в семье, вся обстановка в доме способствовала выработке читательской компетенции, умению анализировать информацию, классифицировать ее, обдумывать и подвергать анализу.

Можно обнаружить, что в мемуарах представлен актуальный слой концептов, который охватывает все сферы жизни, начиная от бинарной оппозиции «мужское – женское», заканчивая особенностями игр детей на Кавказе. Особый интерес представляют концепты, посвященные армянскому языку, так как сам язык является культурой, а культура – языком. Татьяна Николаевна овладела армянским алфавитом, впоследствии смогла свободно общаться на армянском, однако, как мы можем прочесть в книге: «Я проводила много времени во дворе и свободно говорила на армянском языке, думала же я все-таки на русском» [1, с. 78–79]. В мемуарах подробно анализируются модели поведения взрослых и детей, например, гендерного поведения мужчин и женщин. Татьяна Николаевна приводит очень интересный пример, о том, что очередь в магазин и на рынок была мужская и женская, и мама Татьяны Николаевны из окна смотрела, какая очередь короче, чтобы послать в магазин дочь или сына.

Важно отметить, что, освоив язык даже на актуальном уровне концептов, можно утверждать, что человек сможет войти в культуру, чей язык он освоил. Подтвердить этот тезис можно следующим образом: Троицкая, по своим ощущениям, в тот период освоила армянский язык «внезапно» и таким же образом утратила способность бегло разговаривать на нем. Это можно было бы объяснить сменой языковой среды, о чем пишет сама Татьяна Николаевна, но

на последних страницах книги Троицкая рассказывает о случае, когда спустя много лет она с удивлением для себя вспомнила армянский язык при диалоге с армянами. Причем, как она отмечала, прежде всего вспоминала элементы актуального уровня концептов армянской культуры, которые были интегрированы в ее ментальный мир десятки лет назад: «И прежде всего у меня всплыли дразнилки и считалки, оказалось, что они продолжают сохраняться и сейчас. <...> Вспомнила и слова “Интернационала”, и строки из эпоса о Давиде Сасунском, и страницы из букваря» [1, с. 123].

Кроме того, стоит заметить, что работа Т. Н. Троицкой является особенным источником индивидуальной памяти, который включает в себе различные сведения об армянской культуре. В книге представлен срез армянского социума человеком, который жил внутри этого социума. Несмотря на то что в книге описываются события периода 1930-х гг. XX в., читатель может понять для себя, что его знакомят с проявлениями многовековой культуры армянского супер-этноса. Выше были затронуты концепты актуального уровня армянского языка, однако не только языковые концепты армянской культуры представляют интерес при анализе данной работы. Троицкая описывает географическую и природную особенности расположения места проживания армянского народа, которые стали ключевыми факторами в формировании картины мира армян, а именно частая изменчивость погоды и высокая тектоническая активность. Резюмируя эти факторы, посредством описания своих жизненных ситуаций, в которых они проявлялись, Троицкая пишет: «Совершенно очевидно, что человек, выросший в подобных природных условиях, не может иметь спокойный, уравновешенный характер и отличается определенной эмоциональностью» [1, с. 114]. Чрезвычайно важным для современного читателя являются воспоминания о негласных этических запретах. Это жесткий запрет на обман родителей, запрет ходить к реке, ходить босиком и лазить на деревья соседей за фруктами. Между детьми тоже существовали неписанные правила: не показывать страх, оказывать помощь друзьям и близким, избегать буллинга.

С этим отрывком связан эпизод книги, где описывается отношение к страху среди армян. По причине перечисленных географических и климатических условий на территориях Закавказья, где проживали армяне и предки армян, была сформирована определенная аксиологическая система в армянском социуме, четко были дифференцированы паттерны поведения в различных жизненных ситуациях. Проявление этой системы будет представлено читателю в отрывке о детском коллективе, в котором активно участвовала юная Татьяна Николаевна: «Помню, я один раз при гамбарятах очень сильно в кровь ободрала о камни колени (потом меня даже врач от школы освободил). Хотела заплакать, но, увидев любопытные взоры гамбарят, не стала этого делать, вместе пошли ко мне домой. <...> И именно этот момент был у меня переломным, я как-то раз и навсегда разучилась плакать» [1, с. 84–85].

Однако не следует считать, что окружающие условия повлияли только на отношение армян к страху и боли, они также повлияли на проявление радости

и счастья. Если брать во внимание детский коллектив, в котором росла Троицкая, то все они любили активно и громко играть. Татьяна Николаевна пишет о большой любви армянского народа к танцам: на период 30-х гг. XX в. в Армении любили танцевать все – взрослые и дети. Отдельную радость для армян представляли демонстрации и шествия. Троицкая пишет: «Я участвовала в них в Ереване, и в Крыму, и в Сибири и могу определенно сказать, что самые бурные шествия я видела именно в Армении. И таких громогласных криков “У-р-р-р-а!”, раздающихся по любому поводу и без всяких поводов, я больше нигде не слышала» [1, с. 114].

Кроме танцев, еще одним излюбленным досугом армян в том же периоде были анекдоты и ребусы. И армяне, по словам Троицкой, были настоящими мастерами по части придумывания и составления подобных забав: «У меня создалось впечатление, что их очень часто рассказывали. Во всяком случае, значительно чаще, чем в России. <...> Тоже самое получилось и с остроумными ребусами. Их очень часто в Армении, даже и русские, загадывали друг другу и дружно хохотали, а в России, по крайней мере, как мне это помнится, не было привычным рассказывать остроумные загадки» [1, с. 114–115].

Мемуары Татьяна Николаевны являются и подробным путеводителем по языковой ситуации, которая сложилась в Армении в тот период. Она отмечает, что существовало много интернациональных семей, армяне всегда говорили на русском языке, хорошо его знали, то есть она описывает ситуацию билингвизма, анализирует специфику фонетической системы армянского языка с точки зрения носителя русского языка, вспоминает варианты фонетические, морфологические. Она рассказывает и о языковой ситуации, языковом положении русского языка и русских людей в Армении, характеризует их как отношения добрососедства, дружбы, взаимопомощи.

Эти отношения и вся книга окрашены в солнечный свет детства.

Книга Татьяны Николаевны Троицкой по сути является уникальным сборником культурных сведений не только об армянах, о природе Армении, о культуре армян, которая сможет познакомить с повседневностью людей в 30-х гг. XX в. в Армении, с культурой одного из древнейших народов, населявших территории Закавказья, также книга снабжена фотоматериалами, иллюстрирующими, например, архитектуру и урбанистку Еревана. Кроме того, текст книги уникален и тем, что он дублирован на двух языках – русском и армянском. Но не стоит забывать, что книга является автобиографической, а также не претендует на объективность сказанного, о чем пишет сама Татьяна Николаевна: «Еще раз хочется предупредить, что все написанное мною является лишь впечатлением русской девчонки. Я сама не была в Армении уже значительно более семидесяти лет. Поэтому я ни в коем случае не могу считать все эти мои высказывания объективными» [1, с. 110].

В заключение следует сказать, что данная работа является не только прекрасным представителем жанра мемуарной литературы, но и ценным дополнением к археологическим трудам Татьяны Николаевны Троицкой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Троицкая Т. Н.** Армения глазами русской девчонки (тридцатые годы двадцатого века). – Тюмень: Печатник, 2014. – 132 с.
2. **Троицкая Т. Н.** Мое призвание / ред., вступ. ст. О. Н. Катионова. – Новосибирск: НГПУ, 2010. – 88 с.
3. **Троицкая Т. Н.** Мой путь педагога / отв. ред. В. С. Елагин. – Новосибирск: НГПУ, 2014. – 62 с.
4. **Троицкая Т. Н.** Музей глазами археолога. – Новосибирск: Ярус, 2013. – 59 с.

REFERENCES

1. Troitskaya T. N. Armenia through the eyes of a Russian girl (thirties of the twentieth century). Tyumen: Pechatnik Publ., 2014, 132 p.
2. Troitskaya T. N. My Vocation / ed. by O. N. Katsionov. Novosibirsk: NSPU Publ., 2010, 88 p.
3. Troitskaya T. N. My way of a teacher / ed. by V. S. Elagin. Novosibirsk: NSPU Publ., 2014, 62 p.
4. Troitskaya T. N. Museum through the eyes of an archaeologist. Novosibirsk: Yarus Publ., 2013, 59 p.

Информация об авторах

А. С. Широ́в, бакалавр, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, enotya2004@mail.ru

О. А. Негодяева, магистр культурологии, ассистент, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, ol.negodyaewa@yandex.ru

Information about authors

Arsen S. Shirov, bachelor, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, enotya2004@mail.ru

Olga A. Negodyaeva, Master in Cultural Studies, Assistant, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, ol.negodyaewa@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 15.02.2025

Одобрена после рецензирования: 24.03.2025

Принята к публикации: 30.03.2025

The article was submitted: 15.02.2025

Approved after reviewing: 24.03.2025

Accepted for publication: 30.03.2025

Научная статья
УДК 008+378(092) Троицкая Т.Н.

**«Дом ведь ничтожен, коль нет в нем множества лишних
предметов...»: к истории вещного мира Т. Н. Троицкой**

Тихомирова Елена Евгеньевна¹

¹Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

Аннотация. Изучение жизненного мира человека связано с осмыслением повседневности через призму структурно-семиотического и аксиологического анализа бинарных оппозиций праздничного и повседневного, обыденного и уникального (событийного), сингулярного и множественного пластов культуры. Одной из важных составляющих повседневности являются вещи, которые определяются как предметы материальной действительности, обладающие относительной независимостью и устойчивостью существования, они созданы человеком прежде всего для выполнения утилитарной функции. Для вещей, как и для культуры в целом, характерен дуализм, ведь вещь бифункциональна по своей природе, она может удовлетворить как материальные потребности человека, так и духовные, то есть обладает материальным и семиотико-информационным бытием.

С этой точки зрения в статье делается попытка проанализировать некоторые вещи, принадлежавшие археологу, профессору, педагогу Татьяне Николаевне Троицкой, которая большую часть жизни посвятила преподаванию в Новосибирском государственном педагогическом университете.

Ключевые слова: Т. Н. Троицкая; культура повседневности; память; вещь в культуре; символическое значение

Для цитирования: Тихомирова Е. Е. «Дом ведь ничтожен, коль нет в нем множества лишних предметов...»: к истории вещного мира Т. Н. Троицкой // Культурно-антропологические исследования. – 2025. – № 2. – С. 119–129.

Scientific article

**“A House is nothing if it does not have a lot of Unnecessary
Objects...”: to the History of the World of things by T. N. Troitskaya**

Elena E. Tikhomirova¹

¹Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

Abstract. The study of the human lifeworld is connected with the comprehension of everyday life through the prism of structural-semiotic and axiological analysis of binary oppositions of festive and everyday, ordinary and unique (event), singular and multiple layers of culture. One of the important components of everyday life are things, which are defined as objects of material reality, possessing relative independence and stability of existence, they are created by man primarily to fulfill the utilitarian function. Things, as well as culture in general, are characterized by dualism, because a thing is bifunctional by nature, it can satisfy both material and spiritual needs of a person, i.e. it has

both material and semiotic-informational existence. From this point of view, the article attempts to analyze some things that belonged to archaeologist, professor, teacher Tati-ana Nikolaevna Troitskaya, who spent most of her life teaching at the Novosibirsk State Pedagogical University.

Keywords: T. N. Troitskaya; culture of everyday life; memory; thing in culture; sym- bolic meaning

For citation: Tikhomirova E. E. "A house is nothing if it does not have a lot of unnec- essary objects...": to the history of the world of things by T. N. Troitskaya. *Culture and anthropology research journal*, 2025, no. 2, pp. 119–129.

Отмечая 100-летний юбилей необыкновенного человека – археолога, про- фессора, педагога Татьяны Николаевны Троицкой, которая большую часть жизни посвятила преподаванию в Новосибирском государственном педагогиче- ском университете, невольно вспоминаешь встречи не только в академической обстановке на научных конференциях, заседаниях кафедры, но и в неформаль- ной обстановке личных встреч в домашнем пространстве, в доме, в квартире Татьяны Николаевны Троицкой.

Когда я впервые, будучи еще ассистентом только отрывшейся кафедры истории мировой культуры, пришла к Татьяне Николаевне домой и принес- ла документы заседания кафедры по просьбе тогда заведующей кафедрой Людмилы Ивановны Дрёмовой, я была поражена огромной домашней библи- отекой. Хотя я видела много домашних библиотек, которые были традици- онными, обычными, привычными в советской культуре, я отметила про себя, что огромные, до потолка, стеллажи занимали прихожую, коридор, кабинет Татьяны Николаевны. Эти стеллажи содержали не только специализированную литературу по археологии, истории Сибири, культурной антропологии и этно- логии народов Сибири, но и множество художественной литературы. Именно тогда, в первую встречу, Татьяна Николаевна мне как преподавателю древних языков подарила сборник стихов великого латинского поэта I века до нашей эры Горация издательства «Академия» 1936 года (рис. 1). Далее последовал рассказ об истории этого сборника. По ее воспоминаниям, эту книгу вывезли из блокадного Ленинграда как реликвию, глубоко личную, любимую вещь. Кто из родственников или близких сохранил эту книгу, в рассказе было не очень ясно, или скрылось в лабиринтах моей памяти. Но с тех пор я всегда с большим трепетом показываю эту книгу студентам как мемориальную вещь, символ высокого духа, победы духовного над материальным.

Эта книга – билингва, то есть на одной странице стихотворения напеча- таны на латинском языке, а на соседней странице представлен перевод на рус- ский. В приложении даны переводы самого известного стихотворения Горация «Памятник» на русский язык многими русскими поэтами. Этот сборник для меня приобрел особую ценность, потому что на нем есть автограф Татьяны Николаевны. Будучи историком по образованию, она знала латинский и гре- ческий языки и могла прокомментировать, интерпретировать переводы не только в области археологии вещей, но и в области археологии духа. В заголовок данной статьи вынесены слова Горация: «Дом ведь ничтожен, коль нет в нем

множества лишних предметов...», и это связано как раз с историей появления этой книги в моей домашней библиотеке и в практике проведения уникальных коммеморативных событий на кафедре теории, истории культуры и музеологии Новосибирского государственного педагогического университета.

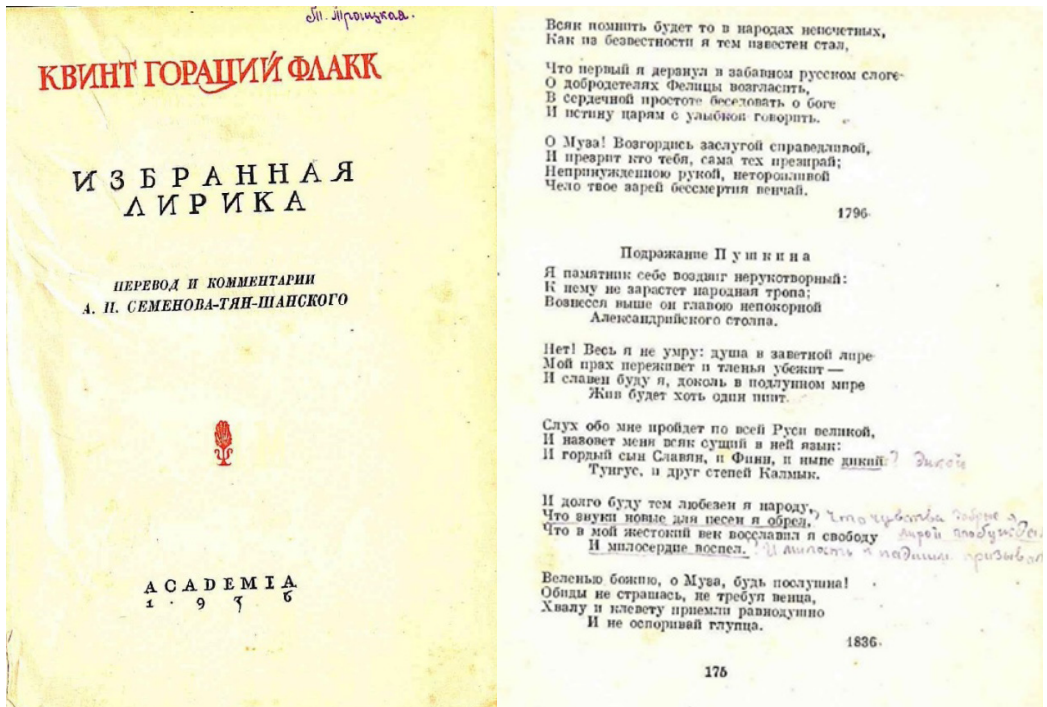

Рис. 1. Книга Горация с автографом Т. Н. Троицкой

Другая вещь, попавшая ко мне неизведанными путями и много лет принадлежавшая Т. Н. Троицкой, – набор увеличительных стекол (рис. 2).

Это набор из шести увеличительных стекол: все стекла закреплены на элегантных ручках, стилизованных под старинные приборы. Стекла помещены в общую коробочку с бархатным основанием и прозрачной крышкой. Одно из увеличительных стекол имеет потертости на ручке. Вероятно, именно этим стеклом Татьяна Николаевна пользовалась чаще всего. Глядя на него и через него, мы размышляем о жизни женщины в большой науке и представляем, как она работала с мелкими деталями, увеличивала изображение в книгах, альбомах, на раскопе. Конечно, это увеличительное стекло имеет и символическое значение, оно улучшало четкость и ясность не только при выявлении особенностей артефактов, при определении возраста материалов, их происхождении (например, на древних фрагментах керамики). Но эта лупа определяла также и подлинность человеческих отношений, подлинность красоты, через нее чудесным образом преломлялся мир науки, образования и человеческой сферы.

Рис. 2. Набор увеличительных стекол, принадлежавших Т. Н. Троицкой

Воспоминания о вещном мире Т. Н. Троицкой навели и на некоторые теоретические размышления о вещи в системе культуры.

В каждую вещь, создаваемую или приобретаемую им, человек может вкладывать определенный смысл, в свою очередь вещь также может оказывать на человека культуроформирующее воздействие. Вещь, не имеющая смысла, просто материал, материя становится шарфом, только если ее назовут так и используют для определенной цели. Повседневные вещи выполняют прежде всего утилитарную функцию, затем – знаковую. Человек, ежедневно и непрерывно обитая в мире многообразия вещей, созданных им, является последним, кто понимает этот мир. При этом человек постоянно находится в поиске и формировании себя и своего мира, наделяя окружающее его пространство смыслами и знаками [5, с. 28]. Это вполне логично, ведь поведение человека всегда приводит к созданию каких-либо материальных объектов. Для создания этих объектов человек приобретает огромное количество навыков и умений, изменяя состояние и форму существующих в природе материалов, чтобы изготовить вещь, которая несла бы определенную унитарную или знаковую нагрузку. Поэтому существует интерес к материальной культуре, которая выражается через вещи. Однако отметим, что этот интерес не постоянный, всплеск исследований вопроса, как правило, вызывается определенными событиями в общественной жизни, обычно имеющими высокий общественный резонанс.

В конце XX – начале XXI в. отмечается оживление исследований, касающихся вопросов материальной культуры. Меняется взгляд исследователей и обычных людей на вещественный мир. Если раньше вещи воспринимались как нечто самоценное и изолированное, т. е. их не рассматривали в контексте порождающей и использующей их культуры, то сегодня подход к изучению вещей основан на их системном семиотическом анализе. Основные концепции вещи были изложены в работах Р. Барта, М. Фуко, Ж. Бодрийяра [1; 2]. Большим числом исследователей, в частности Ю. М. Лотманом, Г. С. Кнабе, признано, что культуру весьма условно можно делить на «на мир фактов и мир знаков» [4; 6].

При этом данное разделение не является полным, так как существуют объекты, которые занимают промежуточное значение, это объекты, созданные человеком, и прежде всего это вещи. Вслед за М. Эпштейном, создавшим

новую науку – *реологию*, науку о символических смыслах вещей (по-латински вещь – *res*), отойдем от отождествления понятий «вещь» и «предмет». Поскольку предмет может превратиться в вещь только в случае, если в него будет вложен смысл и произойдет ментальное его освоение и присвоение. Этот процесс можно сравнить с превращением индивидуальности в личность в ходе своего самосознания, самоопределения, напряженного саморазвития [14, с. 21]. «Вещь – феномен, который благодаря своей способности аккумулировать в себе традиции, социально-психологические установки, эстетические запросы приобретает аксиологическое звучание», поэтому так важна семиотика вещи, ведь ценности быта и ценности бытия – вот два основных модуса культуры [13, с. 39].

Специфика вещей и их большая важность для человека заключаются в том, что ими может быть одновременно представлена и повседневность человека, и уникальность, к которой он стремится. Вещь бифункциональна по своей природе, она может удовлетворить как материальные потребности человека, так и духовные. Одним словом, вещи – это уникальные артефакты, созданные человеком, которые в свою очередь создают мир, в котором существует человек. Вещи и люди существуют «непосредственно в трехмерном физическом пространстве повседневности, именно оно наполнено предметами и доступно непосредственному практическому освоению каждый день. С физическим пространством связано перцептуальное пространство повседневности, воспринимаемое органами чувств, и концептуальное пространство, наполненное смыслами» [3, с. 28].

В этих пространствах вещи существуют в абсолютной привязанности к человеку, они несут какую-либо информацию только в том случае, если люди ее вкладывают в них, в противном случае это уже не вещь – это просто материал или группа материалов, например, отрез ткани станет шарфом, только если человек его так назовет, и наматает на шею, в противном случае, это все тот же отрез ткани. Говоря словами В. Н. Топорова, «вещь немыслима вне определенного социокультурного контекста, она не имеет ровно никакого смысла за рамками породившей ее культуры и, более того, вещь без человека никому и ни для чего не нужна» [11, с. 54].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что повседневная вещь обладает как материальным, так и семиотико-информационным бытием. Преобразование вещей и знаков в целое и образование их смыслов напрямую связано с процессами человеческой коммуникации. Именно данная связь, точнее ее сложность, обуславливает множественность уровней смыслополагания. В символическом языке вещей можно условно выделить три уровня знаков и смыслов: универсальные смыслы и значения вещей; уникальные микроконтексты бытования символических значений вещи; знаки и символы локальных культур, заключенные в вещах. Отметим, что такое деление вводит вещь непосредственно в семиотику.

Так, в структуре знака первого порядка любой предмет повседневности, прежде всего вещь, несущая свои функции, внешний вид этой вещи соотносится с каким-либо действием, осуществляемым данной вещью или при ее

участии. Так, видя тарелку, человек, безусловно соотносит ее с процессом поглощения пищи. Однако после этого этапа появляется знак второго порядка, который позволяет установить социокультурную принадлежность владельца вещи, например, если тарелка из фарфора, то ее владелец безусловно человек обеспеченный, глиняная тарелка говорит об обратном. Кроме того, существует и знак третьего порядка, так, любая повседневная вещь является знаком определенной национально-исторической культуры.

Как правило, при изучении вещи исходят из того, что каждая вещь создается исходя из необходимости удовлетворения каких-либо запросов человека через ряд функций. Функциональный подход к изучению вещей дает возможность в полной мере постичь социальные и культурные смыслы вещи, выявив ряд ее функций. В научной литературе выделяют следующие функции вещей:

- прагматическая функция – самая древняя и распространенная функция вещи, при ее создании решался прежде всего вопрос практического применения;

- знаковую функцию вещь приобретает только тогда, когда она получает некие ценностные характеристики и передает определенные значения, существенные для культуры;

- эстетическая функция заключается в оценивании вещей не только как объекта удовлетворения ежедневных потребностей посредством очерченного круга функций, но и по красоте. Здесь следует подчеркнуть, что в традиционной культуре любой вещи наряду с утилитарной функцией старались придать эстетическую, вспомним хотя бы вышитые рушники, которые в принципе несли свою функцию и просто в роли отреза ткани, но украшенные богатой вышивкой становились красивыми, кроме того в эстетическую функцию часто включается знаковая: так, у каждой семьи был свой вышиваемый узор;

- игровую функцию несут строго определенные вещи или в определенных ситуациях. Прежде всего ее несут детские игрушки, также сюда относится бутафория и некоторые ритуальные предметы. Обозначим главное отличие игры: в ней вещь не несет утилитарного назначения, даже в том случае если в игре используется реальный предмет или его прототип, и он «понарошку» реализует утилитарную функцию (ребенок раскатывает скалкой несуществующее тесто). Самым известным очевидным предметом с игровой функцией с древнейших времен являются куклы [8];

- духовная функция наиболее специфическая, ее выполняют преимущественно объекты архитектуры и декоративно-прикладного искусства, вещь в этом случае – вместилище духовного смысла, в случае если вещь при этом несет знаковую функцию, то говорят о сосуществовании повседневной и высокой культуры.

Таким образом, любую вещь можно охарактеризовать как «сгусток» многих идеальных и овеществленных смыслов, функций и процессов, вещь не только часть культуры и окружающего человека мира, но и результат деятельности субъектов культуры, а также продукт требований социально-экономической системы. Это уже способность выражать «общественные нормы», а значит вещь

становится «знаком», в этом случае семиотический (культурный) смысл вещи надстраивается над ее утилитарным значением.

С. Т. Махлина также указывает на то, что «вещи, используемые человеком для ведения повседневного домашнего быта, приобретают, помимо и сверх их утилитарного назначения, функцию выражения определенного космологически цельного мировоззрения» [7, с. 127]. Строительство дома и последующее наполнение его вещами – это по сути одомашнивание вещей и опыта общества в целом и семьи в частности, происходит своего рода народное курирование, посредством чего предметы назначаются местам в доме. То есть в каждом доме все предметы и их расположение в пространстве не просто не случайно, но и представляют собой непростую, часто четко выверенную систему. И эта система, и вещи в ней несут смысл (в спальне кровать, на кухне плита), кроме того непреложный факт, что любая вещь, особенно повседневная, по большей части создавалась прежде всего для удобства человека [15, с. 76].

В культуре постмодернизма, а также в посткультуре о понятии удобства часто забывают, трендовые вещи, возглавляющие *мэйнстрим*, часто несут больше эстетическую или знаковую функцию, откинув утилитарную на второй план. Такая ситуация стала вдохновляющей для ряда художников, призывающих людей относиться к вещам проще и напоминающих, что прежде всего вещи создавались для того, чтобы «помогать» человеку делать свою повседневность удобнее. Так, широкую известность получил проект греческого дизайнера Кэтрини Кампрани «The Uncomfortable», в котором многие предметы повседневного быта человека превращаются в нефункционирующие вещи, которые намеренно сконструированы таким образом, чтобы ими или вообще невозможно было воспользоваться, или использование их причиняло очень большие неудобства [9].

Отметим также, что любой вещественный предмет (т. е. знаковая единица повседневной культуры) одновременно заключает в себе не только конкретный набор функций, но и достаточно конкретный смысл. При этом важно отметить, что набор функций есть внешнее проявление свойств вещи, а внутреннее – ее содержание, и часто оно формируется исходя из функциональности. Поэтому в контексте культуры повседневности нельзя взаимозаменять эти понятия, как и нельзя взаимозаменять понятия *смысл* и *значение*. «Понятие *смысл* имеет достаточное количество определений, в то время как понятие *значение* определяется примерно одинаково. Значение трактуется как постоянная данность, его можно устанавливать и затем знать, а смысл – нечто изменчивое, нерегламентированное, и именно поэтому его приходится искать, выделять, улавливать, разгадывать и т. п. Знак может наполняться разными смыслами при сохранении своего значения» [10, с. 23]. Говоря о шапке, мы понимаем, что это головной убор, чтобы защититься от холода, это в целом. Если спросить конкретного человека о том, что такое шапка, респонденты дадут различные ответы, как раз потому что они вложили в него свой смысл.

Возвращаясь к смыслу, который, как было установлено выше, несет каждая вещь исходя из ее функций, то он «формируется индивидами и коллективами в процессе освоения действительности и коммуникации с окружением, эти

смыслы принято называть культурными смыслами» и рассматривать их в контексте общекультурных проблем, они могут иметь многообразное значение и изучаются семантикой [10, с. 24].

Так что же такое *вещи*, если рассматривать этот термин с точки зрения культуры? Определимся сразу, что вещь – понятие многозначное. Такая ситуация возможна по той причине, что вещь в современном мире обладает не только многими смыслами, но и многими функциями, что связано с культурными, этимологическими причинами. Так, если обратиться к «Словарю современного русского литературного языка», то можно найти определение, которое звучит следующим образом: вещь обозначает понятие о всяком неодушевленном предмете. Вещь – это отдельный предмет материальной действительности, обладающий относительной независимостью и устойчивостью существования.

Можно уточнить бытийные признаки вещи, опираясь на концепцию М. Хайдеггера, «согласно которой предмет (*Gegenstand*) – это определенная форма, которой человек предписывает измышляемые им сущность и свойства, а отношение к вещи (*Ding*) обозначает прислушивание к ее внутренней потаенной сущности. Через вещь бытие самоопределяется в качестве мира, а человек плавно переходит от “присутствия” к бытию-в-мире. Вещь в этом случае это часть бытия, а не только культуры. Это форма в ее чистой непосредственной данности, в которой нет живой души: вещь веществует. В то же время вещь создается человеком и для человека, призвана служить ему и значить для него» [12, с. 327].

В итоге определение вещи звучит следующим образом, вещь – это феномен культуры, который имеет способность накапливать и заключать в себе традиции, социально-психологические установки, эстетические запросы, приобретает аксиологическое звучание.

Таким образом, сделаем вывод, что вещи в современной культуре являются чуть ли не основными слагаемыми, создающими повседневность человека. Все вещи выполняют ряд разнообразных функций: прежде всего утилитарную, но она может дополняться знаковой, игровой и т. д. Однако в любую вещь, принадлежащую традиционной или современной культуре, человечеством вложен некий смысл, формирующий ее знаковость. В современной культуре вещи имеют уникальные и принципиальные характеристики, например – приобретаемость, тиражируемость, технологичность, коллективность потребления. Очевидным является факт, что неутилитарные вещи, начиная с детских игрушек и заканчивая сувенирами, как правило, более «консервативны», так как у них нет особых причин для ускоренного усовершенствования. Более того, именно этот консерватизм, как правило, и является для их владельцев особой ценностью.

Исходя из всего вышеизложенного, смысловая нагрузка каждой вещи в современной культуре выстраивается, с одной стороны, на ее культурной принадлежности, с другой – на индивидуальных особенностях воспринимающего ее человека единством чувственно-воспринимаемых и сверхчувственных элементов, проявляется в одновременном наличии у вещей утилитарной и символической функции и называется культурным смыслом. При этом культурный

смысл вещи всегда обладает динамикой. Динамика в свою очередь бывает горизонтальной и вертикальной. Культурная «вертикаль» являет собой временные рамки, как правило, развитие от глубины времен (или с момента появления) до настоящего времени. В свою очередь культурная «горизонталь» представляет собой многочисленное разнообразие, видоизменение культурных смыслов на текущий момент времени.

Именно через вещи формируется мир повседневности, заполненный вещами настолько плотно, настолько это возможно, кроме того именно этот мир поддерживает коммуникацию людей, объединяя их в группы. То есть вещь является средством межличностного общения. В этих случаях вещь приобретает эмоциональную и смысловую наполненность, и служит способом маскировки или демаскировки человека, такой вещью в современном обществе стал, например, мобильный телефон. Отметим, что человек наполняет вещь тем смыслом, который необходим ему в определенный период и четко отвечает его потребностям [7, с. 112]. В последние несколько десятилетий посредством повседневных вещей человек получил возможность выразить сколь угодно тонкие оттенки своего индивидуального культурного самоощущения и эмоционального отношения к действительности. В современном повседневном мире, заполненном потоками информации, которые постоянно побуждают человека потреблять дары цивилизации, повседневные вещи становятся статусными и имеет место символическое потребление.

Вещи в этом случае дают постоянную отсылку к множеству сформированных современной культурой мифов, становясь самодостаточными настолько, чтобы вписать человека в свою семиотическую систему. То есть человек больше не имеет полной власти над системой вещей, часть системы выстраивают непосредственно вещи. Ускорение этому процессу в значительной степени добавляют виртуализация повседневного и вещественного миров, которые развоплощают саму личность, стирая ее индивидуальность и переводят культурное бытие в симулятивную форму. Современная массовая культура, основанная на медийности и постоянном вращении в информационном пространстве, негативно отражается на повседневной жизни людей и общества в целом [5, с. 65].

Таким образом, особенности и смыслы вещей в современной культуре определяются прежде всего модусами культурного бытия и бытования вещей, среди которых особенно выделяются этический, персонологический, прагматический и семиотический. Вложенные в эти модусы смыслы и знаки не меняются на протяжении долгого периода времени, тогда как сами вещи несут отпечаток эпохи и формируют мир повседневности. В современной культуре вещи занимают особое место, так как многие явления этой культуры существуют по законам рынка, отмечается процесс утраты культурно-творческой позиции, замена ее на позицию потребительскую, в которой активность человека направлена непосредственно на мир вещей, в котором вещи стали партнерами людей по социальному взаимодействию.

Об этом мы размышляем, держа в руках и ощущая тепло мемориальных вещей Т. Н. Троицкой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Барт Р.** Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
2. **Бодрийяр Ж.** Система вещей. – М.: Рудомино, 1993. – 174 с.
3. **Капкан М. В.** Культура повседневности. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2016. – 107 с.
4. **Кнабе Г.** Язык бытовых вещей // Декоративное искусство СССР. – 1985. – № 6. – С. 39–43.
5. **Корнев В. В.** Философия повседневных вещей. – М.: Юнайтед Пресс, 2011. – 250 с.
6. **Лотман Ю. М.** Динамическая модель семиотической системы // Избранные статьи в трех томах. – Т. I: Статьи по семиотике и топологии культуры. – Таллин: Александра, 1992 – С. 76–90.
7. **Махлина С. Т.** Семиотика культуры повседневности. – СПб.: Алетейя, 2009. – 231 с.
8. **Морозов И. А.** Феномен куклы в традиционной и современной культуре: Кросскультурное исследование идеологии антропоморфизма. – М.: Индрик, 2011. – 352 с.
9. Неудобный дизайн повседневных вещей от Катерины Кампрани [Электронный ресурс]. – URL: <https://zagge.ru/neudobnyj-dizajn-ot-kateriny-kamprani/> (дата обращения: 13.03.2025).
10. **Одношовина Ю. В.** Многообразие смыслов мира вещей в культуре // Вестник ЧелГУ. – 2007. – № 14. – С. 22–27.
11. **Топоров В. Н.** Вещь в антропологической перспективе (Апология Плюшкина) // Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М.: Прогресс – Культура, 1995. – С. 7–111.
12. **Хайдеггер М.** Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
13. **Шипулина Н. Б., Щеглова Л. В., Шипицин А. И., Плужникова Н. Н., Елистратова Е. А.** Антропология вещи в городской культуре: концептуальные основы и поиск метода: монография. – Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2016. – 166 с.
14. **Эпштейн М.** Реалогия – наука о вещах // Декоративное искусство СССР. – 1985. – № 6. – С. 21–22.
15. **Edensor T.** National Identity, Popular Culture and Everyday Life [Электронный ресурс]. – Oxford and New York: Berg, 2002. – 224 p. – URL: <https://www.questia.com/read/103803953/national-identity-popular-culture-and-everyday-life> (дата обращения: 13.03.2024).

REFERENCES

1. Barthes R. Selected Works: Semiotics. Poetics. Moscow: Progress Publ., 1989, 616 p. (In Russian)
2. Baudrillard J. System of Things. Moscow: Rudomino Publ., 1993, 174 p. (In Russian)
3. Kaplan M. V. Culture of everyday life. Ekaterinburg: Ural University Publ., 2016, 107 p. (In Russian)
4. Knabe G. Language of everyday things. *Decorative Art of the USSR*, 1985, no. 6, pp. 39–43. (In Russian)
5. Kornev V. V. Philosophy of everyday things. Moscow: United Press LLC, 2011, 250 p. (In Russian)
6. Lotman Yu. M. Dynamic model of semiotic system. *Selected articles in three volumes*. Vol. I: Articles on semiotics and topology of culture. Tallinn: Alexandra, 1992, pp. 76–90. (In Russian)
7. Makhlina S. T. Semiotics of the culture of everyday life. St. Petersburg: Aleteia Publ., 2009. 231 p. (In Russian)
8. Morozov I. A. Phenomenon of dolls in traditional and modern culture: Cross-cultural study of the ideology of anthropomorphism. Moscow: Indrik Publ., 2011, 352 p. (In Russian)
9. Uncomfortable design of everyday things by Caterina Camprani [Electronic resource]. URL: <https://zagge.ru/neudobnyj-dizajn-ot-kateriny-kamprani/> (accessed: 13.03.2025). (In Russian)
10. Odnoshovina Y. V. The diversity of meanings of the world of things in culture. *Vestnik ChelSU*, 2007, no. 14, pp. 22–27. (In Russian)
11. Toporov V. N. Thing in anthropological perspective (Apologia Plyushkin). *Myth. Ritual. Symbol. Image. Studies in the field of mythopoetic: Selected*. Moscow: Progress – Culture Publ., 1995, pp. 7–111. (In Russian)
12. Heidegger M. Time and Being. Moscow: Respublika Publ., 1993, 447 p. (In Russian)

13. Shipulina N. B., Scheglova L. V., Shipitsin A. I. I., Pluzhnikova N. N., Elistratova E. A. Anthropology of Things in Urban Culture: Conceptual Foundations and Search for Method: Monograph. Volgograd: Volgograd Institute of Management – branch of FGBOU VO RANHEIGS Publ., 2016, 166 p. (In Russian)
14. Epstein M. Reology – the science of things. *Decorative Art of the USSR*, 1985, no. 6, pp. 21–22. (In Russian)
15. Edensor T. National Identity, Popular Culture and Everyday Life [Electronic resource]. Oxford and New York: Berg Publ., 2002, 224 p. URL: <https://www.questia.com/read/103803953/national-identity-popular-culture-and-everyday-life> (accessed: 13.03.2024). (In English)

Информация об авторе

Е. Е. Тихомирова, кандидат культурологии, доцент, заведующий кафедрой теории, истории культуры и музеологии, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-1656-521X>, imktikhomirova@mail.ru

Information about author

Elena E. Tikhomirova, Candidate of Culturology, Associate Professor, Head of the Department of Theory, History of Culture and Museology, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-1656-521X>, imktikhomirova@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 05.03.2025

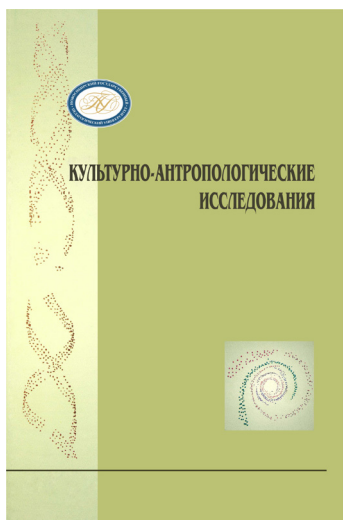
Одобрена после рецензирования: 16.03.2025

Принята к публикации: 28.03.2025

The article was submitted: 05.03.2025

Approved after reviewing: 16.03.2025

Accepted for publication: 28.03.2025

ЖУРНАЛ «КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

Главный редактор – Е. Е. Тихомирова, кандидат культурологии, доцент, заведующий кафедрой теории, истории культуры и музееологии, Новосибирский государственный педагогический университет, Россия.

Год основания журнала – 2009. Учредитель – ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет». Журнал публикует научные статьи, практические и методические разработки по философии культуры, культурологии, культурной

антропологии, истории культуры, культурсоциологии, культуре повседневности, лингвокультурологии. Приглашаем к сотрудничеству российских и зарубежных авторов.

Рубрики журнала:

1. Теоретико-методологические аспекты культурологии и других наук о человеке.
2. Актуальные исследования культурологии и смежных наук.
3. Практические разработки в области истории культуры и смежных наук.
4. Научный дебют (статьи студентов, магистрантов, аспирантов).
5. Дискуссионные вопросы гуманитарных наук.

Журнал индексируется в системе РИНЦ. Материалы для публикаций принимаются в течение года. Сроки размещения статей в номерах журнала зависят от соответствия присланных материалов указанным требованиям.

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ СТАТЕЙ

1. Содержание рукописи статьи должно быть проверено автором на предмет грамматических, стилистических ошибок и отвечать научному стилю изложения материала.

2. Метаданные статьи на русском и английском языках должны содержать сведения об авторе (для каждого автора/соавтора: Ф. И. О. полностью, должность, ученое звание, место работы, адрес электронной почты, город); название статьи; аннотация (от 1200 до 1500 знаков), в которой должны быть четко сформулированы цель статьи и основная идея работы; ключевые слова (5–10 слов или словосочетаний).

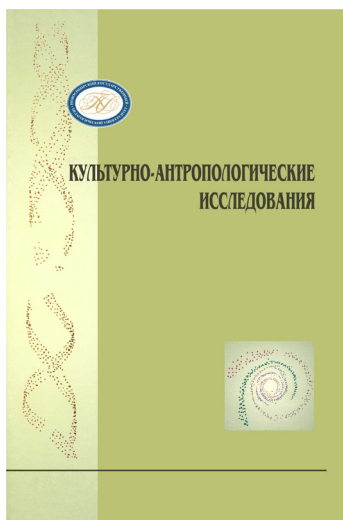
3. Автор в статье должен обозначить проблемную ситуацию, методологию исследования; раскрыть основное содержание, соответствующее тематике журнала; сделать выводы.

4. В конце статьи приводится список литературы, на который опирался автор (авторы) при подготовке статьи к публикации (для оригинальной статьи – не менее 5 источников). Указание на источники списка литературы оформляется сплошной нумерацией по всей статье, размещается в квадратных скобках после цитаты на соответствующий источник. Список литературы должен минимум на 70 % состоять из работ, опубликованных за последние 10 лет. Список оформляется строго по ГОСТ Р 7.0.5-2008.

5. Статьи отправлять по адресу: imktikhomirova@mail.ru.

6. Статьи регистрируются редакцией. Датой поступления статьи в журнал считается день получения редакцией окончательного текста.

Статьи, не соответствующие тематике журнала, оформленные не по правилам, без аннотации, с некорректно оформленным списком литературы, отклоняются.

CULTURE AND ANTHROPOLOGY RESEARCH JOURNAL

Chief Editor – E. E. Tikhomirova, Candidate of Culturology, Associate Professor, Head of the Department of Theory, History of Culture and Museology, Novosibirsk State Pedagogical University, Russia.

Year of foundation 2009. Founder federal state budget-funded educational institution of higher education "Novosibirsk State Pedagogical University". The journal publishes scientific articles, practical and methodical developments in philosophy of culture, cultural studies, cultural anthropology, history of culture, cultural

sociology, culture of everyday life, linguistic and cultural studies and invites Russian and foreign authors to co-operate.

The rubrics of the journal are:

1. Theoretical and methodological aspects of cultural studies and other human sciences.
2. Topical studies of cultural studies and related sciences.
3. Practical developments in the field of history of culture of related sciences.
4. Scientific debut (articles of students, undergraduates, graduate students, postgraduates)
5. Discussion questions of humanities.

The journal is indexed in the Russian Science Citation Index system. Materials for publications are accepted during the year. The terms of placing articles in the journal issues depend on the compliance of the submitted materials with the specified requirements.

REQUIREMENTS FOR ARTICLE MANUSCRIPTS

1. The content of the article manuscript should be checked by the author for grammatical and stylistic errors and meet the scientific style of presentation.

2. The metadata of the article in Russian and English should contain information about the author (for each author/co-author: full name, position, academic title, place of work, e-mail address, city); the title of the article; abstract (from 1200 to 1500 characters), which should clearly state the purpose of the article and the main idea of the work; keywords (5–10 words or phrases).

3. The author in the article should: identify the problem situation, research methodology; disclose the main content corresponding to the theme of the journal; draw conclusions.

4. At the end of the article is a list of literature on which the author (authors) relied in preparing the article for publication (for an original article – at least 5 sources). The indication of the sources of the reference list is made out by continuous numbering throughout the article, placed in square brackets after the citation of the corresponding source. The list of references should be at least 70 % of the works published in the last 10 years. The list of references should be drawn up strictly according to GOST R 7.0.5-2008.

5. Send articles to: imktikhomirova@mail.ru.

6. Articles are registered by the editorial office. The date of submission of the article to the journal is the day of receipt of the final text by the editorial office.

Articles that do not correspond to the theme of the journal, not designed according to the rules, without annotation, with incorrectly designed list of references, are rejected.